МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

«ДОНБАССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И АРХИТЕКТУРЫ» ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

XI Международной научной конференции

«НАУКА И МИР В ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ»

18 ноября 2025 г.

г. Макеевка

Н 14 Наука и мир в языковом пространстве : сб. науч. трудов XI Международной научной конференции (18 ноября 2025 г.) / ДОННАСА – филиал НИУ МГСУ. – Макеевка, 2025. – 129 с. : [Электронный ресурс]. – URL: http://donnasa.ru.

Сборник содержит 17 научных трудов участников XI Международной научной конференции «Наука и мир в языковом пространстве» (Макеевка, 18 ноября 2025 г.).

УДК 80+81+316.77+372+378
ББК 80+81+60.524.224.022+74.482

Печатается по решению ученого совета «Донбасской национальной академии строительства и архитектуры» – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». Протокол № 2 от 28.11.2025 г.

Научные труды представлены по таким тематическим направлениям: «Теоретико-методологические и прикладные проблемы филологии»; «Язык и средства массовой информации», «Межкультурная коммуникация»; «Теория и методика профессионального образования», «Историко-философские науки».

Издание заинтересует учёных-филологов, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, занимающихся проблемами современной лингвистики, межкультурной коммуникации и педагогики.

Авторы научных статей несут ответственность за оригинальность текстов, а также достоверность изложенных фактов и положений.

© ДОННАСА – филиал НИУ МГСУ, 2025

Редакционная коллегия:

Зайченко Н. М. – директор ДОННАСА – филиала НИУ МГСУ, доктор технических наук, профессор;

Севка В. Г. – первый заместитель директора ДОННАСА – филиала НИУ МГСУ, доктор экономических наук, профессор;

Мущанов В. Ф. – директор УНИДИ ДОННАСА – филиала НИУ МГСУ, доктор технических наук, профессор;

Генова А. А. – декан факультета экономики, экспертизы и информационных систем в строительстве и недвижимости ДОННАСА – филиала НИУ МГСУ, кандидат экономических наук, доцент;

Свиренко Ж. С. – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации ДОННАСА – НИУ МГСУ;

Тимошко Г. В. – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и философии ДОННАСА – филиала НИУ МГСУ;

Назар Р. Н. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации ДОННАСА – филиала НИУ МГСУ.

Рецензенты:

Назар Р. Н. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации (ДОННАСА – филиал НИУ МГСУ);

Свиренко Ж. С. – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации (ДОННАСА – филиал НИУ МГСУ).

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ. ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА, СМИ **6**

1. ***Гапонова Т. Н.*** КЛАССИФИКАЦИЯ СЛОЖНОСОЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО СМЫСЛОВЫМ ОТНОШЕНИЯМ МЕЖДУ ИХ ЧАСТЯМИ **6**

2. ***Гранина Д. И., Касьяненко Н. Е.*** АНТРОПОНИМЫ КАК СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЖАНРА ФЭНТЕЗИ В. А. РУСАНОВА **13**

3. ***Гулякина Е. В.*** ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ КАК ВАЖНЫЙ АСПЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДИДАКТИКИ **20**

4. ***Железнякова О. В., Данилова Д. Д.*** ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ **26**

5. ***Жилина С. А.*** ГЕНДЕРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ НОРМ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф. С. ФИЦДЖЕРАЛЬДА) **31**

6. ***Ковалёва Н. А.*** ПЕРЕВОД И СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА **40**

7. ***Ковалёва Н. А.*** СИНТАКСИЧЕСКАЯ ЧЛЕНИМОСТЬ СУЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ **46**

8. ***Макаренко Ю. В., Касьяненко Н. Е.*** ЛИНГВОИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РАССКАЗА В. АСТАФЬЕВА «КОНЬ С РОЗОВОЙ ГРИВОЙ» В 6 КЛАССЕ **54**

9. ***Московская Т. В.*** ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗОВ **61**

10. ***Назар Р. Н.*** ПРАГМАТИКА СТРОИТЕЛЬНЫХ АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ В ПУБЛИЦИСТИКЕ **70**

11. ***Недбайлик С. Р., Пашкова Я. Д., Егоров Р. А.*** À PROPOS DES PHRASÉOLOGISMES AUX COMPOSANTS ZOONYMIQUES EN FRANÇAIS ET RUSSE MODERNES **80**

12. ***Черкасова М. Г.*** ИНТЕГРИРОВАННЫЕ ЗАНЯТИЯ В ВУЗЕ **87**

СЕКЦИЯ 2. ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ. ПЕДАГОГИКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ **92**

13. ***Гергель Р. М.*** ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОСНОВ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ **92**

14. ***Назар Р. Н., Тахтарова М. А.*** РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ «ОСНОВЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА» В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ СТРОИТЕЛЬНОГО ВУЗА **98**

15. ***Свиренко Ж. С.*** ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА **105**

16. ***Северилова П. В.*** ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ НАУКИ И ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА **111**

17. ***Сельская И. В.*** ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ФОРМИРОВАНИИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ МЕХАНИЗАЦИИ ДЛЯ СТРОИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА **120**

СЕКЦИЯ 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ. ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА, СМИ

УДК 81’367.3

КЛАССИФИКАЦИЯ СЛОЖНОСОЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО СМЫСЛОВЫМ ОТНОШЕНИЯМ МЕЖДУ ИХ ЧАСТЯМИ

Гапонова Татьяна Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации,
«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный университет»

Аннотация. В статье рассматривается классификация сложносочинённых предложений по смысловым отношениям между их частями. Выделяются традиционные типы сложносочинённого предложения: соединительные, противительные и разделительные. В границах этих типов предложений анализируется структурно-семантические модели: соединительно-результативные, соединительно-распространительные и соединительно-перечисляемые – в пределах соединительных предложений. В противительных отношениях выделяются: противительно-ограничительные, противительно-уступительные и противительно-компенсирующие. В разделительном типе описываются значение чередования и исключения. Отдельным типом автор рассматривает предложения с объяснительно-присоединительным значением, которые автор выделяет в отдельную группу в силу функциональной специфики союзов. Среди градационных сложносочинённых предложений выделяются два типа: собственно-градационные и усилительные.

Ключевые слова: *сложносочинённое предложение, соединительный тип предложений, противительный тип предложений, разделительный тип предложений, градационный тип предложений.*

Abstract. The article considers the classification of compound sentences according to the semantic relations between their parts. The traditional types of

compound sentences are distinguished: connective, oppositional, and separative. Within the boundaries of these types of sentences, structural and semantic models are analyzed: connective-productive, connective-distributive, and connective-enumerated within connective sentences. In oppositional relations, there are: oppositely restrictive, oppositely concessive, and opposingly compensatory. The separation type describes the meaning of alternation and exclusion. As a separate type, the author considers sentences with explanatory and connective meaning, which the author identifies in a separate group due to the functional specifics of unions. There are two types of gradational compound sentences: proper-gradational and amplifying.

Keywords: *compound sentence, connective type of sentences, contrastive type of sentences, separating type of sentences, gradation type of sentences.*

Сложносочиненные предложения неоднородного состава составляют сочетание двух сочинительных компонентов, которые являются неоднородными по семантике. Чаще всего при этом употребляются союзы *и, также, тоже*, выражающие соединительно-распространительные, соединительно-результативные и другие отношения. При этом соединительно-распространительные отношения характеризуются относительной смысловой подчиненностью второй части первой: *Гнев у Петра уже начал проходить, и в этой истории он сейчас уже видел и смешное* (М. Стельмах). В соединительно-результативных сложносочиненных предложениях с союзом *и* вторая часть выражает результат, следствие, вывод, который является производным первой придаточной части. Последнее усиливается употреблением местоименных наречий типа *поэтому* или вставных элементов *значит, следует* и др: *В наш век у каждого по горло собственной работы, и потому никто не имеет времени разбираться в скромности какого-то индивидуума*; *Люди приблизились к пожарищу, и тяжело заревел скот, боясь подойти к огню* (М. Стельмах).

Сложносочиненные предложения, придаточные части которых соединены союзом *и*, могут выражать также условно-следственные и причинно-следственные отношения, что обусловливается особенностями лексического наполнения соединяемых частей: *Скоро журавли принесут на крыльях тепло, и тогда люди выйдут сеять овес и ячмень*. *Сверкнула молния, и на калиновый лист упали первые капли дождя* (М. Стельмах).

Относительно сопоставительных и противопоставленных сложносочиненных предложений, то длительное время на сложносочиненные сопоставительные предложения не обращалось достаточно внимания, в частности они не выделялись среди

противопоставительных предложений. Потребность вести разговор не о противопоставительных, а о сопоставительно-противительных предложениях аргументировал А. П. Грищенко, который доказал, что сопоставительные предложения имеют своеобразное содержание, внутреннее строение, позиционную связанность и видо-временные формы сказуемых [4, с. 97].

И. А. Попова четко разграничивает сопоставление и противопоставление и ставит их в зависимости от распространения в языковой практике на второе место после соединительных отношений. Исследовательница выделяет такие разновидности сопоставления: а) собственное сопоставление, в основе которого находится установление различий между сопоставляемыми предметами и явлениями; б) отдельным случаем сопоставления является противопоставление, в основе которого находится не различие, а противоположность предикатов, определяющих субъекты (противопоставление в таких случаях усиливается наличием антонимов, то есть лексической стороной предложений); в) сопоставление составных частей сложносочиненного предложения в целом и выражение при этом отношения несоответствия.

Чешские языковеды, в частности Я. Бауэр, к определению сопоставительных и противопоставительных отношений в сложносочиненных предложениях подходят с других позиций. Сопоставительно-противопоставительные предложения Я. Бауэр рассматривает как противопоставленные, а сопоставление считает своеобразным вариантом противопоставления.

Общий смысл сложносочиненных предложений с сопоставительно-противопоставительными отношениями выражается в современном русском языке, как и в других славянских языках, в том, что два (иногда и более) факта действительности, сообщение о которых составляет содержание составных частей, сопоставляются, сравниваются на основе разнообразных признаков как независимые друг от друга или ставятся в отношение противоположности, контраста [4, с. 95]. Количественное ограничение составных частей вытекает из характера противопоставленно-сопоставительных отношений: каждый единичный акт сопоставления-противопоставления и противопоставления-контраста требует лишь двух сравниваемых объектов. Сложносочиненные предложения этого типа являются предложениями закрытой структуры.

В таких предложениях (союзы *а* и *и* (в значении *но*)) сопоставляются разные явления, при этом они не отрицают друг друга при условии своей не тождественности, а как бы сосуществуют: *Над землей дрожало мглистое серебро лунной ночи, а на земле тени облаков цеплялись за тени сосен*

(Л. Леонов). В сложносочиненных предложениях с сопоставительными отношениями реализуются отношения неконтрастного плана, поскольку проявление одного из действий не отрицает проявление другого, а дополняет его.

Предложения с противопоставленными отношениями (союзы *но, зато, однако* и др.) выражают разнообразные виды противопоставленной семантики: 1) противопоставленно-ограничительной, 2) противопоставленно-уступительной, 3) противопоставленно-компенсирующей и др.

В противопоставленно-ограничительных предложениях (союзы *но, однако*) сообщается о таких событиях, второе из которых ограничивает количественное и качественное проявление первого или уточняет его, отрицая в чем-то его содержание.

В сложносочиненных предложениях с противопоставительно-уступительной семантикой (союзы *но, однако*) само противопоставительное значение осложняется значением уступки; вторая часть таких предложений содержит сообщение, противоположное тому, что могло бы вытекать из содержания первой составной части: *Поезд пришел точно по расписанию, но Вари на перроне не было*. *Весна сияла на небе, но лес ещё по-зимнему был засыпан снегом* (Л. Леонов).

В сложносочиненных предложениях с противопоставительно-компенсирующей семантикой (союзы *зато, но* и т. п.) определенное явление рассматривается в разных аспектах, при этом один из них квалифицируется чаще всего отрицательно, а второй – положительно: *Ничего не мог ответить Павлу, но этот день еще больше сблизил его с молодым командирам* (М. Стельмах).

Относительно разделительных сложносочиненных предложений, то они составляют в современном русском языке вполне выразительный, отличный от других тип сложного предложения. Разделительные отношения отличаются от соединительных, сопоставительных и противопоставительных тем, что они выражают исключение или чередование событий, явлений, поэтому издавна разделительные предложения делились на два типа – со значением исключения и чередования. Некоторые синтаксисты, беря за основу смысловые отношения между составными частями разделительных сложносочиненных предложений, разграничивают их на отдельные подтипы этих предложений. Такой подход к анализу разделительных сложносочиненных предложений присущ, в частности, Я. Бауэру. Он считает, что разделительное сложное предложение является сочетанием предложений, которые выражают несовместимые, взаимоисключающие друг друга действия. Я. Бауэр

выделяет четыре разновидности разделительных сложносочиненных предложений, беря за основу дифференциации оттенок причинно-следственной связи в пределах разделительного отношения между составными частями сложносочиненного предложения и союзы, которые связывают их [4, с. 138].

Все сложносочиненные предложения с разделительными союзами относятся к сложносочиненным предложениям однородного состава. Отношения взаимоисключения выражаются с помощью союзов *или, то ... то, не то...не то, или то...или то*. Союз *или* может быть повторяющимся. Он указывает, что содержание первой, второй и последующей частей исключают друг друга: *Из угрюмого враждебного неба льёт дождь или мокрый падает снег* (В. Вересаев); *То скрипнет дверь, то тихо отворится калитка, то птица закричит в тишине* (К. Паустовский) *;Или это снег растаял, или это действительно живая слеза?* (М. Стельмах).

В разделительных сложносочиненных предложениях, охватывающих отношения взаимоисключения, наличие реализации одного действия предполагает отсутствие проявления другого: *Или вольный ветер пронесется, или мороз ударит* (М. Вовчок).

В предложениях с семантикой чередования (союз *то...то*) речь идет о событиях в разных временных планах, то есть чередующихся: *То мы их бьем, то они нас, то они драпают от нас, то мы...перебазируемся.* (М. Стельмах).

Неоднозначно в современной лингвистике квалифицируются присоединительные сложносочиненные предложения. Необходимость выделения присоединительных предложений еще в свое время обосновал Л. В. Щерба, обратив внимание на сложность разграничения предложений противопоставленных и предложений присоединительных. Однако А. П. Загнитко отмечает, что выделение присоединительных союзов в синтаксическом строе языка является несколько условным, поскольку такие союзы являются вторичными [5, с. 348]. Сложносочиненные предложения с присоединительными союзами характеризуются тем, что в них вторая часть возникает как нечто дополнительное к первой. Дополнительный характер и интонационное своеобразие присоединительной конструкции (перед союзом имеется пауза, которая отображается точкой с запятой или тире) создается благодаря присоединению конструкции, содержание которой не вытекает из смыслового фона первой предикативной части. Присоединительный характер таких частей обусловливает иногда изменение придаточными союзами своего основного значения, что часто сопровождается добавлением частиц, наречий, местоимений: *Ты же учился в университете, да и голова у тебя не заплесневелая* (М. Стельмах*); В селе*

запахло ржаным духом, и потому обнадеженные земледельцы не отходили ни днем ни ночью от молотилок (М. Стельмах).

Сложносочиненные предложения с объяснительно-присоединительными союзами образуют отдельную группу в силу функциональной специфики союзов *а именно, то есть,* которые присоединяют вторую предикативную часть, при этом последняя характеризуется объяснительной семантикой относительно первой, ее появление является внезапным и не обусловлено смысловым фоном первой предикативной части: *Чернышеву на время артподготовки выпало быть старшим, то есть командовать соединенным огнем всех трех минрот* (О. Гончар).

В большинстве работ сложносочиненные предложения с градационными союзами в отдельный тип не выделялись, а рассматривались среди соединительных или сопоставительных конструкций. В. А. Белошапкова впервые такие конструкции выделила в отдельный тип сложносочиненных предложений. Основанием для такого выделения было особое значение этих предложений – указание на нарастание каких-то событий или явлений и особые градационные союзы *не только ... но, не только ... но и* и другие. Среди градационных сложносочиненных предложений она выделяет два типа: собственно-градационные и усилительные [1, с. 678–679]. Под влиянием В. А. Белошапковой градационные предложения начали изучать и другие авторы, рассматривая их среди соединительных сложносочиненных предложений и называя их соединительно-градационные [2; 5, 6 и др.]. Едино-градационные сложносочиненные предложения анализирует также А. А. Загнитко, замечая, что среди внутрирядных отношений имеются такие, которые не могут быть прямо противопоставлены основным семантическим типам. Такими выступают градационные и присоединительные отношения. Это вторичные значения, которые накладываются на соединительные, разделительные, противопоставленные [5, с. 226]. Соединительно-градационными являются отношения, выражаемые парными союзами *не только... но и, если не... то, не то чтобы... а, не то что... а*: *В октябре не только идут холодные дожди, но даже может выпасть первый снег* [5, с. 234]. Как отдельную разновидность градационные сложносочиненные предложения выделяет И. Р. Выхованец [3, с. 304] и И. И. Слинько [7, с. 626].

Классический синтаксис традиционно рассматривает предложения именно по смысловым отношениям между их частями. Но это оставляет без внимания анализ структурных различий различных типов этих предложений.

Литература

1. Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис / В. А. Белошапкова. – М. : Высш. шк., 1977. – 248 с.

2. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка / Н. С. Валгина. – М. : Высш. шк., 1973. – 328 с.

3. Вихованець І. Р. Граматика української мови. Синтаксис : підручник / І. Р. Вихованець. – К. : Либідь, 1993. – 368 с.

4. Грищенко А. П. Складносурядне речення в сучасній українській літературній мові / А П. Грищенко. – К. : Наук. думка, 1969. – 155 с.

5. Загнітко А. П. Теоретична граматика української мови : Синтаксис : монографія / А. П. Загнітко. – Донецьк : ДонНУ, 2001. – 662 с.

6. Курс сучасної української літературної мови: Синтаксис / За ред. Л. А. Булаховського. – Т. ІІ. – К. : Рад.шк., 1951. – 408 с.

7. Слинько І. І. Історичний синтаксис української мови / І. І. Слинько. – К. : Вища шк., 1973. – 215 с.

Gaponova Tatiana,
"Donbass National Academy of Civil Engineering and Architecture" – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering",
CLASSIFICATION OF COMPOUND SENTENCES BY SEMANTIC RELATIONS BETWEEN THEIR PARTS

УДК 81’373.2:82 – 312.9

АНТРОПОНИМЫ КАК СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЖАНРА ФЭНТЕЗИ В. А. РУСАНОВА

Гранина Дарья Игоревна,
магистрант 2 курса образовательной программы магистров;
Касьяненко Наталья Евгеньевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славянского и прикладного языкознания имени Е. С. Отина,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Аннотация. В статье рассматриваются особенности именования персонажей и их эстетическая значимость в произведениях жанра фэнтези В. А. Русанова под влиянием различных факторов. Проводится мысль о том, что собственные имена, прежде всего антропонимы, выступают эффективным инструментом формирования образной системы и выразителем жанрово-тематического своеобразия произведения. Выявляются особенности семантики собственных имен в контексте псевдореальности. Анализируются онимы, как являющиеся принадлежностью реального именника, так и созданные авторским воображением; описаны некоторые приемы поэтики В. А. Русанова.

Ключевые слова. *Антропонимы фэнтези, В. Русанов, Донбасс, псевдореальность,семантика, антропонимы*.

Abstract. The article examines the features of character naming and their aesthetic significance in V. A. Rusanov's fantasy works, which are influenced by various factors. It suggests that proper names, primarily anthroponyms, serve as an effective tool for shaping the figurative system and expressing the genre and thematic uniqueness of the work. The article identifies the semantics of proper names in the context of pseudo-reality. It analyzes both onyms that belong to real names and those created by the author's imagination, and describes some of V. A. Rusanov's poetic techniques.

Keywords: *Anthroponyms fantasy, V. Rusanov, Donbass, pseudo-reality, semantics, anthroponyms.*

Среди читательских предпочтений в последнее время одно из ведущих мест занимает фантастика, в частности произведения жанра фэнтези, имеющего уже прочную отечественную традицию. Они приобретают все большую популярность. Среди таковых стоит выделить и

произведения донецких писателей. Среди них особо стоит отметить творчество Владимира Адольфовича Русанова, чьи книги были отмечены наградами. В частности, в 2015 г. писатель стал обладателем премии «Лунная радуга» в номинации «В области литературы» за трилогию «Клинки Порубежья».

На развитие произведений указанного жанра, безусловно, оказала влияние русская, а позднее российская традиция. Элементы фэнтези можно обнаружить и в поэмах А. С. Пушкина, в сказках и балладах В. А. Жуковского, в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Продолжают указанную традицию и произведения российских авторов – К. Булычова, В. Орлова, П. Вежинова, В. Крапивина и др. (см. об этом подробнее в [4]).

В настоящее время исследование собственных имен в жанре фэнтези все чаще привлекает внимание лингвистов. Правда, большей частью эти исследования проводятся на базе произведений зарубежных писателей – см., например: [1], [5], [8].

В контексте литературоведения и лингвистики функциональная нагрузка поэтонимов, или имен в художественном произведении, как утверждает Михайлов В. Н., рассматривается с двух ключевых позиций: рецептивной (читательской) и креативной (авторской) [6].

С рецептивной точки зрения, именно для читателя СИ выступает первичным и основным идентификатором персонажа, способствующим формированию целостного психологического образа в процессе чтения.

С креативной позиции, для писателя-творца поэтоним является мощным инструментом символизации и смыслопорождения. Эта идея находит обоснование в трудах П. А. Флоренского [13], который утверждал, что имя онтологически предопределяет сущность именуемого. Иначе говоря, избранное автором имя программирует характер и модель поведения персонажа, который в дальнейшем развивается в повествовании в соответствии с различными его (имени) коннотациями.

Не случайно А. В. Суперанская [12] отмечала, что ключевая функция антропонима заключается в идентификации и индивидуализации объекта. Данный принцип полностью применим к литературной антропонимии: поскольку художественный персонаж является одушевлённым объектом, наделённым комплексом личностных характеристик, его необходимое выделение и индивидуализация в структуре текста закономерно осуществляется через наделение его именем собственным.

Как известно, собственные имена (далее СИ) несут в себе отпечаток исторических, социальных, экономических и культурных условий, охватывая все аспекты человеческой деятельности. Носитель имени рассматривается как преемник не только своего религиозного патрона

(святого), но и одноименного исторического или литературного персонажа. Указанная специфика обуславливает устойчивый научный интерес к антропонимике, к культурно-исторической семантике и поэтике имени, что обусловливает *актуальность исследования.*

Яркой иллюстрацией обоснованного ономастического выбора в современной литературе может служить творчество Владимира Русанова. Его цикл «Горячие ветры севера», демонстрирует скрупулёзно разработанную ономастическую систему, полностью соответствующую средневековому сеттингу. Антропонимикон цикла, насчитывающий сотни уникальных имён для персонажей различного статуса и значимости внутри и вне произведения, выполняет не только функцию историко-культурного антуража, но и служит инструментом глубокой и психологической характеристики, подчёркивая непреходящую значимость СИ как доминантного элемента художественного мира.

Цель исследования с учетом всего вышесказанного заключается в комплексном изучении семантики антропонимов (собственных имен человека) в произведениях жанра фэнтези В. А. Русанова, а также в выявлении их роли в формировании образной системы литературного произведения и характеристике персонажа.

В мире «Горячих ветров севера» система именований подчеркивает его полиэтничность и культурную многослойность. Здесь соседствуют разные традиции: благородный *Марциал Просветитель* с латинским именем, который «вознамерился обучить грамоте всех свободных граждан Империи», что может отсылать к античному наследию и символизирует идею всеобщего образования; правители *Витгольд и Экхард* отражают германо-скандинавский пласт, характерный для «северного» фэнтези; также правитель *Властомир*, происходящий от славянских корней «власть» и «мир», указывает на восточноевропейское влияние. Такое сочетание имен не сводится к подражанию одной культуре, а создает реалистичный образ мира, где взаимодействуют и пересекаются разные народы и традиции, что соответствует историческим процессам.

В цикле особую роль играет система имен-прозвищ, представляющая наиболее многочисленную и выразительную категорию ономастики. именно в сфере прозвищных имен можно наблюдать стремление автора «расшифровать» имя персонажа или каким-то образом намекнуть на него. Например, семантика прозвища главного героя *Молчун*, которое фактически играет в романе роль основного наименования, поддерживается контекстом на протяжении всего повествования. Использование по отношению к герою перифразы («***молчаливый*** *спутник Мак Кехты»* [9, с. 44]), метких штрихов к портрету («*природная* ***сдержанность*** *и приобретенная с годами осторожность взяли верх»* [9, с. 144]), замечаний об особенностях

поведения («*– Кому ж* ***молчать****, как не ему <…> – донеслось язвительное замечание Бейоны*» [9, с. 198]) – все это в совокупности указывает на смысловую подоплеку и мотивацию имени.

Прозвища нередко замещают собственные имена, что характерно для военной, маргинальной и простонародной среды. Их семантика отражает как внешние признаки персонажей (*Прищуренный, Желвак, Плешак, Трехпалый, Пупок, Хвост*), так и особенности характера или репутации (*Молчун, Вырвиглаз, Витек Железный Кулак, Живолом* – последнее носит иронично-гротескный характер, но одновременно обладает потенциально пророческой функцией).

Показательно, что некоторые из славянских прозвищ, отмеченных в романе В. Русанова «Закатный ураган», присутствуют в словаре известного филолога В. М. Тупикова [11]. В частности, прозвищное имя одного из стражников *Кисель* находит соответствие в следующей записи: «Игнашка Семеновъ, *прозвище Кисель*, крестьян» [11, с. 12]; прозвище *Бессон* подтверждается наличием такой фиксации: «Петр, *прозвище Безсонъ*» [11, с. 45]. Встречаются у В. М. Тупикова и другие имена – *Воробей, Бык, Конь*. Примечательно, что, по утверждению самого автора, «рускія имена имѣли иногда значеніе лишь прозвищъ» [11, с. 14]. Не является исключением в этом плане и роман В. Русанова.

Наряду с прозвищами, в тексте произведений писателя присутствуют и собственные «обычные» имена, соотносимые с социальной идентификацией персонажей (*Эван, Валлан, Герек, Лабон*). Такие имена тоже подчеркивают принадлежность к определенной культурной или этнической среде и подчеркивают бытность мира. В художественном тексте имена с погашенной внутренней формой в равной степени участвуют в конструировании образа персонажа, хоть и реализуют эту функцию иными способами. Так, Эвана в тексте маркируют как «южанина», указывая на его иноземное происхождение. Примечательно, что в Скандинавии присвоение языческого имени человеку, исповедующему христианство, по всей видимости, изначально не считалось проблемой. Носителем такого исконного имени (зачастую с явной «языческой окраской») мог быть как простой человек, так и сын конунга или даже монах.

Упоминание имен *Кофона* и *Коннада*, относящихся к Перворожденным (сидам), вводит в текст элементы эльфийской эстетики. При этом имя *Коннад* отмечено как нетипичное для внутренней среды мира, что соотносится с описанием персонажа («приземистый и широкоплечий») и акцентирует его исключительность в рамках группы Перворожденных.

Реальные, «обычные» онимы в тексте произведений В. А. Русанова направлены на создание образа того или иного персонажа. Например, имя Гелка, которое принадлежит одной из главных героинь фантазийного

произведения «Закатный ураган», является уменьшительным от имени Гелла, которое буквально восходит к греческому «солнечная». Закономерно, что на протяжении всего повествования это имя фигурирует в уменьшительном варианте, тем самым подчеркивая юный возраст девочки-арданки и исключительную симпатию и любовь к ней главного героя, который по-отечески относится к героине. «Солнечный» характер девушки проявляется не только в ее внешности: в рыжей косе и веснушках (<…> *веснушки. Вон у Гелки их тоже с избытком. Только у нее не уродуют, а пригожести добавляют. Этакой задоринки и деревенской простоты*) [9, с. 140], но и в поступках, и в поведении. Способность быть «живым оберегом», вселять уверенность в людей, с теплотой относиться к людям – все это неотъемлемые черты образа Гелки. Даже прозвище *Белочка* (вспомним о рыжем цвете зверька), данное девушке главным героем, перекликается семантически с основным именем.

Мир «Саги о Бренде Лучнике» построен в русле классической фэнтезийной традиции с четким противопоставлением Империи и окраинных земель. Онтология имен в данном цикле подчеркивает различие между «цивилизованным» имперским центром и периферией. Так, образ воина Тормана Тала воплощает представления о твердости, суровости и надежности; в самом звучании имени прослеживаются возможные ассоциации с германо-скандинавскими корнями (ср. Тор, Торос). Краткость и «рубленость» имени Тал соотносятся с воинским характером персонажа и отражают его сущность как грубого, но несгибаемого старого генерала.

Имена Джелкас, Игепиус и Спильг Опадан звучат инородно по отношению к славянской традиции. Игепиус несет в себе явный античный оттенок (возможная этимология – от лат. egestas «нужда»), что иронично соотносится с его судьбой и социальным положением выходца из утонченных Вольных Герцогств. В отличие от него, Джелкас и Спильг Опадан обладают более резким фонетическим строем, что может указывать либо на менее знатное происхождение, либо на иную культурную принадлежность.

Иначе назван центральный персонаж саги: *Бренд Лучник* носит простое, почти нарицательное имя-прозвище, которое акцентирует род его деятельности, а не социальное или этническое происхождение. Сам автор саги В. А. Русанов, комментируя то, как возникло в его произведении данное имя, в своих записках пишет: «Имя почему-то родилось без малейшего труда. По ассоциации. Тому, кто помнит еще романы Ли Брекетт, фигурирующего в них выросшего на Меркурии землянина по имени Старк и горячительный напиток «Старка», после глотка-другого бренди имя Бренд не покажется тайной за семью печатями. Итак, Бренд. Он должен быть варваром. Кто же пишет фэнтези не про варваров? Герой

должен владеть мастерски каким-нибудь характерным видом оружия. Это знают даже черепашки-ниндзя. Племя, породившее Бренда, виделось мне чем-то похоже на североамериканских индейцев. Значит меч, секира, булава, алебарда и т.д. отпадали. Оставались лук и копье. Брул Копейщик (в некоторых переводах – Пикинер) из валузийского цикла Р. Говарда живо убедил меня в том, что Бренд просто обязан стать Лучником» [10].

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что проведенный анализ поэтической антропонимики В. А. Русанова демонстрирует, что языковой контекст произведения и лексический состав родного языка формируют основу для многообразного использования антропонимов в характеризующей функции. В художественном тексте антропоним выступает в качестве эффективного инструмента формирования образной системы, находящейся в полном соответствии с его жанровой природой, что позволяет рассматривать СИ в качестве выразителя жанрово-тематического своеобразия произведения.

Антропонимическое пространство составляет важную часть идиолекта писателя, отражая его индивидуальный стиль. Отличаясь системностью и поликультурностью, антропонимикон служит не просто историческим «пустым» фоном, а выполняет семиотическую функцию, кодируя социальные, этнические и личностные характеристики литературных персонажей. Ономастический выбор В. А. Русанова подтверждает теоретическое положение о том, что в художественном тексте СИ является мощным средством символизации. Антропоним персонажа функционально соотносится с авторской концепцией произведения, нередко храня в себе его ключевую смысловую нагрузку и выступая в роли выразителя центральной идеи.

Ономастический мир писателя, как свидетельствует всесторонний анализ, представляет собой ключ к пониманию художественного замысла произведения и органичной частью идиостиля автора.

Литература

1. Гай-Воронская Д. А. Специфика перевода имен собственных в фэнтези литературе с английского на русский языки (на материале произведения Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец»). – Минск, БГУ, 2024. – С. 229–232.

2. Гиппиус А. А. Скандинавский след в истории новгородского боярства // The Slavicization of the Russian North. Ed. By Juhani Nuorluoto. Helsinki, 2006. Pp. 93–109.

3. Гиппиус А. А., Успенский Ф. Б. К вопросу о соотношении языческого и христианского имени: древнерусские антропонимические дублеты в типологическом освещении // Славяне и их соседи. М., 2000.

4. Ковтун Е. Н. Рождение фэнтези : трансформация посылки в российской фантастике конца XX столетия / Е. В. Ковтун [Электронный ресурс]. – URL: http://www.slavcenteur.ru/Proba/Kovtun/kovtun_transposylki.pdf.

5. Миньян-Белоручева А. П., Плотникова А. В. Имена в романе Дж. Р. Толкиена «Властелин колец» // Вестник ЮУрГУ. – № 15. – Вып. 5. Сер. «Лингвистика». – С. 30–37.

6. Михайлов В. Н. Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX веков, их функции и словообразование : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.00.00. - Симферополь, 1955. – С. 60–63.

7. Новичков А. А. Онимы как средство создания вторичных миров в художественных произведениях фэнтези // Вестник Поморского ун-та. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». – № 3. – 2011. – С.84–89.

8. Плотникова А. В. Принципы и способы атрибуции имен собственных в произведениях жанра «фэнтези» (на материале английского языка) : Автореф. дис. …канд. филол. наук: 10.02.19 / Анна Вячеславовна Плотникова. – Москва, 2010. – 20 с.

9. Русанов, В. А. Закатный ураган (С. «Антология мистики и фантастики») / В. А. Русанов. – Луганск: изд-во «Шико», 2010.– 372 с.

10. Русанов В. А. Как я придумывал Бренда Лучника (записки графомана). – [Электронный ресурс]. – URL: https://samlib.ru/r/rusanow_wladislaw_adolfowich/brendstat.shtml?ysclid=miby5kq7h2112410698 (дата обращения: 28.10.2025).

11. Словарь древнерусских личных собственных имен: – Трудъ Н. М. Тупикова. – С.–Петербургъ, тип. Н. Н. Скороходова, Надеждинскъ, 1903.

12. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – Москва : Наука, 1973. – 367 с.

13. Флоренский П. А. Имена / П. А. Флоренский. М. : Купина, 1993. – 319 с.

Granina Daria,
Kasyanenko Natalia,
FSBEI HE “Donetsk State University”,

ANTHROPONYMS AS A MEANS OF CHARACTERIZATION OF CHARACTERS IN THE WORKS OF THE FANTASY GENRE BY V. A. RUSANOV

Исследование выполнено в рамках инициативной темы «Языковая картина мира в контексте новейших лингвистических парадигм» (номер госрегистрации НИОКТР 124112200105-7).

УДК 81.161.1

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ КАК ВАЖНЫЙ АСПЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДИДАКТИКИ

Гулякина Елена Вячеславовна,
старший преподаватель кафедры русского,
иностранного языков и культуры речи,
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»

Аннотация. Статья посвящена проблемам теории и практики современной прикладной лингвокультурологии, ее очевидным достоинствам, недостаткам и возможным перспективам; анализу используемых в данном направлении теории и терминологии, а также результатам ее применения в практике преподавания русского языка.

Ключевые слова: *лингвистика, лингвокультурология, прикладная лингвокультурология, лингвострановедение, лингводидактика.*

Abstract. The article is devoted to the problems of theory and practice of modern applied linguoculturology, its obvious advantages, disadvantages and possible prospects; the analysis of the theory and terminology used in this field, as well as the results of its application in the practice of teaching the Russian language.

Keywords: *linguistics, linguoculturology, applied linguoculturology, linguistics, linguodidactics.*

На сегодняшний день стало очевидным, что в процессе преподавания **русского языка как иностранного (РКИ)** недостаточно обучить обучающихся лексике и грамматике. Без освоения студентом ключевых моментов русской культуры полноценная коммуникация на русском языке станет невозможной. Именно поэтому совершенствование изучения студентами важнейших составляющих русской культуры в процессе преподавания **русского языка как иностранного** представляется актуальным.

Методология исследования традиционна для современной методики преподавания РКИ. Современная лингвокультурология, выступая как специфическое явление в науке о речи, выступает как продолжение работ ряда исследователей прошлого. Это такие известные исследователи, как В. Гумбольдт, А. А. Потебня, Э. Сепир, Б. Уорф.

Формулировку (связь языка и культуры) ввел В. Гумбольдт в конце XVIII – начале XIX века, так как в Германии произошел невероятный

подъем изучения гуманитарных наук. В области языкознания получили развитие индоевропеистика, психолингвистика, изучение языков и культур народов Экваториальной Африки и Юго-Восточной Азии [5].

Российско-украинский фон гуманитарных наук времен А. А. Потебни не отличался таким богатством и разнообразием (в России того времени среди творческой интеллигенции преобладали идеи славянского единства и миссионерства Российской империи, что нашло яркое отражение в его исследованиях).

Согласно концепции А. А. Потебни культура, будучи явлением более высокого порядка, чем язык, оказывает непосредственное влияние на язык. Между тем А. А. Потебня не привел явных доказательств такого влияния, что можно объяснить ранним этапом развития русского языкознания.

Так или иначе, В. Гумбольдт и А. А. Потебня работали на уровне общей теории.

В отличие от А. А. Потебни, согласно гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа, национальный язык с его особой структурой влияет на национальную культуру. Хотя исследования Сепира-Уорфа уже являются современной наукой, их справедливо критикуют за слабость доказательной базы и излишнюю широту выводов.

Предшественниками современной русской языковой культуры являются члены так называемого Пражского лингвистического кружка, которые относились к национальному языку не как к целостному, а как к дифференцированной структуре. По их мнению, в основе этого многообразия лежат субкультуры различных социальных слоев и социальных групп. Конечно, члены Пражского лингвистического кружка не пытались строить какую-либо стройную лингвокультурологическую теорию, потому что никогда не ставили перед собой задачи описания взаимодействия языка и культуры.

Между тем, в случае Пражского лингвистического кружка можно говорить о формировании методологической базы лингвокультурологии, в частности, об изучении жизненных процессов в языке. «Конкретные факты культуры отражаются на некоторых специфических уровнях языка, прежде всего в лексике, отчасти в стиле» [4, с. 47]. Этот вывод, безусловно, можно принять как важнейший теоретический для лингвокультурологии.

По методологии современная школа Института русского языка В. В. Виноградова Российской академии наук наиболее близка к Пражскому лингвистическому кружку. Сотрудники института по большей части занимаются изучением русского языка в рамках традиционных направлений, в том числе изучением жизненных процессов в языке.

В этом смысле представляют интерес определения лингвокультурологии как направления русистики, так как существующие

определения предполагают понимание или непонимание лингвокультурологами основных задач этого направления.

Главным здесь является определение В. В. Воробьева: «Культуролингвистика – сложная научная дисциплина, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в их функционировании»[3, с. 47].

Т. В. Евсюкова пишет, что лингвокультурология есть «разработка проблемы соотношения языка и культуры» [6, с. 4].

В. Н. Телия лингвокультурологию рассматривает как «раздел этнолингвистики, посвященный изучению и описанию соответствия языка и культуры в их синхроническом взаимодействии»[10, с. 216–217].

По мнению В. А. Масловой «целью лингвокультурологии является изучение взаимодействия языка, являющегося транслятором культурной информации, культуры с ее установками и предпочтениями, и человека, создающего эту культуру с помощью языка. Объект лежит на стыке нескольких фундаментальных наук – языкознания и культурологии, этнографии и психолингвистики»[8, с. 36].

Н. Н. Иванова считает, что «предметом изучения лингвокультурологии являются системно-структурные отношения, сложившиеся под влиянием культуры языкового общества»[7, с. 4].

Исследователи говорят либо о каких-то явлениях культуры, пытаясь проецировать их на язык, либо – о фактах языка, пытаясь привязать их к конкретным фактам культуры, воспроизводя тем самым противоречие идей А. А. Потебни и Э. Сепира (язык влияет на культуру – культура влияет на язык).

Т. В. Евсюкова отмечает, что предмет и объект лингвокультурологии на современном этапе флуктурирует, т.е. не имеет единообразного понимания даже в среде узких специалистов. «Либо анализируются языковые факты, способные нечто сказать о культуре, либо исследуются некоторые культурные явления, нашедшие отражение в языке»[6, с. 4].

Справедливость анализа Т. В. Евсюковой и наблюдения по этому поводу кажутся верными не только из неясности предмета исследования лингвокультурологии, но и из самой стилистики этого направления: несмотря на очевидность факта взаимодействия языка и культуры, неясность и обтекаемость формулировок практически во всех частях исследований в сфере лингвокультурологии говорит о недостаточной проработанности самих научных основ направления.

Нет сомнений в том, что лингвокультурология как направление будет развиваться и далее. Парадокс современной лингвокультурологии основан на том факте, что сам факт взаимодействия языка и культуры не подвергается сомнению, но вот как взаимодействуют язык и культура, по

большей части остается загадкой. Непонятно, что первично в таком взаимодействии – язык или культура. Непонятна и сама природа лингвокультурного, поскольку языковые и культурные явления имеют разную природу и с философской точки зрения несовместимы.

Современная языковая культура имеет несколько направлений:

- теоретическая лингвистика;
- сравнительное языкознание;
- историческое языкознание;
- сравнительное языкознание;
- язык и культура социальных групп;
- лингвистика текста;
- когнитивная лингвистика;
- геолингвокультурология;
- прикладная лингвистика[1, с. 47]. .

Прикладная лингвистика, для которой наиболее важным является решение конкретных методических задач, поиск материалов для учебного процесса, методы анализа промежуточных и конечных результатов обучения, а также области применения полученных результатов. полученные в практике преподавания русского языка как иностранного.

С одной стороны, прикладная лингвокультурология исследует проблемы взаимодействия языка и культуры, существуя как теоретическая дисциплина.

В то же время в прикладной лингвокультурологии, как и в лингвокультурологии в целом, наблюдается непонимание сущности такого взаимодействия языка и культуры. Иными словами, теоретическая база прикладной лингвокультурологии иллюзорна, сводится к расплывчатым формулировкам.

С другой стороны, прикладная лингвокультурология существует как важный аспект лингвистической дидактики, обращает внимание обучающихся на комплекс культурных ценностей русского народа, претендует на всестороннее раскрытие лингвокультурологической сущности социокультурных явлений в современном российском обществе, объясняет возможность комплексного лингвокультурологического анализа текстов на русском языке среди иностранной аудитории.

Идея изучения культурных реалий вместе с изучением языка продуктивна и не может вызывать сомнений. Эта идея не нова и решается в рамках понятного направления в лингводидактике – в рамках лингвострановедения, которое не претендует на решение сложных теоретических вопросов и ориентируется на ознакомление обучающихся с реалиями русской культуры вместе с преподаванием русского языка.

Обучающиеся хорошо усваивают мысль о том, что каждый язык на лексическом уровне отражает духовную и материальную культуру народа - носителя этого языка. При этом определенной этнической культуре не обязательно соответствует определенный язык как коммуникативная система. Мир знает множество примеров, когда люди теряли свой национальный язык, переходили на другой язык, даже дважды меняли язык, но сохраняли свою этническую культуру.

Язык – это система общения. Практически все явления культуры могут быть переданы на любом развитом языке.

В процессе обучения русскому языку как иностранному не следует говорить непонятыми словами о каких-то несуществующих мистических культурных смыслах, содержащихся в русском языке.

При этом необходимо понимать, что одного знания лексики и грамматики русского языка недостаточно для полноценного общения. Чем глубже студент узнает о русской культуре, тем легче будет процесс общения на русском языке. При этом не нужно говорить о концептах, лингвокультуремах и многом другом в современной лингвокультурологии.

Подход к проблеме одновременного изучения языка и культуры не случаен, так как позволяет удачно сочетать элементы страноведения с языковыми явлениями, выступающими не только как средство общения, но и как средство коммуникации.

Необходимость сохранения лингвокультурологического подхода, ставшего классическим в преподавании русского языка как иностранного – способ познакомить обучающихся с новой для них реальностью.

Такой способ обучения иностранным языкам во многом не только предлагает более эффективное решение практических, общеобразовательных, развивающих и воспитательных задач, но и таит в себе большие возможности для востребования и дальнейшего повышения мотивации к обучению.

Литература

1. Василюк И. П. Прикладная лингвокультурология : проблемы подбора и анализа языкового материала для практики обучения русскому языку как иностранному / И. П. Василюк. – 2010. – [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru.

2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедение и принцип коммуникативности / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : МОПИ им. Н. К. Крупской, 1983.– 84 с.

3. Воробьев В. В. О понятии лингвокультурологии и ее компонентах // Язык и культура: Вторая международная конференция : Доклады. – Киев, 1993. – С. 42–48.

4. Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура / Б. Гавранек // Пражский лингвистический кружок, М., 1967. – 147 с.

5. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

6. Евсюкова Т. В. К проблеме перевода лингвокультурем словаря культуры / Т. В. Евсюкова // Лингвистические и психолого-педагогические проблемы теории практики преподавания иностранных языков : Ученые записки. Вып. 5 / РГЭУ (РИНХ). Ростов-н/Д., 2005. – С. 3–7.

7. Иванова Н. Н. Структурно-семантические особенности и лингвокультурологический потенциал приметы : дис. … канд. филол. наук / Н. Н. Иванова. – Псков, 2005.– 224 с.

8. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений / В. А. Маслова. – М. : Изд. центр «Академия», 2011.– 88 с.

9. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М. : Прогресс, 1993.

10. Телия В. Н. Русская фразеология : Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Шк. «Языки русской культуры», 1996.

Gulyakina Elena,
FSBEI HE “Donbass State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation”,

APPLIED LINGUOCULTUROLOGY AS AN IMPORTANT ASPECT OF LINGUISTIC DIDACTICS

УДК 8.80.811.531

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Железнякова Ольга Викторовна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры современных технологий перевода;
Данилова Дарья Дмитриевна,
студентка IV курса факультета межкультурных коммуникаций
Белорусский государственный университет иностранных языков

Аннотация. В работе рассматриваются этнокультурные ценности, отражённые в корейском языке и культуре общения. Анализируются особенности речевой иерархии, форм вежливости и обращения, тесно связанные с конфуцианской традицией, а также проявления коллективизма и стремления к гармонии. Особое внимание уделяется влиянию языка на восприятие мира, нормам этикета и культурным концептам, уникальным для корейского менталитета. Исследование показывает, что корейский язык служит не только средством коммуникации, но и хранителем национальных традиций и ценностей.

Ключевые слова: *конфуцианство, иерархия, коллективизм, халлю, этнокультурные ценности, речевые акты, хангыль, ханча, многоуровневая система.*

Abstract. This paper examines the ethno-cultural values reflected in the Korean language and communication culture. It analyses the features of speech hierarchy, forms of politeness and address closely related to the Confucian tradition, as well as manifestations of collectivism and the pursuit of harmony. Particular attention is paid to the influence of language on the perception of the world, norms of etiquette and cultural concepts unique to the Korean mentality. The study shows that the Korean language serves not only as a means of communication, but also as a guardian of national traditions and values.

Keywords: *confucianism, hierarchy, collectivism, halyu, ethnocultural values, speech acts, hangul, hanja, multilevel system.*

В XXI вв. можно отметить процесс продвижения корейской культуры за рубеж, что получило специфическое название «халлю». «Корейская волна» (한류) представляет собой транснациональный культурный феномен, отражающий стремительное распространение южнокорейского контента по всему миру. В последние десятилетия корейский язык и культура вызывают все больший интерес со стороны зарубежных государств, что обусловлено широким распространением корейской поп-музыки и сериалов. Если обратить внимание на структуру корейского языка

и его особенности, в котором отчетливо прослеживается уклад жизни корейского общества, можно поближе познакомиться с культурой и менталитетом страны.

В первую очередь стоит обратить внимание на наличие нескольких стилей общения в корейском языке, что свидетельствует о важности положения в обществе. Корейский язык имеет строгий порядок речевых стилей, который отражает уважение к возрасту и социальному положению собеседника. Таким образом, язык отражает иерархию в обществе, которая играет важную роль. Южная Корея рассматривается как демократическая страна, где все равны, но в государстве все же преобладает строгая иерархическая структура, где система едва ли отличается от монархии. Это касается не только политики, но и бизнеса, государства и даже семьи, в которой каждый занимает определенную позицию. Интересно отметить, что корейское население имеет «горизонтальное» мышление, при котором все равны и находятся в одинаковых позициях, однако элементы «вертикальной» структуры общества все еще можно наблюдать в повседневной жизни.

Возвращаясь к проявлению этих элементов в языке, мы хотим подробнее рассказать о стилях общениях. Корейцы используют три основных стиля общения: официально-вежливый (в официальных выступлениях ведущими новостей и передач; с незнакомыми людьми), неофициально-вежливый (разговорная речь; можно использовать как с начальством, с незнакомыми людьми, с коллегами, так и с кем угодно, с кем вы не перешли на «ты»), неформальный стиль (используется с близкими и теми, к кому вы можете обратиться на «ты»). Кроме того, иногда использовать просто официально-вежливый стиль может быть недостаточно, так при общении со старшими необходимо добавлять уважительный суффикс: “(으)시”. При этом простой глагол 가다 ‘идти’ преобразуется в 가시다, в то время как глагол 먹다 ‘кушать’ в 드시다. Однако старший человек не обязан использовать суффикс при обращении к младшему [3].

Стоит также отметить титул или слово, выражающее высокий статус, вежливость или уважение. Используется для различения формальной и неформальной речи в зависимости от отношений. Первоначальным условием выбора корректной формы речевого этикета в корейском языке является точное понимание социального статуса и возраста собеседника. Наиболее распространенным вариантом является добавление к имени частицы 씨. Добавление данной частицы к имени выполняет функцию вежливого обращения, аналогичного английским “Mr.”, “Mrs.” или “Ms.”. Это наиболее универсальная и распространённая форма почтительного обращения, применяемая в ситуациях общения с незнакомыми людьми, находящимися на сопоставимом социальном и коммуникативном уровне.

В ситуациях, требующих выражения повышенного уровня уважения, используется почтительное обращение 님, которое занимает более высокую позицию в иерархии речевых форм по сравнению с 씨. Данная форма, как правило, применяется в отношении лиц, обладающих профессиональным статусом, выдающимися компетенциями или высоким социальным положением.

Обращение 선배 используется в корейском языке для обозначения человека, обладающего большим возрастом или профессиональным/учебным опытом, с которым можно взаимодействовать в образовательной или рабочей среде. Данная форма обращения может употребляться автономно, без указания имени, что подчёркивает её статусное значение. Кроме того, термин может применяться и к лицам младшего возраста, если они обладают более высокой квалификацией или значительным опытом в определённой сфере деятельности. 후배 является альтернативой 선배, так как используется для обозначения человека, который занимает более низкое положение. Опять же, это слово может использоваться самостоятельно и в отношении человека старшего возраста, если он менее опытен.

Почетное обращение 군 не так распространено, как 씨, но по сути означает то же самое. Оно используется в отношении молодых неженатых мужчин в формальной обстановке. 양 – то же самое, что 군, но для молодых незамужних женщин [4].

Далее мы приведем примеры остальных форм: 오빠, 형, 누나, 언니. Наличие такой сложной системы языка обусловлено конфуцианством, которое играет ключевую роль в истории Южной Кореи.

Из наследия конфуцианства вытекает следующая особенность корейского языка – коллективизм. Корея – это страна с коллективистской культурой, корни которой уходят опять же в конфуцианство. Хотя на сегодняшний день индивидуализм становится все более популярным, язык продолжает отражать коллективистскую сторону корейского общества. В корейском языке местоимение우리 ‘мы’ часто используется вместо나 ‘я’. Например, вместо «мой дом» предпочтительнее будет сказать 우리 집 –‘наш дом’ [2].

В корейском языке косвенные речевые акты занимают значимое место, выполняя функцию смягчения высказываний и обеспечения речевого такта. Такая стратегия обусловлена стремлением избежать излишней прямолинейности, которая может интерпретироваться как проявление грубости или неуважения. Так, вместо прямого «Пожалуйста закройте окно» чаще используется более вежливая и опосредованная конструкция «Не могли бы вы немного прикрыть окно?», в которой глагол приобретает форму уважения (창문을 좀 닫아 주시겠어요? – используется вежливая

форма 주시겠어요, которая делает просьбу мягкой и уважительной). Подобная структура способствует сохранению социальной дистанции и демонстрации уважения к собеседнику, что соответствует нормам речевого этикета в корейской культуре.

Для корейского общества также характерно понятие гармонии (조화) – состояние, характеризующееся отсутствием конфликтов и наличием порядка, а также приятным сочетанием различных элементов в целом. Например, в корейском языке есть слово 명당 – в практике фен-шуй обозначает хорошее место для дома или могилы, способствующее появлению только благоприятных дел или событий.

В корейском языке можно найти слова, понятия которых отсутствуют в других языках. В отличие от западных культур, в которых открытая демонстрация эмоций воспринимается как естественная и зачастую поощряемая форма самовыражения, корейская культурная традиция характеризуется большей эмоциональной сдержанностью. Такая тенденция нашла отражение в корейском языке – 눈치 – способность понимать чувства и настроение окружающих без слов. В корейской культуре люди часто выражают эмоции не словами, а через ситуацию и поведение. Вместо прямого выражения чувств они полагаются на контекст и невербальные сигналы – например, интонацию, жесты или выражение лица.

Корейские имена обычно состоят из фамилии и двухсложного личного имени, при этом каждый слог имеет собственное значение. Фамилия, стоящая на первом месте, чаще всего односложная и передаётся по отцовской линии. Наиболее распространённые фамилии в Корее – **Ким (김), Ли (이)** и **Пак (박)**. Несмотря на частое совпадение фамилий, между их носителями, как правило, нет родственных связей. Личные имена традиционно образуются с использованием **китайских иероглифов (ханча)**: каждый выбирается так, чтобы выразить пожелания родителей – ум, доброту, силу характера и т. д. В стране действует официальный перечень разрешённых иероглифов для имён, в который входит свыше пяти тысяч ханча. В последние годы всё больше родителей предпочитают записывать имена при помощи **хангыля** – корейской фонетической письменности, однако значение и культурная роль ханча по-прежнему сохраняются. Кроме того, в некоторых семьях существует обычай давать всем детям одно общее имя-слог, обозначающее принадлежность к одной семье. Интересно отметить, что некоторые корейские имена содержат слоги, которые могут относиться, как и к мужским именам, так и к женским [1, с. 16].

Корейский язык является не просто средством общения, но и важнейшим носителем этнокультурных ценностей, отражающих мировоззрение и социальные принципы корейского народа. Его структура, система речевого этикета и особенности употребления тесно связаны с

конфуцианской традицией, в основе которой лежат уважение, иерархия, коллективизм и стремление к гармонии. Многоуровневая система речевых стилей, использование различных форм вежливости и обращений демонстрируют в языке представления о социальном положении, возрасте и статусе говорящего. Корейский язык можно рассматривать как уникальную систему, в которой язык, культура и мировоззрение народа существуют в неразрывном единстве. Он сохраняет национальную идентичность и продолжает передавать традиционные этнокультурные ценности, несмотря на глобализацию и современные изменения общества.

Литература

1. Багинская М. В. Интенция в выборе имени собственного : из опыта над межкультурной коммуникацией / М. В. Багинская // Вестник ИГЛУ. – 2009. – №4. – С. 5–19.

2. Лачина Е. В. Традиционные ценности в современной Корее / Е. В. Лачина. – [Электронный ресурс]. – 2016. – URL: https://koryo-saram.ru/traditsionnye-tsennosti-v-sovremennoj-koree/ (дата обращения: 20.10.2025).

3. Практический курс корейского языка. Начальный этап / под ред. Я. Е. Пакуловой. – Москва : Восточная книга, 2011. – 624 с.

4. Kim A. Korean Honorifics: How to Address Everyone Correctly in Korea. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.fluentu.com/blog/korean/korean-honorifics/ (дата обращения: 20.10.2025).

Danilava Darya,
Zheleznjakova Olga,
Belarusian State University of Foreign Languages,
ETHNOCULTURAL VALUES IN THE KOREAN LANGUAGE

УДК 81.111

ГЕНДЕРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ НОРМ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф. С. ФИЦДЖЕРАЛЬДА)

Жилина София Алексеевна,
учитель английского языка,
Республиканский архитектурно-строительный лицей-интернат,
«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный университет»

Аннотация. В статье анализируются гендерные особенности коммуникативного поведения персонажей в художественном дискурсе. Рассматривается понятие гендера как социокультурного конструкта, а также его влияние на формирование коммуникативного поведения – выбора коммуникативных стратегий и тактик. Дана характеристика реализации стратегии коммуникативного сотрудничества и стратегии коммуникативного конфликта с последующим выявлением сходств и различий в выборе и применении коммуникативных тактик мужчинами и женщинами. Сформированы общие группы коммуникативных тактик, установлены факторы их использования представителями противоположного гендера. Определено, что стратегические предпочтения персонажей тесно связаны с культурными нормами и социальными ожиданиями эпохи. Исследование демонстрирует взаимосвязь гендерных моделей коммуникации с культурным контекстом и социальными ценностями общества. Статья способствует дальнейшему изучению взаимовлияния гендерных и культурных особенностей коммуникативного поведения.

Ключевые слова: *гендер, коммуникативное поведение, стратегия коммуникативного сотрудничества, стратегия коммуникативного конфликта, коммуникативная тактика.*

Abstract. The article analyses gender-specific features of characters' communicative behaviour in literary discourse. It examines the concept of gender as a socio-cultural construct and its influence on the communicative behaviour formation, including the choice of communicative strategies and tactics. The study characterizes the implementation of the communicative cooperation

strategy and the communicative conflict strategy, highlighting similarities and differences in the communicative tactics selection and use by men and women. General groups of communicative tactics are identified, and factors influencing their use by representatives of different genders are determined. It is shown that characters' strategic preferences are closely linked to cultural norms and social expectations of the era. The research demonstrates the interconnection between gendered communication patterns and the cultural context and social values of society, contributing to further study of the interplay between gender and cultural factors in communicative behaviour.

Keywords: *gender, communicative behaviour, communicative cooperation strategy, communicative conflict strategy, communicative tactic.*

Современная лингвистика уделяет большое внимание изучению коммуникации как социально и культурно обусловленного процесса. Одним из важных факторов, влияющих на характер общения, является гендер, который отражает культурные нормы, ценности и поведенческие модели общества.

В англоязычной культуре XX века гендерные роли были тесно связаны с социальными ожиданиями, что нашло яркое отражение в художественной прозе. Анализ коммуникативного поведения персонажей Ф. С. Фицджеральда позволяет рассмотреть, как культурные нормы американского общества проявляются в речевом поведении мужчин и женщин.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью изучения взаимосвязи гендерных и культурных факторов коммуникации в контексте межкультурного взаимодействия.

Современная лингвистика и межкультурная коммуникация уделяют значительное внимание изучению гендерных аспектов речи. Работы Р. Лакофф, Д. Таннен, А. В. Кирилиной, Е. И. Горошко, показывают, что гендер формирует стратегию общения, выбор речевых тактик и стилей взаимодействия, и подчеркивают связь гендерных различий с культурными моделями поведения. В то же время недостаточно проработаны аспекты, касающиеся взаимосвязи гендера и культурных норм в художественном дискурсе, особенно на материале американской литературы XX века. Проблема состоит в том, что анализ зачастую ограничивается отдельными произведениями или отдельными стратегиями коммуникации, без систематического сопоставления мужских и женских моделей поведения в рамках культурного контекста.

Цель исследования – определить, каким образом гендерные различия в речевом поведении персонажей произведений Ф. С. Фицджеральда отражают культурные нормы и ценности американского общества XX века.

Объектом исследования является коммуникативное поведение персонажей произведений Ф. С. Фицджеральда. *Предметом* исследования выступают гендерно и культурно обусловленные особенности использования стратегий и тактик коммуникативного поведения.

Материал исследования – 416 речевых контекстов, отобранных методом сплошной выборки из произведений Ф. С. Фицджеральда.

Гендер рассматривается в современной науке как социокультурный конструкт, зависящий от норм, ценностей и ожиданий общества, а не только от биологического пола. Он проявляется в речевом поведении и коммуникативных практиках индивидов, отражая одновременно индивидуальные особенности личности и коллективные представления о «мужском» и «женском».

Современная гендерная лингвистика выделяет несколько подходов к изучению гендера. Наиболее продуктивным считается социоконструктивистский подход, согласно которому гендер формируется как под влиянием внешних социальных институтов (семья, образовательные и культурные структуры), так и в результате внутреннего приспособления индивида к установленным нормам. А. В. Кирилина выделяет четыре компонента гендерного концепта: культурные символы; нормативные утверждения; социальные институты; самоидентификация личности [2, с. 34].

Коммуникативные отношения в значительной мере строятся на занятых гендерных позициях, которые зависят от культуры, традиций и ментальности, и при этом остаются динамичными и открытыми для изменений.

Коммуникативное поведение – это особый вид человеческой деятельности, проявляющийся в речевых и невербальных действиях и направленный на обмен информацией между людьми. Оно формируется под влиянием множества факторов, включая личностные характеристики, культурные традиции, национальные особенности, социальные роли и, в частности, гендер. Коммуникативная ситуация является микроуровнем реализации коммуникативного поведения. Она включает адресанта и адресата, тему, цель и мотив высказывания, способ передачи информации, стилистические особенности, а также социокультурные условия и этнические особенности участников. Цель высказывания, или коммуникативная интенция, выступает регулятором речевого поведения, определяя выбор стратегий и тактик коммуникативного поведения.

Стратегии и тактики коммуникации – это инструменты реализации коммуникативной интенции. Коммуникативная стратегия представляет собой комплекс последовательных речевых действий, направленных на достижение цели общения, а тактика – совокупность практических шагов, которые позволяют реализовать стратегию в конкретной ситуации [1, с. 54]. Стратегии могут быть ориентированы на информирование или на влияние на собеседника, а их выбор зависит от коммуникативной ситуации, оценки адресатом, психофизиологических особенностей говорящего и культурного контекста.

Важно отметить, что и коммуникативное поведение, и стратегии с тактиками являются социокультурными конструкциями. Они формируются не только под воздействием индивидуальных особенностей, но и через усвоение норм, ценностей и стереотипов общества, включая ожидания, связанные с гендером. Гендер определяет речевые предпочтения, выбор тактик и стратегий, а также формы взаимодействия, создавая различия в коммуникативных моделях мужчин и женщин.

Согласно определению И. А. Стернина коммуникативное поведение является «осознанным, национально оформленным, целенаправленным информационным обменом между людьми» [4, с. 43], что позволяет сделать вывод о том, что каждая нация, каждый народ имеет набор стандартных норм поведения, которые реализуются в определённых группах лиц отдельными индивидами. Следовательно, характеристика культуры какой-либо общности считается полноценной исключительно после рассмотрения и анализа поведения её членов – участников коммуникации. В нашем случае, ими являются персонажи художественного дискурса. Наибольшую ценность для анализа представляют особенности речевого воздействия коммуникантов друг на друга. Очевидно, что эффективным средством влияния на собеседника служат речевые стратегии, а именно стратегия коммуникативного сотрудничества и стратегия коммуникативного конфликта, которые были выделены Е. А. Селивановой [3, с. 170].

В ходе анализа отобранных речевых контекстов, нами было установлено, что наиболее частотно персонажами была реализована стратегия коммуникативного сотрудничества. Так как в своих произведениях Ф. С. Фицджеральд описывает жизнь американской элиты в начале XX-го века, читатель понимает, что главными стремлениями персонажей является достижение успеха и богатства. Это естественно, что наиболее частой стратегией для достижения поставленных целей является коммуникативное сотрудничество в отличие от стратегии коммуникативного конфликта, реализация которой может привести к потере статуса в обществе. Тем не менее, реализации этой стратегии

свидетельствует, например, о желании персонажей укрепить свою коммуникативную и социальную позицию с помощью власти, контроля или дискредитации, т.е. с помощью стратегии коммуникативного конфликта.

Стратегия коммуникативного сотрудничества направлена на установление и поддержание кооперативных, симметричных отношений между участниками коммуникативной ситуации. Её главная задача заключается в достижении взаимопонимания, согласия и совместного решения задач, возникающих в ходе общения. Соответственно, целями стратегии коммуникативного сотрудничества являются:

1. Обеспечение взаимодействия, основанного на уважении и доверии.
2. Достижение взаимовыгодного результата, учитывающего интересы всех сторон.
3. Минимизация конфликтных ситуаций и недопонимания.

Ход реализации данной стратегии определен собственно интенциями коммуникантов, что выражается готовностью к сотрудничеству, демонстрацией открытости, доброжелательности и эмпатии.

В результате анализа установлено, что в произведениях автора в рамках стратегии коммуникативного сотрудничества женщинами и мужчинами реализуются следующие группы коммуникативных тактик (КТ):

Таблица 1

Количественная характеристика тактик стратегии коммуникативного сотрудничества женщинами и мужчинами

Группа коммуникативных тактик (КТ)	**Реализовано женщинами (%)**	**Реализовано мужчинами (%)**
КТ эмоционального воздействия	93 (29,1%)	68 (20,4%)
КТ влияния на собеседника	81 (25,3%)	110 (33%)
КТ установления и поддержания взаимодействия	68 (21,3%)	61 (18,3%)
КТ регуляции взаимодействия	56 (17,5%)	61 (18,3%)
КТ самопрезентации	13 (4,1%)	10 (3%)
КТ управления имиджем	9 (2,8%)	23 (6,9%)
Всего	320 (100%)	333 (100%)

Таким образом, женщины чаще реализуют коммуникативные тактики установления и поддержания взаимодействия, самопрезентации и эмоционального воздействия, что обусловлено их стремлением к созданию и поддержанию гармоничных межличностных отношений. Тактики

установления и поддержания взаимодействия способствуют поддержанию диалога и снижению коммуникативного напряжения, что соотносится с гендерными особенностями женского коммуникативного поведения, ориентированного на кооперацию и эмпатию. Высокая частота использования тактики эмоционального воздействия объясняется тем, что женщины в коммуникации чаще апеллируют к чувствам собеседника, используя экспрессивные и эмотивные средства, что усиливает воздействие на адресата.

Мужчины, напротив, чаще реализуют тактики влияния на собеседника, управления имиджем и регуляции взаимодействия, что отражает их ориентированность на доминирование и контроль в коммуникации. Тактики влияния на собеседника направлены на убеждение и достижение собственных целей, что согласуется с мужской стратегией утверждения своего статуса. Тактика управления имиджем позволяет мужчине формировать выгодный образ в глазах окружающих, подчеркивая свою компетентность и социальное положение. Регуляция взаимодействия также связана с контролем над коммуникативным процессом, что является характерной чертой мужского коммуникативного поведения.

Отметим, что тактика самопрезентации реализуется мужчинами и женщинами почти одинаково часто, поскольку оба пола стремятся формировать определенный образ в коммуникации. Однако женщины чаще используют самопрезентацию для установления межличностных связей, а мужчины – для демонстрации собственного статуса и компетентности, что соответствует гендерно обусловленным моделям коммуникативного поведения.

Стратегия коммуникативного конфликта предполагает взаимодействие между участниками коммуникативной ситуации, характеризующееся несовпадением целей, позиций или установок, что приводит к напряженности в коммуникации. Эта стратегия может быть осознанной или непреднамеренной и направлена на достижение результата через конфронтацию или отстаивание своих интересов.

Выделяем следующие цели стратегии коммуникативного конфликта:

1. Отстаивание собственной позиции: показать значимость своей точки зрения и добиться её признания.

2. Противодействие оппоненту: воспрепятствовать действиям или целям другой стороны.

3. Преобладание в ситуации: демонстрация доминирования или власти в коммуникативной ситуации.

4. В некоторых случаях – выявление истины или разрешение спорных вопросов (вторичный результат).

Ход реализации данной стратегии определяется интенциями участников коммуникативной ситуации. Так, они стремятся добиться результата через противостояние, которое может быть как деструктивным, так и конструктивным.

Важно отметить, что результаты стратегии могут иметь как негативный – эскалация конфликта, вплоть до полного разрыва коммуникации, потеря доверия между участниками, усиление враждебности – так и позитивный характер – разрешение спорных вопросов (при конструктивном подходе), выявление истинных целей и намерений участников, установление новых правил взаимодействия.

В результате анализа установлено, что в произведениях автора в рамках стратегии коммуникативного конфликта реализуются следующие группы коммуникативных тактик:

Таблица 2

Количественная характеристика тактик стратегии коммуникативного конфликта женщинами и мужчинами

Группа коммуникативных тактик (КТ)	**Реализовано женщинами (%)**	**Реализовано мужчинами (%)**
КТ риторического воздействия	61 (23,1%)	37 (12,9%)
КТ аргументативного противодействия	56 (21,2%)	70 (24,4%)
КТ деструктивной критики и подрыва репутации	47 (17,8%)	63 (22%)
КТ управления взаимодействием	47 (17,8%)	70 (24,4%)
КТ избегания и отказа	39 (14,8%)	38 (13,2%)
КТ провокационного воздействия	14 (5,2%)	9 (3,1%)
Всего	264 (100%)	287 (100%)

Женщины чаще реализуют коммуникативные тактики риторического и провокационного воздействия, что обусловлено их склонностью к опосредованному выражению конфликта и использованию языковых средств для влияния на собеседника. Так, тактика риторического воздействия предполагает использование экспрессивных, стилистически окрашенных высказываний, вопросов и эмоционально насыщенных аргументов, что соответствует женской коммуникативной стратегии, направленной на косвенное убеждение и создание определенного эмоционального фона. Провокационное воздействие реализуется

женщинами в меньшей степени, однако его частотность превышает аналогичный показатель у мужчин, что может объясняться стремлением женщин вызывать эмоциональную реакцию собеседника, подтолкнуть его к нужной линии поведения без прямого конфронтационного давления.

Мужчины, напротив, чаще используют тактики деструктивной критики и подрыва репутации, аргументативного противодействия и управления взаимодействием, что отражает их ориентацию на прямолинейное и доминирующее поведение в конфликте. Деструктивная критика и подрыв репутации служат инструментом дискредитации оппонента и утверждения собственной позиции, что согласуется с конкурентной направленностью мужской коммуникации. Аргументативное противодействие позволяет мужчинам рационально и логически опровергать доводы собеседника, подчеркивая свою компетентность и интеллектуальное превосходство. Тактика управления взаимодействием связана с контролем над ходом конфликта и перераспределением коммуникативных ролей, что соответствует тенденции мужчин к регулированию и доминированию в конфликтных коммуникативных ситуациях.

Тактика избегания и отказа реализуется мужчинами и женщинами почти одинаково часто, так как может как ослаблять, так и усиливать конфликт. Уклонение от ответа нередко воспринимается как пренебрежение или демонстрация превосходства, что провоцирует эскалацию конфликта. Для женщин это чаще пассивное противодействие, вызывающее настойчивость оппонента, а для мужчин – способ контроля, который может интерпретироваться как вызов. В обоих случаях отказ от взаимодействия способен усилить напряженность и спровоцировать дальнейшую конфронтацию.

С целью достижения основных стремлений периода «ревущих двадцатых» – успеха, богатства и общественного признания – представители обоих гендеров более активно реализовывали стратегию коммуникативного сотрудничества, направленную на продуктивную и взаимовыгодную коммуникацию. В этом процессе существенное влияние оказывала американская культура того времени, которая поощряла демонстрацию личного успеха, индивидуализм, открытое выражение амбиций и социальную мобильность. Женщины, получившие новые возможности в общественной и профессиональной жизни, чаще использовали стратегию вербальной гибкости и сетевых контактов для укрепления своего положения, а мужчины – стратегию демонстрации влияния и статуса через публичные высказывания и социальные ритуалы.

Для укрепления коммуникативной и социальной позиции посредством власти, контроля или дискредитации применялась стратегия коммуникативного конфликта, которая также формировалась под влиянием культурных ожиданий. Мужчины могли использовать прямое утверждение доминирования в диалоге, соответствующее культурным нормам лидерства и «мужской» роли в обществе, тогда как женщины прибегали к более косвенным тактикам влияния, учитывая социальные ограничения, но одновременно проявляя гибкость и изобретательность в речевых и невербальных средствах. Таким образом, коммуникативное поведение обоих гендеров было тесно связано с культурным контекстом эпохи, отражая социокультурные представления о роли мужчины и женщины, а также нормы и ценности американского общества 1920-х годов.

Литература

1. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – 5-е изд. – М. : ЛКИ. – 2008. – 288 с.

2. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кирилина – М. – 1999. – 155 с.

3. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: учеб. пособие / Е. А. Селиванова. – К. : ЦУЛ. – 2002. – 336 с.

4. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2001. – 252 с.

Zhilina Sofia,
Republican Architectural and Construction Boarding Lyceum of the “Donbass National Academy of Civil Engineering and Architecture” – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”,
GENDER-DEPENDENT COMMUNICATIVE BEHAVIOUR AS A REFLECTION OF CULTURAL NORMS (ON THE MATERIAL OF F. S. FITZGERALD’S WORKS)

УДК 81'25

ПЕРЕВОД И СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

Ковалёва Наталья Александровна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации,
«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»

Аннотация. В статье рассмотрен один из наиболее важных вопросов современной лингвистики функционирования формально-грамматических преобразований речевой структуры, который связан с распространением данных смыслового членения высказывания с языка на язык, а также сохранение или утрата синтаксического построения. Определено, насколько связаны эти процессы между собой и в какой мере осуществляется зависимость синтаксических перемен от потребности сберечь при переводе составляющие элементы смыслового членения неизменными.

Сравнение разноязычных речевых элементов подобного содержания демонстрирует возможные перестройки речевой композиции при переводе. Кроме того, такое сравнение даёт возможность раскрыть определенные черты смыслового членения, выражающие его языковую сущность.

Исследован богатый практический материал, описаны разнообразные виды смыслового построения и приемы их синтаксического формирования. На базе собирательных результатов количественного исследования создаются ключевые понятия концепции перевода.

Ключевые слова: *перевод, семантическая структура, словесная деятельность, речевое взаимодействие, лексические и грамматические приёмы.*

Abstract. The article considers one of the most important issues of modern linguistics of the functioning of formal and grammatical transformations of speech structure, which is associated with the dissemination of semantic division data of an utterance from language to language, as well as the preservation or loss of syntactic structure. It is determined to what extent these processes are interconnected and to what extent syntactic changes depend on the need to

preserve the constituent elements of semantic division unchanged during translation.

A comparison of multilingual speech elements of similar content demonstrates possible rearrangements of the speech composition during translation. In addition, such a comparison makes it possible to reveal certain features of semantic division, expressing its linguistic essence.

The rich practical material is investigated, various types of semantic construction and methods of their syntactic formation are described. The key concepts of the translation concept are created on the basis of the collective results of quantitative research.

Keywords: *translation, semantic structure, verbal activity, speech interaction, and lexical and grammatical techniques*.

Перевод – один из видов словесной деятельности (речевого взаимодействия, языкового общения).

Его цель – трансформировать состав речевой единицы, в результате которой изменяется порядок изложения при сбережении порядка содержания – один язык замещается другим.

Для анализа регулирования речевой структуры при переводе нужно учитывать свойства речевой структуры текста на примере сопоставляемых языков.

Живой речевой материал формируется при помощи взаимодействия семантических, синтаксических и других языковых средств друг с другом и с внелингвистической средой. В каждом языке присутствуют свои закономерности и правила выстраивания речи, как универсальные (единые), так и отличительные для того или иного конкретного языка. Следует найти совпадения в характерных структурных особенностях речи на разных языках, которые указывают на конкретные общие закономерности строения речи вообще.

Для установления таких совпадений требуется произвести разделение исследуемого объекта. Разделение должно быть таким, чтобы отдельные части сохраняли качества целого, чтобы речь не утратила своих речевых признаков. Ввиду того, что размер речевого произведения зачастую носит произвольный характер, необходимо осуществить вычленение наименьшего речевого произведения, в рамках которого допустимо установить смысловую равнозначность моделей выражения. Смысловую равнозначность чаще всего можно установить на уровне предложения – грамматической общности, непосредственно связанной с речевой деятельностью.

Речь идёт о предложении не как о единице грамматики, но о предложении, взятом в определённом контексте, т. е. взаимодействующим с однозначной паралингвистической реальностью. Такое наименьшее речевое произведение (высказывание) по структуре сходно с грамматическим предложением, но представляет собой предложение, введённое в речевую ситуацию, то есть привязывается к конкретной неязыковой действительности, имеет целенаправленное социальное задание, отражающее как стабильные, так и нестабильные ситуативные условия, и в силу этого является минимальной единицей коммуникации речи. Эту единицу коммуникации возьмём в формате единицы изучения.

Структура речевого произведения состоит из смысловых звеньев и многих условных элементов, но не ограничивается содержанием составляющих его и связанных между собой знаковых единиц. Она осложняется информацией об аналитическом или смысловом центре (ядре) высказывания, о связи её с предшествующим изложением, о её цели, обыкновенности или необыкновенности сочетаний её элементов. Все эти формы информации, хотя они и неравнозначны, должны быть сохранены при переводе в соответствии их относительной значимости.

В случае, если такая различность в способах составления фразы на разных языках не учитывается при переводе, а внимание акцентируется только на лексических и грамматических соответствиях, то на языке перевода говорят: все слова на месте, в грамматическом построении фразы нет ошибок, и тем не менее так не говорят… Огромную роль в том, как говорят на том или ином языке, играет способ определения смыслового ядра высказывания согласно нормам того или иного языка. Так как подборы языковых средств, обслуживающих смысловой центр высказывания не сходны, то и способы их выделения в высказывании отличаются от языка к языку, что и затрудняет перевод определённых преобразований речевых структур.

Сравнения наборов языковых средств, отображающих содержательное членение высказывания в разных языках, и преобразования речевой композиции при переводе, вызываемые отличиями в этих наборах являются предметом этого исследования.

Сюжетные линии речевых произведений довольно разнообразны. Невзирая на вариативность конкретного содержания речевых произведений, в их организации, развитии хода мысли, в способах их построения следует учитывать определённые закономерности, порождённые единством совокупностей человеческого мышления. В результате создания таких закономерностей содержание имеет

определённую структуру, не понятийную структуру того или иного языка, а конкретное содержание речевого произведения.

Наличие в высказывании, помимо нормативно-грамматической, и иной, смысловой структуры, демонстрирующей тенденции построения содержания не вызывают сомнений. Предложение – не только неподвижная, бездейственная схема, заполненная информацией, его содержание – внелингвистический наполнитель.

Если построение нормативно-грамматической структуры требует грамматических правил, то построение содержания зависит от законов мышления. Если структура содержания передаётся через языковые средства и не может выражаться иначе, она рассматривается как лингвистическая проблема.

Не существует единого мнения о взаимосвязях смысловой и нормативно-грамматической структуры. Но можно утверждать, что они взаимозависимы.

В отличие от нормативно-грамматической структуры, понятие структурирование содержания (семантическое разделение) мало изучено и не имеет единого термина. Его называют актуальным членением, иногда – информационным полем, функциональным проектом предложения, логико-синтаксическим показателем, коммуникативным заданием членов предложения.

В связи с усилением внимания к речи как к лингвокультурному образу, вопросу смыслового членения высказывания уделяется много внимания.

Исследования многих лингвистов утверждают, что в различных языках смысловое членение проявляется разными языковыми средствами, а в отдельных языках соответствует грамматическому членению на субъект и предикат. Существует мнение о том, что совпадение грамматического и смыслового членения в отдельных языках не снимает проблему двойственного членения предложения. Также потребность в определённых грамматических переменах при переводе, связанных с надобностью логического выделения какой-либо группы слов, говорит о том, что даже если анализировать смысловое членение как логическое понятие, ему необходимо языковое выражение, независимо от того совпадает это языковое выражение с выражением определённых грамматических понятий или же является самостоятельным приёмом.

Моделей, демонстрирующих чисто лингвистическое значение сути информационной структуры, существует довольно много. В своей концепции В.Мотезиус отказался от психологического пояснения истории создания информационной структуры, разместил рассмотрение этого

явления на основу лингвистики, преобразовал теорию смыслового (актуального) членения в лингвистические инструменты сравнительного изучения языков. В дальнейшем к вопросу лингвистической теории информационной структуры обращались ученики и последователи В. Матезиуса – члены Парижского лингвистического кружка – И. Фирбас, Д. Данеш, Е. Бениш, Е. Двораков, К. Пала и др. В их работах теория информационной структуры называется функциональной перспективой предложения, иллюстрирующей лингвистическое значение смыслового членения.

Несмотря на наличие контекста, в любом грамотно изложенном предложении, кроме нормативно-грамматической структуры, предполагается наличие определённой комбинации, по которой создаётся содержание и, благодаря которой, осуществляется коммуникативное задание (ощущается, чувствуется смысловой центр): присутствие отправной точки сообщения и его логический или смысловой центр – эти звенья и образуют информационную структуру предложения даже вне текста.

Для воплощения решения общего коммуникативного задания и для выражения явлений в информационной и нормативно-грамматической структурах при возникновении конкретного коммуникативного задания в каждом языке имеется комплект (подборка) определённых средств. Так в английском языке в изолированном предложении смысловой центр определяется в конце предложения.

Наложение индивидуального, обусловленного ситуацией задания на общее, меняет информационную структуру содержания, это явление именуется «актуальным» речевым членением.

В окружении множества языковых средств находится одно постоянное, присутствующее в изолированном предложении – это оборот речи общего коммуникативного задания посредством использования набора семантических связей между смысловыми группами, оформленными различными членами предложения.

Таким образом, можно выделить два яруса смыслового членения: смысловое членение на уровне изолированного предложения, за пределами контекста, когда его можно анализировать как неизменную структурную особенность предложения и смысловое членение на уровне высказывания, когда предложение подключается к ситуации и получает определённое коммуникативное задание, которое остаётся неизменной структурной частью предложения, благодаря которому достигается понимание.

Следовательно, понятие смыслового членения выходит за пределы нормативно-грамматической структуры предложения и рассматривается как выражение информационной структуры суждения.

Литература

1. Кабакчи В. В., Прошина З. Г. «Лексико-семантическая относительность и адаптивность в переводе и межкультурной коммуникации» / В. В. Кабакчи, З. Г. Прошина. – Вестн. РУДН. Серия : Лингвистика. – 2021. – Т. 25, № 1. – С. 165–193.

2. Лаврова Н. А., Козьмин А. О. «Structural and semantic congruence of Bulgarian, Russian and English set expressions: Contrastive-typological research» / Н. А. Лаврова, А. О. Козьмин. – Russian Journal of Linguistics. – Vol. 26, № 1 (2022). – С. 95–115.

3. Леонтьева Ксения Dominant Construal and Reperspectivation Patterns In English-Russian Literary Translations / Ксения Леонтьева. – В : Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects, Vol. 86. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (2020) – С. 886–895.

Kovalyova Natalia,
“Donbass National Academy of Civil Engineering and Architecture” – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”,
TRANSLATION AND SEMANTIC STRUCTURE

УДК 81'. 367:811.161.1

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ЧЛЕНИМОСТЬ СУЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ковалёва Наталья Александровна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации,
«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о синтаксическом членении высказывания – о совместимости различных составляющих высказывания, о различном уровне их соединённости и предикативности, а также вопрос об организации структуры предложения, его классификации, систематизации, функциональных схемах, их лингвистическом значении, сопоставлении предложения и словосочетания и др.

Анализируются факторы, оказывающие воздействие на синтаксическое членение высказывания в современном русском языке.

Особое внимание обращается на синтаксически членимые (также грамматически членимые предложения), в которых можно отметить один, два и более членов предложения (синтаксическое членение). Такие предложения используются как в письменной так и в устной речи.

В основе членимости заложена возможность вычленения главных и второстепенных членов предложения. В предложении, которое можно расчленить, происходит разграничение главных членов (грамматического центра).

Ключевые слова: *синтаксис, синтаксическое членение, лингвистическая единица, синтаксическая конструкция, грамматический термин, предикативные сочетания.*

Abstract. The article discusses the syntactic division of an utterance – the compatibility of the various components of an utterance, the different levels of their connectedness and predicativeness, as well as the organization of the sentence structure, its classification, systematization, functional schemes, their linguistic meaning, the comparison of sentences and phrases, etc.

The factors influencing the syntactic division of utterances in modern Russian are analyzed.

Special attention is paid to syntactically segmented (also grammatically segmented sentences), in which one, two or more sentence members can be marked (syntactic division). Such sentences are used both in written and oral speech.

The principle of articulation is based on the possibility of separating the main and secondary members of a sentence. In a sentence that can be dissected, the main members (the grammatical center) are distinguished.

Keywords: *syntax, syntactic division, linguistic unit, syntactic construction, grammatical term, and predicative combinations.*

Проблема исследования: изучение вопроса синтаксического членения высказывания в современном русском языке.

Цель статьи: исследовать вопрос о систематической членимости выказывания в современном русском языке; выявить и проанализировать факторы, оказывающие влияние на членимость высказывания.

В обозначении задач синтаксиса и его основных единиц наметилась одна характерная черта последних синтаксических наблюдений. При всём богатстве и разнообразии их объединяет общая особенность – найти основу рассматриваемых синтаксических данных за границами самих этих данных, в коммуникативном задании высказывания, в структуре ситуации.

Предметом сообщения является предложение. При помощи некоторых членов предложения любой язык может передать огромное количество внеязыковых предметных ситуаций. Следует установить ключевое значение каждого из членов предложения и анализировать остальные их значения как переносные. Основной смысл членов предложения может быть использован как элемент типизированных ситуаций.

Сложность заключается в том, что разделение основных и переносных значений членов предложения лежит в основе лексики (лексической семантики), что находится ещё на стадии изучения.

Вычленяя сравнительно законченные, самостоятельные части высказываний, которые могут быть признаны основными единицами синтаксического членения связного текста и которые по обычаю соединяются с понятием предложения, можно традиционно опираться на разнотипные признаки.

Если обращать внимание на неоднородность этих признаков, вопрос относительно законности такого определения появляется не потому, что имеется сомнение в вероятности объединения неоднородных критериев при подчеркивании той или иной лингвистической единицы, а только потому, что, как и в случае обозначения такой единицы языка, как слово,

фиксируемые признаки целиком не совпадают друг с другом в разных случаях.

В результате отрезок текста определяется согласно одним критериям как предложение, согласно другим – таковым не является, а должен быть признан частью предложения, или, наоборот, совмещением двух или нескольких предложений.

Учитывая то, что все выделяемые признаки предложения – отдельно или в сочетании друг с другом – реально присущи тем отрезкам текста, которые можно назвать предложениями, поиск более точного определения указанной лингвистической единицы может осуществляться в различных направлениях.

Для выстраивания понятия предложения можно использовать один из известных уже признаков и не считать синтаксические конструкции, утратившие эти признаки, предложениями.

Можно сделать попытку установить последовательность не совпадающих в каких-то случаях признаков и выделить различные типы предложений (или моделей), которые представляются «более предложениями» и «менее предложениями».

Можно удалить понятие предложения как не подчиняющегося конкретному лингвистическому точному определению.

Можно сделать попытку найти неизвестные, не утверждённые пока критерии того, что совпадало хотя бы в какой-то мере с понятием о предложении, но при этом позволяло бы составить достаточно определённую и объективную характеристику.

Все эти варианты были опробованы в работах различных синтаксистов и получили теоретическую оценку (хотя и не одинаково) в исследованиях многих из них, а также их критиков (Н. Д. Арутюнова; Л. Теньер; А. Греймас; В. Г. Гак; В. С. Юрченко; Д. Н. Шмелёв; Г. А. Золотова; М. И. Стеблин).

Хотя грамматический термин «предложение» нельзя отнести к числу принятых, общеустановленных, представление о каком-то едином, сравнительно законченном отрезке речи, достаточном как отдельное сообщение, не может являться сугубо научным примером, оно в какой-то мере свойственно и всем говорящим. Для обозначения этого языкового явления в быту чаще применяются такие обозначения, как «фраза», или «что сказал о чём-то», «слова о чём-то» и др. Бытовое оформление этого языкового явления частично присуще и лингвистам, и поэтому самые разнообразные формулировки предложения, т.к. они не до конца сочетаются с этим представлением, не являются полными и заключительными.

Для того чтобы выбрать одно из возможных определений предложения, нужно принять к сведению то, что параметры предложения как научного синтаксического понятия фиксируются произвольно в соответствии с задачами заданного синтаксического исследования. Такими критериями является интонационная законченность отрезка текста, его грамматическая самостоятельность, указывающая на то, что входящие в данный участок словоформы определённым способом влияют друг на друга, но никак не связаны со словоформами, расположенными вне этого отрезка.

Как бы ни были противоречивы признаки, описывающие синтаксическую единицу, которая называется предложением, при анализе текста следует опираться на последовательную цепочку этих признаков, образование которой зависит как от задач анализа, так и от конструктивных особенностей анализируемого языка.

Каждый текст делится на отрезки, имеющие структурную независимость (самостоятельность), обусловленную тем, что входящие в каждый из данных отрезков слова формально связаны друг с другом (т.е. располагаются в установленной выраженной номинальными средствами подчинённости) и не связаны со словами, расположенными за пределами данного отрезка. В языках, сходных с русским, с усовершенствованной системой морфологических средств связи между словами, морфологические параметры закономерно берутся за основу выделения предложений.

Если анализировать в словосочетании не только комбинацию двух полноценных слов, а отмечать трёх- и четырёхчленные, усложнённые и комбинированные словосочетания, то их представление должно основываться на изучении всех видов связи, которой может располагать тот или иной лексико-грамматический набор слов, на обозначении подходящих ограничений, на установлении того, какие формы слов и при каких обстоятельствах, сочетаясь друг с другом, могут образовывать предикативные сочетания, т.е. структурную сущность предложения, и какие при всех обстоятельствах лишены этой возможности. Это никак не привело бы к слиянию видов словосочетания и предложения, а, напротив, позволило бы сделать их разделение более объективным.

При обособлении сочетаний слов, связь которых определяется валентной особенностью глагола, следует выделять единицы, содержание и структура которых осуществляются согласно тому, как проявляется валентная способность данного глагола в том единстве, которое понимается как предложение.

С другой стороны, синтаксическое наполнение самого предложения просматривается, если отступить от описания односоставных предложений, в свойствах соединения установленных словоформ, т.е. в том, что

представляется предикативным словосочетанием, когда под последним рассматривается правило, обобщённая схема объединения двух самостоятельных слов, заложенных в определённые грамматические формы.

Созданное (поочерёдно согласно замыслу) разделение синтаксиса предложения и синтаксиса словосочетания привело к тому, что остались нераскрыты действительные, именно структурные области, разграничивающие эти синтаксические единицы. Одни словосочетания носят предикативный характер, т.е. могут стать предложением или ядром предложения, а другие не могут быть предикативно расчленены.

С другой стороны, существуют такие словосочетания, которые явно выражают предикативную связь, т.е. должны стать предложением или его основой.

Соединение глагола с существительным, обозначающим объективную направленность глагола, не может быть разделено на предикативно сравнённые части предложения, в то время как связь имени в именительном падеже со спрягаемой формой глагола не образует непредикативного, незавершённого действия. Существуют и такие словосочетания, которые остаются как незавершёнными, так и могут образовать предикативно членимые словосочетания (например, определительные). Следует учитывать и те условия, которые помогают предикативному разделению этих словосочетаний.

Следует отметить, что разграничение предикативно членимого словосочетания и нечленимого словосочетания существует в контекстных условиях, в которых такое разграничение несущественно, скорость синтаксической направленности, заданной окружающими фразами, отражается на членении этих фраз.

Предикативный характер структуры зачастую зависит от лексического содержания согласующихся словоформ.

В русском языке, где формально-грамматическое выражение связи слов в суждении осуществляется за счёт морфологических параметров, они и являются отправной точкой при систематизации и характеристике синтаксических структур.

Структурные особенности предложения обозначаются не всем его содержанием, а только частью словоформ, заложенных в данное предложение, что позволяет утверждать предикативность центра предложения.

Словосочетание – это весомое объединение двух самостоятельных слов, включающее их морфологическое описание. Их синтаксическая значимость определяется уже в пределах предложения, характеризуется морфологическими признаками (особенности которых и обоснованы

выделяемыми в составе предложения словосочетаниями), лексическими значениями, последовательностью слов и интонаций, свойственной данному типу предложения.

Это не какое-либо иное (в сравнении с общепринятым) истолкование сути предложения и словосочетания, а другое (также традиционное) понимание и использование термина, связанное со сдвигом границы между основными синтаксическими единицами. Обозначение такой границы является подходящим для урегулирования определённых вопросов в синтаксическом исследовании.

В значительной части наблюдений о смысле предложения ключевое внимание обращено на определение признаков категории и изложение самого определения.

Учёным, занимающимся изучением синтаксиса, приходится устанавливать, какого уровня абстракции достигает его представление о предложении как единице языка.

Для решения вопроса членимости предложения следует отказаться от проб утверждения структурного выражения предложения на основе только морфологических свойств формирующих её слов. Восприятие структурного плана предложения как такого правила, в котором предоставлены только морфологические характеристики слов, целесообразно для достижения конкретных целей синтаксического описания.

Признаки, которые характерны для подлежащего и сказуемого, каждый по-своему представляют компоненты предложения, определяют структуру предложения и его семантическое построение. При изучении структуры предложения следует учитывать сочетание именительного падежа имени и спрягаемой (личной) формы глагола, которое представляет собой особое сочетание, обозначающее членение предложения.

Без установления коммуникативно-семантической организации предложения того, как расположены между самостоятельными его компонентами составляющие смысла сообщения (о чём говорится и что говорится в предложении), синтаксический обзор не может быть завершённым.

Синтаксическая наполненность предложения определяется двумя различными показателями и соответственно подразумевает две различных стороны изучения. Отдельно исследуется структурная организация предложения и отдельно – его актуальное членение.

Структура лексики и структура синтаксиса имеют свои индивидуальные особенности. Но элементы различных ярусов языка имеют в своей структуре и что-то общее, что делает язык единым и даёт возможность выполнять свои функции в неразрывном единстве составляющих его компонентов.

Все значительные единицы языка имеют то общее, что их функции с одной стороны (в лексике – непосредственнее, в грамматике – более опосредовано) выражают процессы внеязыковой объективности, с другой – (это сторона и является собственно языковым свойством их семантики) – определяются стандартными (образцовыми) и контекстуальными связями данной единицы с другими единицами того же уровня.

Стандартная и контекстуальная закреплённость смысла каждой языковой единицы пребывают в определённой связи друг с другом. Чем устойчивее данное значение в стандартном плане, тем оно свободнее в контекстном плане.

И наоборот – чем оно свободнее, менее устойчиво в стандартном плане, тем устойчивее в контекстуальном плане. В отношении многозначных слов: базовые (ключевые) исходные (с точки зрения актуального словоупотребления) значения определяются тем, что они более самостоятельны и свободны от контекста, чем исходные, второстепенные значения тех же слов.

Огромная стандартная устойчивость, скреплённость значения и отвечает тому, что они рассматриваются как основное, главное значение слова, которое первым появляется при отдельном независимом произнесении слова, подкрепляется более значимыми соотношениями с рядом других значений (т.е. именно более связано стандартно), чем переносное значение, для узнавания которого нужен контекст, т.е. выявление более специальных контекстуальных (как лексических, так и синтаксических) связей.

В области синтаксических конструкций прослеживается такая же закономерность.

Толкование каждого предложения, как и любой другой самостоятельной единицы языка, зависит от двух условий. Во-первых, теми контактами внеязыковой действительности, выражением которых и является язык и его синтаксическая организация. Во-вторых, теми связями, в которых данное предложение, данная модель находится со всеми другими предложениями, другими моделями языка, с теми, с которыми оно связано чем-то общим: некоторым сходством значения, тождеством какой-то части компонентов системы. Все такого рода связи и рассматриваются с точки зрения стандартизации.

Литература

1. Ильенко С. Г., Мартьянова И. А., Столярова И. В. Современный русский язык. Синтаксис : учебник и практикум для вузов / С. Г. Ильенко [и др.]; под ред. С. Г. Ильенко; отв. ред. М. Я. Дымарский. – М. : Юрайт, 2020. – 391 с.

2. Казачук И. Г. Современный русский язык, Контрольно-измерительные материалы по синтаксису современного русского языка. Часть 1 / И. Г. Казачук. – М., 2023.

3. Стародумова Е. А. Синтаксис современного русского языка: учебное пособие / Е. А. Стародумова. – М. : Флинта, 2023. – 260 с.

4. Фаттахова Н. Н. Синтаксис современного русского языка: учебно-методическое пособие / Н. Н. Фаттахова. – Казань : [Изд-во], 2021. Kazan Federal University E-Archive.

5. Штайн К. Э. Современный русский язык : Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис : учебник / К. Э. Штайн. – М. : Флинта, 2023. – 836 с.

Kovalyova Natalia,
“Donbass National Academy of Civil Engineering and Architecture” – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”,
SYNTACTIC DIVISION OF JUDGMENTS IN MODERN RUSSIAN

УДК: 811.161.1'373-821.161.1-34

ЛИНГВОИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РАССКАЗА В. АСТАФЬЕВА «КОНЬ С РОЗОВОЙ ГРИВОЙ» В 6 КЛАССЕ

Макаренко Юлия Вячеславовна,
магистрант III курса филологического факультета;
Касьяненко Наталья Евгеньевна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего, славянского
и прикладного языкознания имени Е. С. Отина,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Аннотация. Статья посвящена важности лингвоисторического комментария при изучении рассказа В. П. Астафьева «Конь с розовой гривой» в 6 классе. Рассматривается сущность лингвоисторического комментария, его цели и значение для понимания художественного текста, раскрываются труды отечественных исследователей в данной области. Анализируется рассказ «Конь с розовой гривой» с точки зрения возможности его лингвоисторического комментирования, приводятся примеры анализа лексических и фразеологических особенностей произведения, отражающих историко-культурный контекст сибирской деревни середины XX века. Делается вывод о значимости такого подхода для формирования у школьников глубокого понимания литературы и развития языковой компетенции.

Ключевые слова: *лингвоисторический комментарий, В. П. Астафьев, «Конь с розовой гривой», художественный текст, диалектизмы, просторечия.*

Annotation. The article discusses the importance of linguo-historical commentary in studying V. Astafyev's short story "The Horse with a Pink Mane" for 6th graders. It examines the essence of linguo-historical commentary, its goals, and significance for understanding a literary text, as well as highlights the works of Russian researchers in this field. The story "The Horse with a Pink Mane" is analyzed from the perspective of its linguo-historical commentary potential, with examples of analyzing lexical and phraseological features of the work that reflect the historical and cultural context of a Siberian village in the mid-20th century. The conclusion emphasizes the significance of this approach for fostering a deep understanding of literature and developing language competence in schoolchildren.

Keywords: *linguistic and historical commentary, V. Astafyev, "The Horse with the Pink Mane", literary text, dialectisms, and vernaculars.*

Лингвоисторический комментарий – это неотъемлемая часть глубокого анализа художественного текста, направленная на раскрытие связи между языком, историческими процессами и культурными пластами. Такой подход предполагает детальное исследование лексики, устойчивых выражений (фразеологизмов), особенностей грамматического строя и стилистических приемов, чьи истоки зачастую уходят в прошлое, отражая специфику определенной эпохи, социальной группы или культурных реалий.

Проблема связи языка, истории и культуры, а также ее отражения в художественной литературе, на протяжении многих десятилетий привлекает внимание ученых-филологов и, хотя термин «лингвоисторический комментарий» может не всегда использоваться в явном виде, сами принципы такого подхода заложены в работах многих известных исследователей [см., например: 2, 7, 8].

Необходимость лингвоисторического комментария при изучении языка и литературы, особенно в средней школе, предполагает следующее:

- **понимание глубинного смысла:** множество слов и выражений имеют коннотации, обусловленные их историческим употреблением, которые могут быть неочевидны современному читателю. В таком случае, комментарий помогает провести параллель между прошлым и настоящим и раскрыть эти дополнительные смысловые оттенки, делая восприятие текста многогранным;
- **реконструкцию историко-культурного контекста:** язык является зеркалом своей эпохи. Лингвоисторические особенности текста дают возможность читателю глубже проникнуть в быт, уклад жизни, нравы, систему ценностей и мировоззрение людей той эпохи, в которую было создано произведение и где разворачиваются его события;
- **развитие языковой компетенции:** анализ устаревших слов, диалектизмов, просторечий, а также оценка их роли в тексте, способствует расширению лексического багажа учащихся, формированию у них более точного понимания языковых процессов и развитию навыков работы с разнообразными информационными источниками;
- **стимулирование читательского интереса:** погружение в языковые и исторические детали делает процесс чтения более захватывающим и осмысленным. Учащиеся начинают осознавать, что за каждым словом стоит своя уникальная история, что текст – это не просто набор символов, а живое свидетельство прошлого;

- **формирование целостного образа эпохи и автора:** знание лингвоисторических особенностей текста способствует более глубокому пониманию авторского замысла, его [**автора – Ю. М.**] позиции относительно описываемых событий и персонажей, а также специфики его индивидуального стиля.

В контексте работы с рассказом В. П. Астафьева «Конь с розовой гривой», которое предусмотрено программой 6 класса общеобразовательной школы, лингвоисторический комментарий приобретает особую значимость, поскольку произведение погружает учащихся в аутентичную атмосферу сибирской деревни середины XX века, демонстрируя ее уникальный быт, особенности говора и народное мировосприятие.

Рассказ Виктора Петровича Астафьева «Конь с розовой гривой», входящий в сборник «Последний поклон» [1, с. 10], является одним из самых пронзительных и любимых произведений автора, затрагивающих темы детства, памяти, нравственного выбора и искупления.

Действие рассказа разворачивается в послевоенной сибирской деревне. Главный герой – мальчик по прозвищу Котька, живет с бабушкой, которая трудится в колхозе. Сюжет строится вокруг незамысловатого, но чрезвычайно значимого для детского сознания эпизода: мальчик, желая получить в подарок пряник в форме коня, обманывает бабушку, утверждая, что отдал свой единственный заработанный рубль чужим людям. Этот рубль был получен им за помощь на току, где он трудился вместе с другими детьми.

Несмотря на обман, бабушка, любящая и мудрая женщина проявляет удивительную чуткость: вместо наказания она идет навстречу внуку, покупая ему желанный пряник. Однако, увидев раскаяние и стыд в глазах своего обманутого внука, бабушка не может сдержать слез. Этот момент становится для мальчика настоящим нравственным потрясением. Он глубоко осознает всю тяжесть своего поступка, испытывает жгучее чувство вины. Искупление приходит к нему не через суровое наказание, а через эмпатию – понимание боли и обиды близкого человека.

Язык произведения В. Астафьева является сочным, выразительным, ярким. Тем не менее, в процессе изучения рассказа, некоторые языковые факты требуют детального осмысления и комментирования, внимательного рассмотрения, выражаясь словами Н. М. Шанского, «под лингвистическим микроскопом» для ясного представления всей картины происходящего. Речь идет, прежде всего, о **диалектной** и **просторечной** лексике, которой так богат рассказ писателя. Помимо диалектизмов и просторечий, объектом комментирования в рассказе могут быть **фразеологизмы** и **устаревшая лексика**, а также **имена и прозвища** персонажей.

К примеру, в тексте рассказа встречается диалектная лексика – слова *бадоги, туесок, увал* и др. В частности слово *бадоги* (и выражение *работать на бадогах*): «*Левонтий, сосед наш,* ***работал на бадогах*** *вместе с Мишкой Коршуковым. Левонтий* ***заготовлял лес на бадоги****, пилил его, колол и сдавал на известковый завод*». Без обращения к специализированным словарям данное слово явно будет непонятно школьникам. Словарь русских народных говоров указывает на то, что данное слово распространено в диалектах Урала и Сибири и имеет значение «посох, трость» (полено) [9, с. 39]. Тогда выражение *работать на бадогах* может быть истолковано как «заготовлять лес, пилить и колоть его на части (поленья)». Интересно, что данный диалектизм входит и в состав фразеологического выражения *за батог водить*, что означает «водить слепого или немощного человека».

В рассказе часто употребляется и слово *ток*. В данном контексте оно обозначает место проведения обмолота зерна. Исторически *ток* – это специально подготовленная площадка (часто утрамбованная земля или дощатое покрытие), где происходило отделение зерна от соломы и мякины. Обмолот мог осуществляться различными методами: как вручную (с использованием цепов, молотильных досок), так и с помощью механизированных средств. Для мальчика Котьки заработать рубль *на току* означало стать участником этого трудоемкого процесса, что подчеркивает его стремление к самостоятельности и желание получить собственное вознаграждение. При комментировании этого слова, можно рассказать ученикам об особенностях сбора урожая в середине XX века, продемонстрировать тяжесть крестьянского труда, и объяснить значимость участия ребенка в подобной работе. Это позволяет не только понять лексическое значение, но и погрузиться в исторический быт сельской жизни. Информация о значении слова «ток» основана на общеизвестных этимологических и исторических данных, а также на информации из словарей [4, 7].

Рассказ В. Астафьева «пестрит» россыпями народных, просторечных слов и выражений. Так в одном из предложений читаем: «*Сон не брал меня, покой «андельский» не снисходил на мою* ***жиганью****, на мою* ***варначью*** *душу…*». В приведенном контексте использовано просторечное слово *жиганья* (душа), образованное от существительного *жиган*. Подобные слова зачастую требуют разъяснения. В частности, слово *жиган* в Словаре русских народных говоров трактуется в основном значении как «пройдоха, мошенник, плут, вор» [11, с. 165]. Слово абсолютно «вписывается» в ситуацию, когда герой рассказа, тайно стащил из кладовки калач. В одном контексте со словом *жиганья* употреблен и синонимичный термин *варначья*, образованный от слова *варнак*, означающего «хулиган, жулик,

вообще очень плохой человек» [10, с. 56] и часто включается в состав бранных выражений.

Особое внимание обучающихся можно привлечь к лексической единице *приглядеться*, которая встречается в тексте или в схожих контекстах. Значение глагола *приглядеться* означает не просто «увидеть», но и «оценить, привыкнуть, вникнуть». Например, описание реакции Котьки на пряничного пряничного коня: мальчик именно «*приглядывается*» к нему. Лингвоисторический комментарий способен проиллюстрировать, что подобные глаголы, обозначающие разнообразные оттенки восприятия, играют ключевую роль в передаче тонкостей народной речи читателю. Для сравнения можно привести другие синонимичные глаголы, каждый из которых несет свой уникальный смысловой оттенок (*увидеть, рассмотреть, узреть, приметить*), и объяснить, как выбор конкретного слова влияет на формирование образа в сознании читателя. Такой всесторонний анализ лексических оттенков и специфики народной речи основывается на методологических принципах, изложенных в работах по истории языка и стилистике (см., например: [3, 4]).

Требует отдельного комментария и народное название пряника, вынесенное в заглавие рассказа. Пряник, который приобретает бабушка, описан как «конь с розовой гривой». Сочетание розового цвета и формы коня отражают традиции народной игрушки и выпечки. Розовый цвет, вероятно, достигался с помощью использования натуральных красителей (например, сока ягод или свеклы), что было характерно для домашней кухни того времени. Сам пряник в виде коня является значимым элементом народной культуры, часто связанным с праздниками или особыми событиями. В процессе комментария можно осветить историю традиционного русского пряничного дела, а также символическое значение цветов и образов в народном искусстве. Можно продемонстрировать ученикам фотографии старинных пряников, поясняя, что такие «сладкие игрушки» были не только лакомством, но и частью обрядовой культуры, а также важным элементом в воспитании детей, развивая их эстетическое восприятие. Объяснение этого элемента помогает понять, как язык через названия предметов фиксирует культурные и исторические явления.

Введение лингвоисторического комментария при изучении рассказа В. П. Астафьева «Конь с розовой гривой» в 6 классе представляет мощный педагогический инструмент, способствующий обогащению учебного процесса. Он позволяет трансформировать поверхностное знакомство с сюжетом в глубокое понимание текста, его культурно-исторического фона и замысла автора.

Такой методический подход стимулирует развитие не только литературоведческих, но и лингвистических компетенций учащихся. Работа

с диалектизмами, устаревшей лексикой и народными оборотами расширяет словарный запас, формирует представление об эволюции языка и его неразрывной связи с историей [4, с. 6]. Кроме того, лингвоисторический комментарий способствует более полному постижению менталитета и быта сибирской деревни середины XX века, делая образный мир Астафьева более живым и доступным для понимания [1, с. 5].

Для шестиклассников, находящихся на этапе формирования целостного восприятия художественной литературы, грамотно структурированный лингвоисторический комментарий делает чтение более осмысленным, увлекательным и содействует формированию устойчивого интереса к изучению русского языка и литературы [3]. В результате ученики не просто «читают» рассказ, но и «слышат» в нем отголоски прошлого, постигают народную душу и нравственные истины, заложенные автором.

Литература

1. Астафьев В. П. Собрание сочинений : в 15 т. –Т. 3. Пастух и пастушка. Рассказы / В. П. Астафьев. – Красноярск : ПИК «Офсет», 1997. – 464 с.

2. Бабулевич С. Н., Кузенная Т. Ф. Историко-лингвистическое комментирование в контексте обучения русскому языку в школе / С. Н. Булевич, Т. Ф. Кузенная // Вестник Минского ун-та. –2018. – Т. 6. – [Электронный ресурс]. – URL: https://doi.org/10.26795/2307-1281-2018-6-1-7 (дата обращения: 04.11.2025).

3. Горшков А. И. Теория и история русского литературного языка: Учебное пособие по специальности «Русский язык и литература» / А. И. Горшков. – М. : Высшая школа, 1984. – 319 с.

4. Виноградов В. В. История слов / В. В. Виноградов. – Москва : Наука, 1975. – 1138 с.

5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. / В. И. Даль. – Москва : Русский язык, 1989.

6. Коптелова Н. В. Язык В. П. Астафьева : монография / Н. В. Коптелова.– Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 2006. – 121 с.

7. Падерина Л. Н. Особенности идиоостиля В. П. Астафьева / Л. Н. Падерина // Эпоха науки. –2016. – № 6. Гуманитарные науки. – [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-idiostilya-v-p-astafieva-obzor-imeyuschihsya-issledovaniy/viewer (дата обращения: 04.11.2025).

8. Скородумова Я. А. Функции диалектной лексики в автобиографической прозе В. П. Астафьева / Я. А. Скородумова // Молодой ученый. –2014. – 3 18 (77). – С. 823–824. – [Электронный ресурс]. – URL: https://moluch.ru/archive/77/13156 (дата обращения: 04.11.2025).

9. Словарь русских народных говоров / Глав. ред. Ф. П. Филин. – Вып. 2. – Москва–Ленинград : Наука, 1966. – 318 с.

10. Словарь русских народных говоров / Глав. ред. Ф. П. Филин. – Вып. 4. – Москва–Ленинград : Наука, 1969. – 359 с.

11. Словарь русских народных говоров / Глав. ред. Ф. П. Филин. – Вып. 9. – Москва–Ленинград : Наука, 1972. – 363 с.

Makarenko Yulia,
Kasyanenko Natalia,
FSBEI HE “Donetsk State University”,

LINGUISTIC-HISTORICAL COMMENTARY IN THE STUDY OF V. ASTAFYEV'S STORY “HORSE WITH A PINK MANE” IN THE 6TH GRADE

Исследование выполнено в рамках инициативной темы «Языковая картина мира в контексте новейших лингвистических парадигм» (номер госрегистрации НИОКТР 124112200105-7).

УДК 37.012.7

ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗОВ

Московская Татьяна Викторовна,
старший преподаватель кафедры философии и русской филологии
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»

Аннотация. В статье рассмотрены концептуальные и процессуально-содержательные аспекты технологизации гуманитарных технологий в образовательном процессе вузов как эффективного инструмента воспитания, направленного на получение устойчивых, прогнозируемых результатов. На основе анализа теоретических основ и практического опыта выделены определенные исходные позиции технологизации данного процесса в высших учебных заведениях. Вычленены основные требования, позволяющие вовлечь студента в процесс принятия решений, формировать культурные смыслы, в основе которых лежит понимание взаимообусловленности материальных и духовных ценностей. Подчеркнута объективная необходимость постоянного обновления технологических процедур на основе обобщения накопленного опыта, новых идей и современных научных разработок. Процесс внедрения гуманитарных технологий способствует самоактуализации и самореализации личности, является инновационным и заключается в практическом получении качественно новых устойчивых результатов образовательной деятельности.

Ключевые слова: *инновационный процесс, гуманитарные технологии, гуманизм, гуманный, гуманистический, гуманитарный.*

Annotation. The article examines the conceptual and procedural-substantive aspects of the technologization of humanitarian technologies in the educational process of universities as an effective educational tool aimed at obtaining sustainable, predictable results. Based on the analysis of the theoretical foundations and practical experience, certain initial positions of the technologization of this process in higher education institutions have been identified. The main requirements are identified to involve the student in the decision-making process, to form cultural meanings based on an understanding of the interdependence of material and spiritual values. The objective necessity of constant updating of technological procedures based on the generalization of accumulated experience, new ideas and modern scientific developments is emphasized. The process of introducing humanitarian technologies promotes self-actualization and self-realization of the individual, is innovative and consists in the practical acquisition of qualitatively new sustainable educational results.

Keywords: *innovation process, humanitarian technologies, humanism, humane, humanistic, humanitarian.*

Постановка проблемы. Сегодня России необходима экономика, опирающаяся на знания, умения и навыки инновационного типа. Поэтому процессы, происходящие в системе высшего образования, носят инновационный технологический характер и призваны обеспечить широкомасштабную реализацию основных идей образовательных реформ в повседневной деятельности высших учебных заведений.

Для внедрения инноваций необходимо учитывать комплекс социальных условий, в том числе: определение основополагающих приоритетов экономической политики государства; соответствие системы образования общественным запросам; нацеленность научно-образовательной сферы в целом и высшей школы в частности на прогрессивное развитие общества; стремление людей к получению новых знаний.

Успешное решение проблем обучения и воспитания молодежи возможно лишь при устойчивом совершенствовании системы образования на основе разработанных научных принципов эффективных путей внедрения инновационных идей, теорий, подходов. Перевод образовательных новаций с уровня теоретического знания на уровень их продуктивного использования становится возможным, если разработана технология их реализации как свидетельство реальной ценности, показатель актуальности и эффективности, которые проявляются в конкретных, качественно новых результатах учебно-воспитательного процесса. Однако системные инновационные образовательные проекты на практике часто реализуются фрагментарно, со значительным опозданием, что приводит к потере их инновационного потенциала.

Гуманитарные технологии в образовательном процессе вузов считаются эффективным инструментом воспитания и накладываются на все возможные педагогические технологии (которые являются гуманитарными по своей сущности), делая их разнообразнее, дополняя и преобразовывая, но не подменяя. Решение о выборе гуманитарных технологий, реализующих потенциал студентов, принимает преподаватель в зависимости от фактической педагогической задачи в конкретной дидактической ситуации.

Анализ последних исследований. В современных отечественных и зарубежных исследованиях особое внимание уделяется эффективным механизмам реализации инновационных педагогических идей в массовой педагогической практике. Большой вклад в изучение гуманитарных технологий внес П. Г. Щедровицкий. По мнению исследователя, данные технологии – это системное упорядочение и «соорганизация … в пространстве и во времени компонентов целенаправленной коллективной деятельности людей на основе современного гуманитарного знания» [8].

Гуманитарные технологии в образовании инновационны, а, по мнению М. М. Поташника, инновационный процесс сложен по строению и многообразен по структуре. В. И. Загвязинский отмечает, что инновации – это комплекс элементов, содержащих прогрессивное начало, которое позволяет в изменяющихся условиях и ситуациях достаточно эффективно решать задачи воспитания и образования [2, с. 12–18].

А. В. Хуторской выделяет в современной системе образования множество инновационных моделей и стратегий их практической реализации. Для каждой инновации часто предлагается свой метод и своя стратегия. Это приводит к эмпиризму и неудачам в реализации инноваций. Чтобы решить эту проблему автор предлагает разработку методологических основ инновационной деятельности, включая проектирование и реализацию инноваций. Для работы в инновационном режиме необходим замкнутый управленческий цикл, состоящий из целеполагания, планирования, программирования, организации системного мониторинга, коррекции инновационных процессов по результатам обратной связи [7].

Гуманитарные технологии в педагогике функционируют на уровнях создания, освоения и внедрения. Каждый из этих уровней имеет свои особенности, которые зависят от многих факторов. Главным их признаком является, прежде всего, практическая реализация, результаты которой позволяют судить об эффективности новых идей и подходов. Реализация гуманитарных принципов в образовании – это целенаправленный, планомерный процесс воплощения новых идей на практике в конкретных, качественно новых результатах учебно-воспитательной деятельности.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Внедрение гуманитарных технологий обнаруживает серьезные несоответствия теории и практики. Как правило, реализация работы идет методом проб и ошибок, что не всегда приводит к желаемым результатам.

Гарантом качественных показателей в образовании, позволяющим говорить о стабильности, выступают педагогические традиции. Учитывая, что рыночная экономика постоянно повышает спрос на специалиста, уверенно осуществляющего диалог на основе современных коммуникативных стратегий, инициирующих появление принципиально новых смыслов и рефлексий, выпускник вуза должен иметь сформированные на основе гуманитарных принципов способности к самообразованию в течение всей жизни. Система высшего образования призвана помочь решению данных задач, как потенциальный инструмент, способствующий положительному изменению человеческого общества.

Проблема технологизации гуманитарных принципов требует как более системного теоретического анализа, так и практической разработки алгоритмов перевода новаций с мыслительных конструкций в технологии их практического воплощения. Данные вопросы, на наш взгляд, в образовательном процессе высших учебных заведений разработаны

отрывочно и нуждаются в систематизации, поскольку осуществление разовых или периодических проектов в отдельно взятом учебном заведении каждый раз требует значительных временных, человеческих, финансовых затрат, что существенно снижает эффективность внедрения.

Цель статьи – обосновать концептуальные и процессуально-содержательные аспекты технологизации гуманитарных принципов в образовательный процесс вуза; проанализировать концептуально-содержательную модель реализации гуманитарных технологий в высших учебных заведениях.

Изложение основного материала. Современный человек имеет достаточно знаний, чтобы использовать глобальные информационные технологии, во многом определяющие его нормы и смыслы. Появившаяся в 1870–1880 гг. XX в. модель «экономического человека» характеризовала представителей человеческого рода как достаточно пассивных индивидов, подверженных внешним манипуляциям и сочетающих эгоистические и альтруистические мотивы, однако сегодня эта модель нуждается в дополнительных характеристиках, т.к. современные люди стремящиеся к бесконечным преобразованиям, стали чрезмерно информированы, чтобы принимать решения сообразно примитивным мотивам. Все сложнее становиться понимание принципов их действий, все затруднительнее воздействовать на их поступки.

Задача гуманитарных технологий оказать влияние на непростой алгоритм выбора в данной системе координат, вовлечь человека в процесс принятия решений, формировать культурные смыслы, в основе которых лежит понимание взаимообусловленности материальных и духовных ценностей. При этом прагматичность материального не должна занимать лидирующие позиции, в то время как традиционные ценности стали бы жизненными ориентирами.

Для создания эффективных алгоритмов реализации гуманитарных технологий в высших учебных заведениях необходим технологический подход, согласно которому появится комплекс технологий, направленных на получения устойчивых, прогнозируемых, а не стихийных результатов нововведений.

Анализ теоретических основ гуманитарных технологий показал, что во многих исследованиях несправедливо отождествляются принципиально разные понятия «гуманный», «гуманистический», «гуманитарный». В современном русском языке данные слова относят к категории паронимов.

Лексическая единица «гуманность», этимологически восходящая к латинскому «humanitas» («человеческая природа»), вошла в русский язык благодаря В. Г. Белинскому, который в 1841 г. в статье «Стихотворения М. Лермонтова» впервые употребил данное слово, объяснив его значение как «противоположность слову животный»: «Гуманность есть человеколюбие, но развитое сознанием и образованием» [1]. В словаре

Д. Э. Розенталя именно любовь к человеку, стремление помочь ближнему определяет суть данного понятия (гуманный закон, гуманная профессия, гуманный поступок, гуманная личность) [5, с. 143]. Смысловое содержание базируется на постулатах о индивидуальном смысле и самоценности каждой человеческой жизни.

До начала XX века слово «гуманный» активно использовалось как в художественной и публицистической литературе, так и в науке, при этом четкого лексического разграничения со словами «гуманистический» и «гуманитарный» не прослеживалось [6, с. 120], что объясняется происхождением от общего корня и сходством смыслового наполнения, в центре которого – человек.

Отметим, что понятие «гуманизм» имеет коннотацию, которая значительно шире, поскольку раскрывает систему совокупных воззрений, взглядов, мировоззрений, подчеркивающих первостепенность человека как ценности с акцентом на уважении его свободы и воли, прав и достоинств.

«Гуманность» – моральная норма, имеющая многогранную структуру и включающую поведенческие, эмотивные, познавательные аспекты.

Понятие «гуманистический» сопряжено со свойственной только человеку духовной природой (гуманистические идеи, гуманистическое мировоззрение, гуманистический потенциал, гуманистические традиции). Данное слово по сфере употребления более локализировано, как правило, используется в научной литературе.

Употребление термина «гуманитарный» (от латинского «humaniora» – «всеобщий») зависит от контекста. Данное понятие изначально использовалось в России в системе образования без перевода применительно «litterae humaniores» наукам (историческим, философским, филологическим и др.). Слово «гуманитарный» и сегодня обозначает общественные науки, изучающие человека и его культуру (гуманитарные дисциплины, предметы гуманитарного цикла); также относится к образовательным структурам, деятельность которых направлена на изучение человеческой культуры, общества, творчества и духовную деятельность (гуманитарный профиль, гуманитарный вуз (академия, институт, университет), гуманитарный курс, гуманитарное образование (гимназия, лицей, класс); отождествляется с оказанием бескорыстной помощи людям, попавшим в сложную жизненную ситуацию (гуманитарная помощь, гуманитарная миссия); указывает на проблемы, связанные с человеческим обществом (гуманитарная катастрофа, гуманитарный кризис).

Гуманизация как способ введения гуманных принципов, ценностей и стандартов в образовательный процесс ориентирована на самосовершенствование каждой личности в соответствии с нравственными приоритетами традиционных общечеловеческих ценностей, на усовершенствование симбиоза личности и социума.

Гуманитарные технологии представляют собой тонкие (негрубые) инструменты, сфокусированные на конвенциональной коммуникации, что соответствует русской культуре, характеризующейся историческим опытом комплементарного сосуществования разных взаимодополняющих культур и конфессий. Учить конструктивному диалогу – главная задача современного образования.

Гуманитарные технологии, воздействуя на поведенческие модели, лишены морализаторства и лицемерного назидательства, т.к. силовые действия в большинстве случаев контрпродуктивны. Главный ресурс данных технологий – человеческое внимание, которое в современном мире особенно сложно привлекать и удерживать.

Гуманитарные технологии помогают найти ценностные смыслы, сопряженные с потребностью совершать поступки, которые, в свою очередь, становятся опытом. Умение проанализировать полученный опыт, обобщить и проинтерпретировать исходные условия и результаты ведет к умению решать возникающие проблемы, что имеет первостепенное значение для личностного самоопределения.

Образовательный процесс как динамическая система, взаимодействующая с другими системами, сложный и многоплановый, он предполагает совокупность условий, средств, способов, форм, ресурсов. Чтобы внедрить гуманитарные технологии, необходимо учитывать следующие требования:

– *системность* процесса реализации, возникающая как результат причинно-следственных содержательных и функциональных связей между целями, содержанием, формами и методами взаимодействия субъектов;

– *научность* идей, теорий, принципов;

– *концептуальность* теоретико-методологических позиций – система взглядов на гуманитарные технологии как закономерное явление развития педагогических систем;

– *направленность* на гарантированное достижение целей, которые можно диагностировать как изменения в системе в результате внедрения;

– *структурированность* – расчленение процесса на последовательные, связанные между собой этапы, скоординированность действий, операций;

– *алгоритмичность* – однозначность выполнения включенных в технологию действий и операций по четко определенной схеме;

– *управляемость* – возможность корректировки действий на основе обратной связи и анализа данных диагностики на каждом технологическом этапе реализации;

– *эффективность* – положительное соотношение полученных результатов и количества затраченных ресурсов;

– *воспроизводимость* – возможность осуществления процесса другими субъектами в аналогичных условиях, руководствуясь описанием всех его характеристик;

– *управление рисками, их минимизация*, поскольку в отличие от стабильных процессов, гуманитарные технологии характеризуются высоким уровнем неопределенности динамики всех факторов, обусловливающих их результаты. Тем не менее, прогностический потенциал технологий позволяет предсказать возможные риски и трудности, определить «слабые места» и снизить возможные негативные отклонения от заданных параметров изменений в развитии учебного процесса.

Подготовка будущих специалистов по гуманитарным технологиям – качественно новый этап в образовании, базирующийся на кардинально иных методических и технологических законах, призванных решать задачи повышения качества мыследеятельности обучающихся как одного из важнейших условий социально-личностного ориентирования для свободного и всестороннего развития в быстро меняющемся информационном, поликультурном мире.

Анализ практики инновационной деятельности убеждает в том, что технологизация положительно влияет на процесс нововведений, обеспечивает эффективность и стабильность результатов. Вместе с тем, недостаточно продуманные тактические решения применения технологий ведут к возникновению барьеров для творческой работы, усилению консерватизма и шаблонности мышления, закреплению стереотипов в поведении и управлении. В контексте методологических и социокультурных проблем инновационного развития образования некоторые ученые акцентируют внимание на том, что объекты нововведения (учебные заведения) имеют разнообразие непохожих специфических «местных» условий (организационных, материальных, региональных). Эта разница приводит к тому, что даже при условии одинаковости нововведения каждое его внедрение имеет признаки уникальности [4].

Особое значение приобретают умения налаживать толерантную коммуникацию, способность к осложнению или упрощению алгоритмов, возможности их выбора и замены при решении разного рода задач. Отсюда следует объективная необходимость постоянного обновления технологических процедур на основе обобщения накопленного опыта, современных научных разработок. Таким образом, применяемая технология должна быть удобной в освоении и использовании, достаточно гибкой, легко изменяться в соответствии с видом, целями и содержанием.

Актуализации и оптимизации практического использования гуманитарных технологий в образовательном процессе высших учебных заведений, на наш взгляд, будет способствовать модель их реализации,

основанная на диалоге. Условия диалогичности обеспечивается с помощью сознательного, заранее обдуманного конструирования субъект-субъектных отношений. Например, выстраивание организационно-деятельностных игр для активизации коллективного взаимодействия, воздействия на сознание. В современном образовании наиболее востребованными становятся именно такие технологические возможности [9, с. 107].

В содержательном аспекте гуманитарные технологии – это набор процедур и методов организации человеческой деятельности, дополненный средствами моделирования поведения. Важно иметь возможность коррекции, изначально заложенную в алгоритм технологии.

Оценки эффективности деятельности высших учебных заведений строится на измерении результативности их деятельности, направленной на совершенствование образовательного процесса, расширение интеграции с научной деятельностью, развитие международного сотрудничества вузов с зарубежными партнерами, повышение конкурентоспособности высшего учебного заведения [3, с. 109].

Выводы проведенного исследования и перспективы последующего развития в данном направлении. Таким образом, процесс внедрения гуманитарных технологий дает возможность управлять поведением обучающихся, способствует самоактуализации и самореализации личности, является инновационным и заключается в практическом получении качественно новых устойчивых результатов образовательной деятельности, что в перспективе выстраивает позитивный вектор образования. Поэтому часто в сфере образования гуманитарные технологии определяют как технологии повышения эффективности деятельности.

Поскольку, на наш взгляд, основным фактором, обеспечивающим эффективность парадигмы образования в высших учебных заведениях, является уровень соответствующей компетентности преподавателей, их отношение к гуманитарным технологиям как инновационной деятельности, разработка системы развития их инновационной компетентности, нацеленной на формирование нравственных ориентаций, установок, смыслов обучающихся, и определяет задачи нашего дальнейшего исследования.

Литература

1. Белинский В. Г. Стихотворения М. Лермонтова : Статья / В. Г. Белинский. – [Б.и.], 1840. – 6 с. – Критика. – URL: https://rucont.ru/efd/2450 (дата обращения: 25.10.2025).

2. Загвязинский В. И. Теория обучения: Современная интерпретация / В. И. Загвязинский. – Москва : Издательский центр «Академия», 2001. – 192 с.

3. Иванченко В. Я. Траектория повышения эффективности деятельности некоммерческих образовательных организаций / В. Я. Иванченко // Торговля и рынок. – 2021. – Вып. 4'(60), т. 2, ч. 2. – С. 107–113.

4. Ксензова Г. Ю. Инновационные процессы в образовании. Реформа системы общего образования / Г. Ю. Ксензова. – Москва : Издательство «Юрайт», 2021. – 349 с. – (Высшее образование). – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/474367 (дата обращения: 28.10.2025).

5. Розенталь Д. Э. Словарь трудностей русского языка / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 3-е изд. – Москва : Айрис-Пресс, 2003. – 832 с.

6. Ромашина Е. Ю. «Гуманитарный» и «Гуманистический» : из истории понятий / Е. Ю. Ромашина // Известия ВГПУ. – 2005. – №1. – С. 116–121.

7. Хуторской А. В. Современная дидактика : учеб. пособие / А. В. Хуторской. – Изд. 2-е, перераб. – Москва : Высшая школа, 2007. – 639 с.

8. Щедровицкий П. Г. О разработке понятий в проектировании нового поколения гуманитарных технологий / П. Г Щедровцкий. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.slikp.ni/lib/arcliive/liumaiiitarian/1999/3.

9. Юдин Б. Г. От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям / Б. Г. Юдин // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 3. – С. 129–138; № 4. – С. 104–110.

Moskovskaya Tatiana,
FSBEI HE “Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky”,
HUMANITARIAN TECHNOLOGIES IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF UNIVERSITIES

УДК 811.161.1

ПРАГМАТИКА СТРОИТЕЛЬНЫХ АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ В ПУБЛИЦИСТИКЕ

Назар Роман Николаевич,
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации,
«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный университет»

Аннотация. В статье исследуется прагматический аспект функционирования строительных аббревиатур и сокращений в текстах публицистического дискурса. Анализируются причины их активного использования, выявляются основные прагматические функции (информативная, идентифицирующая, фатическая, суггестивная, функция языковой экономии), а также потенциальные коммуникативные риски. На материале статей из специализированных и деловых СМИ за последние три года рассматривается, как аббревиатуры способствуют формированию профессиональной картины мира, созданию корпоративной солидарности и воздействию на целевую аудиторию. Делается вывод о том, что строительные аббревиатуры в публицистике являются мощным инструментом не только номинации, но и конструирования профессиональной реальности.

Ключевые слова: *аббревиация, строительная терминология, публицистический дискурс, прагматика, профессиональный жаргон, языковая экономия, коммуникативные стратегии, СМИ, отраслевая идентичность.*

Abstract. The article examines the pragmatic aspect of the functioning of building abbreviations and abbreviations in the texts of journalistic discourse. The reasons for their active use are analyzed, the main pragmatic functions (informative, identifying, phatic, suggestive, language economy function), as well as potential communicative risks are identified. Based on articles from specialized and business media over the past three years, it has been examined how abbreviations contribute to shaping a professional worldview, creating corporate solidarity and influencing the target audience. It is concluded that building abbreviations in journalism are a powerful tool not only for nomination, but also for constructing professional reality.

Keywords: *abbreviation, construction terminology, journalistic discourse, pragmatics, professional jargon, linguistic economy, communication strategies, mass media, industry identity.*

Строительная отрасль, являясь одной из ключевых в экономике любой страны, порождает чрезвычайно насыщенный и динамичный пласт лексики. Его неотъемлемой частью выступает обширный корпус аббревиатур и сокращений (ДА-110, МКД, БЛАУ, ЦОДД, ФАУ «Главгосэкспертиза», ДДУ, ИЖС, СНИП → СП и др.). Если в сугубо профессиональной документации их использование диктуется в первую очередь необходимостью точности и экономии языковых средств, то в публицистике, ориентированной на более широкую аудиторию, включающую не только специалистов, но и инвесторов, чиновников, потенциальных дольщиков и обывателей, прагматика их применения становится многогранной и стратегически значимой.

Публицистический дискурс о строительстве, представленный в таких изданиях, как «Коммерсантъ», «Ведомости», «РБК», «Строительная газета», а также в многочисленных онлайн-порталах (например, «Стройгазета», “UrbanLook”, «ПрочДом»), служит ключевым каналом коммуникации между отраслью и обществом. В этом пространстве аббревиатуры перестают быть просто ярлыками для сложных понятий; они становятся инструментом воздействия, маркерами принадлежности к «своим» и способом конструирования определенного образа отрасли.

Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, лавинообразным ростом числа новых аббревиатур в связи с реализацией национальных проектов, развитием нормативной базы и появлением новых технологий. С другой стороны, наблюдается дефицит лингвистических работ, рассматривающих этот пласт лексики именно сквозь призму прагматики в медийном пространстве.

Цель исследования – выявить и систематизировать прагматические функции строительных аббревиатур и сокращений в текстах публицистического стиля.

Задачи:

Определить лингвистические и экстралингвистические предпосылки активной аббревиации в строительной сфере.

Сформировать корпус наиболее частотных строительных аббревиатур, используемых в публицистике 2021–2024 гг.

Провести прагматический анализ контекстов их употребления и классифицировать основные функции.

Выявить коммуникативные риски, связанные с использованием аббревиатур в медиатекстах.

Проследить связь между использованием аббревиатур и формированием отраслевой идентичности.

Объект исследования – строительные аббревиатуры и сокращения.

Предмет исследования – их прагматические функции в публицистических текстах.

Методы исследования: контекстный анализ, дискурс-анализ, описательный метод, метод классификации, количественный подсчет частотности.

Теоретической базой послужили работы в области лингвистической прагматики, терминоведения, теории дискурса и медиалингвистики таких учёных, как Д. И. Алексеев [1], Ю. Д. Апресян, Е. А. Бирюкова [2], В. В. Виноградов [3], Е. А. Земская [4], Ю. В. Горшунова, В. П. Изотов, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, В. В. Лопатин, Т. Г. Нургалеева [8], Г. Г. Почепцов, Н. О. Светличная [10], В. И. Теркулов [12], М. И. Тибилова [12], И. С. Улуханов, С. В. Фадеев, М. А. Ярмашевич [15] и др.

Аббревиация (от лат. brevis – краткий) – это процесс словообразования, заключающийся в создании новых лексических единиц (аббревиатур) путем сокращения исходных слов или словосочетаний. В современном русском языке, особенно в профессиональных подъязыках, этот процесс приобретает гипертрофированные масштабы. К основным типам аббревиатур, релевантным для строительной тематики, относятся:

Инициальные аббревиатуры образуются из начальных звуков (МКД – [мкд] – многоквартирный дом) или букв (ФАУ – Федеральное автономное учреждение) слов исходного словосочетания.

Слоговые аббревиатуры образуются из начальных частей слов (Главгосэкспертиза – Главная государственная экспертиза).

Буквенно-звуковые (смешанные) аббревиатуры сочетают в себе начальные слоги и буквы (СНИП – Строительные Нормы и Правила, ныне заменены на СП – Своды Правил).

Усечения (прораб – производитель работ).

Строительная отрасль тяготеет к инициальным и сложносоставным аббревиатурам, что обусловлено сложностью и многословностью номинируемых понятий.

Строительный дискурс представляет собой сложное коммуникативное пространство, объединяющее профессиональное сообщество (инженеров, архитекторов, проектировщиков), государственные органы власти (Минстрой, Минтранс), бизнес (девелоперов, инвесторов) и конечных потребителей (граждан). Его лексика характеризуется:

1. Высокой степенью терминологизированности.

2. Жесткой нормативностью (ссылки на СП, ГОСТы, ФЗ).

3. Динамичностью – постоянным появлением новых технологий и, соответственно, их обозначений (BIM – Building Information Modeling, TOD – Transit-Oriented Development).

4. Интернациональным характером многих терминов, которые заимствуются вместе с аббревиатурами (BIM, REIT – Real Estate Investment Trust).

Эта специфика делает аббревиацию не просто удобным, но и необходимым механизмом обеспечения эффективной внутрикорпоративной коммуникации.

Прагматика, изучающая отношения между знаками и их пользователями, позволяет вскрыть глубинные причины выбора тех или иных языковых единиц. В публицистике, где каждый элемент текста работает на общую цель – информировать, убеждать, формировать отношение, – аббревиатуры выполняют ряд ключевых функций.

Это базовая, но не всегда первостепенная в публицистике функция. Она заключается в сокращении объема текста без потери смысла, например: «Застройщик обязан передать участнику ДДУ объект, соответствующий требованиям ПП РФ № 615 и СП 54.13330.2016».

Развернутая формулировка «...требованиям Постановления Правительства Российской Федерации № 615 и Свода правил "Здания жилые многоквартирные"» заняла бы значительно больше места, затрудняя восприятие.

В публицистике экономия служит не только удобству, но и повышению динамичности, «плотности» информации, что соответствует ритму современного медиапотребления.

Эта функция направлена на установление и поддержание контакта с «посвященной» аудиторией. Использование «правильных» аббревиатур служит паролем, маркером принадлежности к профессиональному сообществу. Автор, оперируя терминами БЛАУ (Балансовая стоимость земельного участка) или ГПЗУ (Градостроительный план земельного участка), демонстрирует свою компетентность и обращается к тем читателям, которые способны этот код расшифровать. Это создает эффект «круга избранных», укрепляя корпоративную солидарность и доверие к источнику информации, например: «Новый КРТ (комплексное развитие территории) в рамках нацпроекта позволит решить проблему АВ (аварийного жилья)». Для непосвященного читателя сочетание букв мало что значит, для специалиста – это точное указание на конкретные программы и проблемы.

Аббревиатуры служат для точного и однозначного обозначения сложных объектов, процессов, институтов и нормативных актов. Они выступают в роли ярлыков, отсылающих к развернутым концептам, например: «ФАУ “Главгосэкспертиза России” одобрило проект строительства моста через Волгу». Аббревиатура ФАУ и название учреждения выполняют чисто номинативную функцию, точно идентифицируя субъект действия.

Суггестивная (воздействующая) функция – одна из наиболее важных в публицистике. Аббревиатура может использоваться для того, чтобы смягчить или, наоборот, драматизировать сообщение, представить проблему в определенном свете.

Смягчение: использование аббревиатуры ОСС (Общее собрание собственников) вместо полного названия может маскировать сложность и потенциальную конфликтность процедуры, делая ее на первый взгляд простой технической формальностью.

Драматизация: постоянное употребление аббревиатуры АВ (аварийное жилье) в негативном контексте («проблема АВ», «расселение АВ») нагнетает атмосферу остроты социальной проблемы, на которую должно реагировать государство.

Система аббревиатур составляет каркас профессионального мировоззрения. Она структурирует реальность, выделяя в ней значимые объекты и связи. Частотность таких аббревиатур, как ИЖС (Индивидуальное жилищное строительство), МКД (Многоквартирный дом), ДДУ (Договор долевого участия), ЦОДД (Центр организации дорожного движения), в медиапространстве формирует у аудитории представление о ключевых элементах и отношениях в строительной отрасли. Мир начинает восприниматься через призму этих ярлыков.

На основе анализа 100 статей из изданий «Коммерсантъ», «РБК», «Ведомости» и отраслевого портала «Стройгазета» был составлен корпус наиболее употребимых аббревиатур (таблица 1).

Таблица 1.

Рейтинг частотности строительных аббревиатур в публицистике

Аббревиатура	Полная расшифровка	Частота употребления (на 100 статей)	Основные контексты
1. ДДУ	Договор долевого участия	89	Проблемы обманутых дольщиков, отчеты девелоперов, изменения в 214-ФЗ
2. МКД	Многоквартирный дом	76	Капремонт, управление домом, ЖКХ,

Аббревиатура	Полная расшифровка	Частота употребления (на 100 статей)	Основные контексты
			новое строительство
3. ИЖС	Индивидуальное жилищное строительство	71	Господдержка ипотеки, развитие загородного рынка, инфраструктура
4. ФАУ «Главгосэкспертиза»	Федеральное автономное учреждение «Главгосэкспертиза России»	65	Одобрение проектов, экспертные заключения
5. КРТ	Комплексное развитие территорий	58	Нацпроекты, реновация, развитие городов
6. СП / (СНИП)	Свод правил (Строительные нормы и правила)	54	Требования к безопасности, качеству строительства
7. ЦОДД	Центр организации дорожного движения	47	Строительство и реконструкция дорог, логистика стройплощадок
8. БЛАУ	Балансовая стоимость	41	Земельные отношения, налогообложен

Аббревиатура	Полная расшифровка	Частота употребления (на 100 статей)	Основные контексты
	земельного участка		ие, сделки с землей
9. АВ	Аварийное жилье	38	Программы расселения, социальная политика
10. ОСС	Общее собрание собственников	35	Вопросы управления МКД, сбор средств на капремонт

Рассмотрим контекст употребления аббревиатур более детально.

ДДУ употребляется преимущественно в контекстах, связанных с рисками и гарантиями. Например: «Для защиты прав граждан усилена ответственность за нарушение ДДУ». Прагматика – суггестивная (создание ощущения защищенности/риска) и информативная.

ИЖС часто встречается в материалах, посвященных государственной поддержке. «Льготная ипотека на ИЖС позволила оживить рынок». Прагматика – воздействующая (формирование положительного образа мер господдержки) и идентифицирующая (обращение к целевой аудитории – будущим домовладельцам).

КРТ используется в статьях о масштабных градостроительных преобразованиях. «Власти сделали ставку на КРТ как инструмент решения жилищной проблемы». Прагматика – формирование картины мира (внедрение в сознание читателя концепции комплексного развития) и суггестивная (создание образа прогрессивного подхода).

Несмотря на обширный прагматический потенциал, бесконтрольное использование аббревиатур в публицистике создает серьезные коммуникативные риски.

Семантический барьер (непонимание) – основной риск. Читатель, не знакомый с термином, выпадает из коммуникации. Фраза «ОСС утвердило решение о выборе способа формирования фонда КР на основании ПП РФ № 491» может быть абсолютно непонятна для рядового гражданина.

Информационная перегруженность – текст, перенасыщенный аббревиатурами, становится трудным для восприятия даже для подготовленной аудитории. Это снижает эффективность коммуникации.

Эффект отчуждения – чрезмерное использование профессионального жаргона может оттолкнуть неподготовленную аудиторию, создав у нее впечатление, что отрасль – это закрытый клуб, непонятный и чуждый простым людям.

Подмена понятий – аббревиатура может маскировать негативную сущность явления. Например, АВ (аварийное жилье) звучит менее эмоционально и остро, чем «дом, который может рухнуть».

Стратегии минимизации рисков, используемые качественными изданиями, различны, например:

Расшифровка при первом упоминании: «...в рамках комплексного развития территорий (КРТ)...».

Дозированное использование, когда общеупотребимые аббревиатуры (ЖКХ, МКД) используются свободно, а узкоспециальные (БЛАУ, ГПЗУ) – с пояснениями, путём создания сносок, глоссариев и справочных материалов.

Аббревиатуры являются не просто отражением профессиональной реальности, но и активным инструментом ее конструирования. Через их постоянное цитирование в СМИ формируется язык, на котором отрасль говорит о себе.

Создание символического капитала – владение кодом (понимание аббревиатур) становится символическим капиталом, отличающим профессионала от дилетанта. Публицистика, используя этот код, участвует в производстве и воспроизводстве этого капитала.

Легитимация институтов – постоянное упоминание ФАУ «Главгосэкспертиза», Минстроя России укрепляет их статус как незыблемых и ключевых институтов отрасли.

Нормализация практик – аббревиатуры ДДУ, ОСС делают соответствующие практики (долевое строительство, собрания собственников) привычными, нормальными, встроенными в повседневность.

Таким образом, публицистический дискурс, насыщенный строительными аббревиатурами, активно участвует в создании и поддержании особого «строительного мира» со своими правилами, ценностями и языком.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что прагматика строительных аббревиатур и сокращений в публицистике выходит далеко за рамки простой экономии речевых усилий. Эти языковые единицы являются многофункциональным инструментом, который структурирует информацию, делая сложные отраслевые данные более компактными и удобными для передачи; выполняет социально-

идентификационную роль, маркируя профессиональное сообщество и устанавливая контакт с целевой аудиторией.

Оказывает суггестивное воздействие, формируя определенное отношение к описываемым явлениям и процессам.

Участвует в конструировании профессиональной картины мира, выделяя и закрепляя в сознании аудитории ключевые концепты строительной отрасли.

Создает коммуникативные риски, которые, однако, могут быть минимизированы с помощью грамотных редакторских стратегий.

В условиях интенсивного развития строительной отрасли и ее медийного освещения аббревиатуры будут и дальше оставаться динамичным и мощным пластом лексики. Их прагматическое изучение является важной задачей для лингвистики, медиаисследований и теории коммуникации, так как позволяет понять не только то, о чем говорят в отраслевых СМИ, но и как с помощью языка выстраиваются отношения между отраслью, государством и обществом.

Литература

1. Алексеев Д.И. Сокращенные слова в русском языке / Д.И. Алексеев. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1979. – 328 с.

2. Бирюкова Е.А. Функционирование аббревиатур в современной речи : Автореферат дис. … канд. филол. наук : 10.02.01. – Москва, 2007. – 309 с.

3. Виноградов В.В. Грамматика русского языка : Фонетика и морфология / В.В. Виноградов. – М. : Академия наук СССР,1953. – 720 с.

4. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование : учебное пособие / Е.А. Земская. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 328 с.

5. Назар Р.Н. Аббревиация как способ словообразования военной терминологии в реалиях современного Донбасса (на материале текстов СМИ) / Р.Н. Назар // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2024. – № 4. – С. 76-88. – https://doi.org/10.5281/zenodo.13996907.

6. Назар Р. Н. Акронимы и сокращения как разновидность аббревиации: признаки, сфера применения / Р. Н. Назар // Гуманитарные аспекты высшего профессионального образования : электронный сборник статей и тезисов докладов VII Международной заочной научнопрактической конференции (26 февраля 2025 г., Макеевка); редкол.: Д. В. Алфимов, М. Г. Коляда, Г. В. Тимошко и др. – Макеевка : ФГБОУ ВО «ДОННАСА», 2025. – С. 120–130.

7. Назар Р. Н. Отаббревиатурная лексика русского языка на материале текстов СМИ / Р. Н. Назар // Дискурсология : язык, культура, общество : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (10–11 апреля 2024 года, г. Луганск) / под ред.

И. А. Соболевой, ФГБОУ ВО «ЛГПУ». – Луганск : Издательство ЛГПУ, 2024. – С. 192 – 198.

8. Нургалеева Т.Г. Аббревиация как средство экспрессивного словообразования : Автореферат дис. … канд. филол. наук. – М., 2010. – 19 с.

9. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов : Пособие для учителя / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – 3-е изд. испр. и доп. – М. : Просвещение, 1985. – 399 с.

10. Светличная Н.О. Аббревиация и дезаббревиация в современном русском языке: лингвопрагматический аспект: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2009. – 15 с.

11. Теркулов В.И. Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. Серия 9 : Филология. – 2017. – № 6. – С. 73–97.

12. Тибилова М.И. Аббревиатуры-инновации: системно-описательный и лингвопрагматический аспект: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Владикавказ, 2011. – 22 с.

13. Федорова М.А., Чурилова И.Н. Тематические группы инициальных аббревиатур терминологии охраны труда английского языка / М.А. Федорова, И.Н. Чурилова // Филологические науки. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). – Тамбов : Грамота, 2018. – № 4. Ч. 2. – С. 399–402.

14. Чернейко Л.О., Ли Яньянь Аббревиатура как номинативный и экспрессивный знак в текстах российских СМИ / Л.О. Чернейко, Яньянь Ли // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 22. – №3 (200). – С. 229–246.

15. Ярмашевич М.А. Аббревиация в современных европейских языках: структурный, семантический и функциональный аспекты : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19 / Ярмашевич Марина Аркадьевна. – Саратов, 2004. – 481 с.

Nazar Roman,
“Donbass National Academy of Civil Engineering and Architecture” – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”,
THE PRAGMATICS OF BUILDING ABBREVIATIONS AND ABBREVIATIONS IN JOURNALISM

УДК 81.161.1

À PROPOS DES PHRASÉOLOGISMES AUX COMPOSANTS ZOONYMIQUES EN FRANÇAIS ET RUSSE MODERNES

Sabina Rudolfovna Nedbaylik,
PhD in Philology, Associate Professor of the Department of German and French Languages Institute of Foreign Languages,
FSBEI HE "Petrozavodsk State University";
Pashkova Yana Dmitrievna,
4th year student at the Institute of Foreign Languages,
FSBEI HE "Petrozavodsk State University";
Egorov Ruslan Alekseevich,
4th year student at the Institute of Foreign Languages,
SEI HE "Moscow City Pedagogical University"

Аннотация. В данной статье рассматриваются различные аспекты зоонимической фразеологии в современных французском и русском языках. В этой связи авторы проводят многоуровневый функционально-семантический и лексико-грамматический анализ двуязычного практического материала с целью выявления наиболее значимых черт сходства и различий. Результаты выполненного исследования дают полное основание утверждать, что при всех имеющихся расхождениях в психологии и мировосприятии их носителей, французский и русский современные языки используют сходные стереотипы и логические принципы при создании и структурировании зоонимических фразеологических единиц.

Ключевые слова: *фразеология, единица, зоонимический, значение, различие, сходство, состав.*

Abstract. This article examines various aspects of zoonymic phraseology in modern French and Russian languages. In this connection the authors make a multi-level functional-semantic and lexical-grammatical analysis of bilingual practical material aimed to identify the most significant features of similarity and differences. The results of carried out research give full grounds to state that, despite all the existing differences in psychology and worldview of their speakers, modern French and Russian languages use similar stereotypes and logical principles in creating and structuring of zoonymic phraseological units.

Keywords: *phraseology, unit, zoonymic, meaning, difference, similarity, composition.*

Il est connu que dans les langues Russe et Française modernes les unités phraséologiques à composantes zoonymiques sont largement représentées, leur

signification étant axée sur la désignation figurative et la description d'une personne. De plus, nombre de ces zoonymes inclus dans les unités phraséologiques sont des exemples d'art populaire, tandis que d'autres ont été inventés par les écrivains eux-mêmes. Au départ, la singularité d'une langue se manifeste précisément dans la manière dont les noms d'animaux y acquièrent une signification symbolique, devenant ainsi une caractéristique figurative d'une personne. Ainsi, en comparant le russe et le français sur ce point, on constate à la fois des similitudes et des différences. Par exemple, si dans un cas toute une série de mots désignant des animaux qui sont également familiers aux locuteurs des deux langues ou, au contraire, exotiques, acquièrent un sens figuré stable, alors dans un autre, un tel sens, au contraire, n'est pas fixe. Cependant, en même temps, la communauté significative des fonds phraséologiques français et russe, au moins dans la partie qui est représentée par des caractéristiques zoomorphes, est confirmée par la présence de nombreuses séries synonymes parallèles d'unités phraséologiques avec une sémantique complètement équivalente et une structure identique [2]. Il est tout à fait évident que, d'une manière générale, les similitudes et les différences inhérentes à la phraséologie française et russe remontent aux particularités des représentations figuratives qui se sont développées parmi les groupes ethniques parlant ces langues. Les résultats de l'analyse comparative du matériel pratique original montrent que la proportion d'unités phraséologiques zoonymiques qui ont des significations à la fois très proches et complètement identiques dans deux langues est assez importante. Cette similitude du fonds phraséologique, à savoir la composition des unités phraséologiques zoonymiques des langues française et russe, est sans aucun doute liée à la communauté d'idées, ainsi qu'aux traditions historiques des peuples – leurs porteurs, qui ont vécu pendant de nombreux siècles dans des territoires adjacents et, par conséquent, ont conservé des stéréotypes ethno- et socioculturels étroits [1, c. 126].

Il est bien évident que les deux langues en question possèdent un grand nombre d`unités phraséologiques (UF) avec une composante zoonymique, dont la signification est corrélée à une personne. Parmi ces unités on peut distinguer trois groupes principaux: 1) les unités, exprimant la valeur de certaines qualités extérieures d'une personne; 2) les unités marquant la valeur de certaines qualités intérieures; 3) les unités marquant la valeur de diverses manifestations psychologiques. La composition même des noms d'animaux, qui font partie du UF dans les deux langues, est en grande partie similaire. Cela est particulièrement vrai pour la phraséologie, dont l'élément est les zoonymes - noms d'animaux domestiques. Ainsi, on ne peut noter que deux zoonymes russes (Mérin, sivka) et français (bourriquet-âne, lapin-lapin) qui n'ont pas de droites correspondances mutuelles dans la phraséologie des deux langues [2, 3]. Ainsi, le zoonyme français bourrique désigne la femelle de l'âne, un nom russe Mérin est un étalon castré, et le nom sivka est simplement un cheval de costume sivoy. Les différences dans la composition des zoonymes désignant les animaux sauvages sont plus importantes. Ainsi, dans la phraséologie française, il y a des zoonymes: aigle, caille, carpe,

cigogne, hibou, merle, pinson, tourterelle, zébé, qui n'ont pas de correspondances dans la composition des phraséologies russes. On peut noter la phraséologie française muet comme une carpe, qui correspond au russe-lui, comme un poisson [4, c. 18–22].

La différence entre les deux langues réside dans le fait qu'en français au lieu de la désignation générique (poisson), on utilize le nom de l'espèce (carpe), c'est-à-dire qu'il n'est associé qu'à un degré d'abstraction (spécificité) zoonyme, sur la base duquel la phraséologie est formée. Bien entendu, lors de l'analyse des écarts, il ne faut pas négliger le facteur, puisque le choix de l'image d'un animal dans la phraséologie dépend de la position géographique du pays et de ses traditions [6, c. 56]. En particulier, la présence en français d'un nombre important de phraséologies avec le nom merle est probablement due à la plus grande importance du Merle dans la culture française. Cet oiseau se trouve également en Russie; de plus, le zoonyme correspondant se trouve également dans la phraséologie russe: donner un Merle (mauvais chanter ou mal jouer d'un instrument de musique), donner des merles (battre quelqu'un, sévir contre quelqu'un), assez de merles (fortement refroidir, geler), etc. Cependant, il est impossible de ne pas mentionner le fait que pour la culture française est extrêmement importante pour des phénomènes tels que le vin et les vignes et les merles sont pour les vignes les plus dangereuses ravageurs [4, c. 78–82].

Il existe un certain nombre de russes et français phraséologie, qui sont identiques à la fois en termes de valeurs, que sur le plan lexical de la composition et de la structure syntaxique: têtu comme un âne / une bourrique – têtu comme un âne, fort comme un bœuf – forte / santé de boeuf, la brebis du bon Dieu, l'agneau de dieu, doux comme un agneau, doux comme un agneau, coq d'Inde – comme les indiens coq, muet comme un poisson – muet comme un poisson, souple comme une couleuvre – glissante que vraiment, fier / orgueilleux comme un paon – important comme un paon, rusé comme un renard – rusé comme un renard, larmes de crocodile – dans certains cas, avec des similitudes externes, il existe de petites différences structurelles [5, c. 67–84]. Par exemple, la phraséologie française gros porc correspond au russe-cochon sale. La différence entre les deux réside dans le fait qu'un signe extérieur (sale) est marqué en russe et un autre en français (grande taille, volume), etc. En d'autres termes, en français, il y a une indication indirecte de la qualité, c'est-à-dire qu'il est supposé que l'amour de la saleté en tant que qualité inhérente au cochon augmente avec sa taille. Dans une paire de phraséologie: chien galeux-en colère comme un chien, la qualité inhérente à une personne, en français n'est pas non plus exprimée extérieurement, et c'est sa différence avec le russe [9, c. 96].

On a également trouvé un certain nombre de phraséologismes qui, malgré des différences assez importantes dans la composition lexicale, expriment le même sens ou un sens proche. Considérons des exemples dans lesquels les différences concernent les zoonymes: méchant comme un âne rouge – méchant comme un chien, ne pas planter trois pattes à un canard – poulet ne fait pas de

mal, merle blanc – corbeau blanc [10, p. 123–134]. Donc, dans la première paire (méchant comme un chien rouge – méchant comme un chien), il s'agit d'animaux éloignés les uns des autres; de plus, en russe, il existe une phraséologie similaire, qui, au lieu d'un zoonyme, peut signifier une force impure (méchante comme un diable). Dans les deuxième et troisième paires de phraséologie (ne pas planter trois pattes à un canard – poulet ne fait pas de mal, merle blanc – corbeau blanc), les noms d'animaux du même genre et du même type (domestiques et sauvages) sont présentés, mais d'espèces différentes [10, p. 135]. Dans l'image du monde, représentée par des phraséologies russes avec des composants-zoonymes, les qualités internes suivantes d'une personne sont révélées:

1) la propension à la Ruse, la fraude, les mauvaises actions, l'hypocrisie:

bonne oie, oie décente, oie patte, chien smerdy, loup dans peau de mouton, serpent sous-marin, serpent tentateur, queue de renard, vieux renard, vieux renard, Gad rampant, larmes de crocodiles, Colorado coléoptère;

2) l'expérience de la vie, les connaissances ou leur absence: la sagesse du serpent, le chien mangé, vieux loup, loup gravé, oiseau de tir, tireur moineau, poussin à tête jaune, poussin non abattu;

3) innocence, innocuité: agneau de Dieu, agneau innocent, pas de poulet offensé, les mouches ne blessent pas/ ne font pas mal, les moustiques ne blessent pas/ne font pas mal;

4) forces et faiblesses physiologiques: poulet aveugle, chien renifler, tétras sourd, l'ours sur l'oreille est venu, l'éléphant sur l'oreille est venu;

5) force et santé ou leur absence: fort/ sain comme un Taureau comme le bœuf, comme un chien, roulé sivka montagnes russes raides;

6) futilité: comme (quoi) de la chèvre, pas de laine, pas de lait, à la retraite chèvre;,

7) qualités intellectuelles (évaluation négative uniquement): poulet cervelle, cervelle de poulet, stupide comme un Merin;

8) la pauvreté: pauvre comme une souris / rat de l'église, nu comme un faucon, dans

pou de poche sur arcane;

9) impolitesse: le bétail est bourré, l'âme du chien [10, p. 134–167].

En ce qui concerne la phraséologie de la tante paresseuse et de la tante endormie, dans ce cas, il est peu probable de noter l'évidence de la qualité interne. En effet, les qualités indiquées par les adjectifs somnolent et paresseux sont liées les unes aux autres, mais ne sont pas identiques, ce qui permet de parler de variations sémantiques. Premièrement, les deux phraséologies contiennent le même zoonyme – teterya, Deuxièmement, elles sont construites sur le même modèle, ce qui exclut probablement la possibilité de leur éducation indépendante les unes des autres [9, c. 85]. Il y a aussi des phraséologismes russes désignant des qualités internes d'une personne comme la bavarderie (vache botalo), le manque de caractère (poulet humide), l'arrogance, l'importance (comme un coq indien), l'ingratitude (cochon sous le chêne), l'impureté (sale comme un cochon), une forte

différence par rapport aux autres (corbeau blanc), la persévérance, l'excentricité (fouetté, hérisson), la lâcheté (âme de lièvre), n'ont même pas de correspondances exemplaires en français [10, p. 145–167].

L'image du monde représentée par les phraséologies françaises est à bien des égards similaire à celle du russe, cependant, elle présente quelques différences. Tout comme dans l'image russe du monde, la phraséologie française ne représente que les capacités intellectuelles avec une évaluation négative: âne bâté (très stupide), être lourd comme un boeuf (être dur), bête comme une oie (très stupide), il n'est pas un aigle (être une personne ordinaire), brute épaisse (une personne très stupide), cervelle d'oiseau (une personne avec de mauvais cerveaux) [10, p. 156–178]. Une caractéristique distinctive de l'image française du monde est une attention particulière à une capacité psychologique telle que la mémoire, qui est associée aux trois zoonymes lapin, lièvre et éléphant: avoir une mémoire de lapin (avoir une mémoire courte), avoir la mémoire d'éléphant (avoir une mémoire étonnante; être rancunier), avoir une mémoire de lièvre (avoir une mémoire courte et vierge) [5, c. 168–187]. Un rôle important y est joué par des qualités négatives telles que la grossièreté, la colère, l'agressivité. Ceci est démontré par la série suivante de phraséologismes: méchant comme un diable rouge (très méchant), chien galeux (très méchant), quel animal! (homme très grossier)», cœur de vipère, langue de vipère [8, p. 178–189]. Il présente également les qualités personnelles d'une personne comme l'innocence, la simplicité, la naïveté, l'innocuité, la crédulité: brebis du bon Dieu (homme doux), candeur d'agneau (homme très simple d'esprit), doux comme un agneau (homme doux), oie blanche (homme naïf), bonne bête (homme stupide mais bon), ne pas casser trois pattes à un canard (être une personne inoffensive), crédule comme un mouton (une personne trop confiante), gobe-mouches (une personne-abruti), gober/attraper les mouches (être très crédule), ne pas faire de mal à une mouche (être inoffensif) [10, p. 123–165].

La spécificité des phraséologismes français réside dans le fait qu'ils représentent non seulement l'innocence comme une qualité positive, ce qui est typique de l'image russe du monde, mais soulignent également les aspects négatifs de ces qualités qui peuvent créer des problèmes dans la vie d'une personne. D'après les exemples donnés, il est clair que dans la phraséologie française, la composition des zoonymes, avec lesquels les qualités humaines correspondantes sont associées, est plus diversifiée que dans la langue russe. Un sous-groupe particulier est la phraséologie française avec un composant-zoonyme, sémantiquement lié aux relations amoureuses: il aimait une chèvre coiffée (il est prêt à prendre soin de chaque femme), amoureux comme un coq (homme aimant), chaud / fameux / sacré lapin (Lovelace), chaud comme une caille (homme ardent, passionné), chasseur de tourterelles (paperasse, chercheur aventures amoureuses) [8, c. 156–187]. Ce domaine est réalisé à l'aide d'images exprimées par divers zoonymes. Dans ce cas, le zoonyme peut être associé à un sujet de qualité appropriée (coq, lapin, caille) ou désigner un objet d'intérêt d'une telle personne

(chèvre, tourterelles). Une telle multiplicité d'expression témoigne clairement de l'importance de ce sujet pour l'image française du monde, qui est peu représentée dans le monde russe.

La phraséologie française présente également les caractéristiques internes, les qualités humaines suivantes:

1) suspicion, incapacité à faire confiance à une personne: un drone de moineau, un drone de zébré, un drone d'oiseau, vilain oiseau (une personne suspecte) [6, c. 78–89];

2) distinction, exclusivité: merle blanc, rare comme le merle blanc, oiseau rare (inhabituel, radicalement différent des autres) [6, c. 79–92];

3) avarice, avarice, avarice: ne pas attacher ses chiens avec des saucisses, ce qu'il est rat!, écorcher un pou pour avoir sa peau, être chien avec qn (être un homme avide) [6, c. 93–112];

4) souillure, saleté (salute): gros porc, sale bête, sale brute, sale comme un pou, gros porc, sale bête, sale brute, sale comme un pou. gros porc, sale bête, sale brute, sale comme un pou (sale, impur) [6, c. 74–93];

5) entêtement: tête comme une âme / une bourrique / une mule, quelle tête de cochon! (homme très têtu) [6, c. 123–145];

6) Russe: rusé comme un renard, adroit / malin comme un singe, fine mouche (un homme très rusé);

7) importance, pompeux, fanfaronnade: coq d'Inde, fier comme un pou, fier /orgueilleux comme un paon [6, c. 116–130];

8) nécessité: avoir un caractère de chien (avoir un caractère), vieux hibou (un homme très fermé et insociable) [6, c. 86–113].

En général, à la suite d'une analyse comparative des phraséologies russes et françaises avec des composants - zoonymes, désignant les qualités internes d'une personne, il est possible d'établir à la fois leurs caractéristiques générales et distinctives. Ainsi, les images phraséologiques russes et françaises du monde sont communes à une large représentation de qualités internes telles que la Ruse, l'innocence, la naïveté, l'innocuité, la force, la santé, les capacités intellectuelles, la grossièreté. Dans l'image russe du monde, des qualités telles que l'expérience de la vie, la force du corps, l'inutilité de l'homme, la pauvreté sont particulièrement notées, dans l'image française du monde – relations amoureuses, suspicion, exclusivité, cupidité, obstination, bouffonnerie, désinvolture.

Литература

1. Байрамова Л. К., Москалева Д. Р. Литературные источники русской и французской фразеологии / Л. К. Байрамова, Д. Р. Москалева // Филологические науки. Лингвистика. – Москва, 2012. – №4 (30). – С. 124–138.

2. Бурвинова Н. Д, Брагина А. А. Мир животных в мире слов / Н. Д. Бурвинова, А. А. Брагина // Филологические науки. – Москва, 1996. – №3. – С.134–148.

3. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов / В. П. Жуков. – Москва, 1978. – 235 с.

4. Козлова Т. В. Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных / Т. В. Козлова. – Москва, 2001. – 403 с.

5. Кумлева Т. М. Самая современная фразеология французского языка / Т. М. Кумлева. – Москва, 2011. –178 с.

6. Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка / А. Г. Назарян. – Москва, 1987. – 256 с.

7. Райхштейн А. Д. О межъязыковом сопоставлении фразеологических единиц / А. Д. Райхштейн // Иностранные языки в школе. – Москва, 1979.– №4. – С.16–28.

8. Фразеологический словарь современного французского языка / под ред. Копалова А. П. – Москва, 2015. – 458 с.

9. Чернышева И. И. Фразеология современного французского языка / И. И. Чернышева. – Москва, 2009. – 256 с.

10. Bélyakov V. I. Dictionnaire russe-français des expressions phraséologiques / V. I. Bélyakov. – Toulouse : Presses universitaires du Mirail, 2013. – 301 p.

Недбайлик Сабина Рудольфовна,
ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»;
Пашкова Яна Дмитриевна,
ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»;
Егоров Руслан Алексеевич,
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»

О ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С ЗООНИМИЧЕСКИМИ КОМПОНЕНТАМИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ СОВРЕМЕННЫХ ЯЗЫКАХ

УДК 37.09

ИНТЕГРИРОВАННЫЕ ЗАНЯТИЯ В ВУЗЕ

Черкасова Мария Геннадиевна,
старший преподаватель кафедры русского,
иностранного языков и культуры речи,
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»
Минюста России

Аннотация. В статье рассматривается организация интегрированных занятий в высшей школе как эффективный инструмент формирования междисциплинарных компетенций студентов. Обозначена актуальность интеграции дисциплин в условиях цифровизации образования и роста требований к профессиональной гибкости выпускников. Проанализированы отечественные и зарубежные исследования, выявлены ключевые барьеры внедрения интегрированных форм обучения. На основе эмпирического анализа практики вузов определены педагогические и методические условия успешной реализации интеграции: совместное планирование преподавателей, проектирование междисциплинарных модулей, использование активных методов и комплексное оценивание результатов. Сформулированы рекомендации по совершенствованию методической и организационной поддержки интегрированных занятий.

Ключевые слова: *интегрированные занятия, междисциплинарное обучение, высшее образование, компетенции студентов, активные методы обучения.*

Abstract. The article examines the organization of integrated classes in higher education as an effective tool for developing students' interdisciplinary competencies. The relevance of integrating disciplines in the context of digitalization and growing demands for graduates' professional flexibility is highlighted. Both Russian and international studies are analyzed, revealing major barriers to implementation. Based on empirical data from universities, pedagogical and methodological conditions for successful integration are defined, including joint curriculum planning, development of interdisciplinary modules, use of active learning methods, and comprehensive assessment. Recommendations are provided for improving methodological and institutional support for integrated learning.

Keywords: *integrated classes, interdisciplinary learning, higher education, student competencies, active learning methods.*

Современное высшее образование функционирует в условиях ускоряющегося научно-технического прогресса (далее НТП), а это значит,

что выпускникам необходимы не только профессиональное мастерство, но и способность обучаться на протяжении всей жизни.

Актуальность – необходимость поиска новых педагогических форм для объединения знаний и методов различных дисциплин. Цель – определить педагогические и методические условия эффективной организации интегрированных занятий в вузе, выявить трудности их внедрения и наметить пути совершенствования данной формы обучения.

Исследования интегрированного обучения охватывают широкий спектр направлений:

1. интегрированные занятия как средство активизации познавательной деятельности студентов (Н. В. Дьяченко (2016));
2. особенности интегрированного обучения содержанию и языку в российских вузах (И. В. Батунова, Е. И. Лобынева и А. Ю. Николаева (2022));
3. роль междисциплинарного подхода в повышении качества образовательного процесса и развитии коммуникации между участниками обучения (Власова и Худякова (2025));
4. междисциплинарное проектирование как средство реализации интегрированных программ (Халяпина, Попова и Кузнецова (2020));
5. отмечают положительное влияние интеграции гуманитарных и технических дисциплин на мотивацию и успеваемость студентов (Жиронкина и Рольгайзер (2022)).

Необходимость перехода от традиционной предметной модели обучения к интегративным образовательным форматам, ориентированным на развитие метапредметных навыков обусловлена следующим:

1. изменение структуры занятости;
2. расширение дистанционных и гибридных форм работы;
3. усиление конкуренции на международном уровне;
4. возможность видеть проблему в целом, а не только в рамках своей узкой профессиональной специализации.

Одним из наиболее перспективных направлений обновления содержания и методов обучения становится внедрение интегрированных занятий – курсов, модулей и образовательных траекторий, в которых преодолеваются жёсткие дисциплинарные границы. Здесь интеграция предполагает объединение знаний и методов из разных научных областей для решения комплексных задач, имеющих практическую направленность. В таких занятиях студенты работают с реальными проблемами, требующими анализа с разных точек зрения, поиска и сопоставления информации, выработки решений, учитывающих социальные, экономические, технические и этические аспекты. В результате студенты не только глубже осваивают содержание отдельных предметов, но и начинают воспринимать знания как единую систему, что повышает их мотивацию и способствует развитию познавательной самостоятельности. Более того,

подобные формы обучения усиливают связь теории с практикой, поскольку позволяют моделировать реальные профессиональные ситуации, требующие комплексного анализа и принятия решений в условиях неопределённости.

В практике отечественных вузов по-прежнему преобладают традиционные формы организации учебного процесса – лекции, семинары и лабораторные работы, реализуемые в рамках изолированных дисциплин. Такая модель сложилась исторически и во многом отражает классическую академическую систему, основанную на предметной дифференциации науки. Она способствует глубокому освоению конкретных областей знаний, но при этом затрудняет формирование междисциплинарных связей и компетенций, необходимых для решения комплексных проблем. Студенты часто воспринимают учебные курсы как набор несвязанных элементов, не видят связи между теоретическими знаниями и их практическим применением. Это снижает уровень вовлечённости и мотивации к обучению, а также ограничивает развитие таких навыков, как критическое мышление, коммуникация, командная работа и креативность.

Современные тенденции в педагогике показывают, что для формирования компетенций XXI века необходимо переходить к новым образовательным моделям, ориентированным на активное участие студентов в процессе обучения. К числу таких моделей относятся проектное, проблемно-ориентированное и исследовательское обучение, которые органично сочетаются с интегрированным подходом.

Интегрированные формы обучения могут рассматриваться как одно из ключевых направлений модернизации высшего образования. Они обеспечивают формирование у студентов современных компетенций, востребованных на рынке труда, и создают условия для перехода вузов к компетентностно-ориентированной модели, где главным результатом становится не количество усвоенной информации, а способность выпускника применять знания в новых ситуациях. Однако успешное внедрение интегрированных форм обучения требует системного подхода: подготовки преподавателей, разработки методических основ, адаптации учебных планов и создания институциональной поддержки со стороны образовательной организации. Только при наличии этих условий интеграция дисциплин сможет реализовать свой потенциал как инструмент повышения качества и эффективности высшего образования в XXI веке.

Актуальная научно-практическая проблема заключается в поиске оптимальных путей организации интегрированных форм обучения в вузе: как сделать занятия действительно междисциплинарными, проблемно-ориентированными и направленными на формирование современных профессиональных и универсальных компетенций. Решение этой задачи требует изучения педагогических, организационных и методических условий успешного внедрения интеграции – от разработки совместных

учебных программ и координации преподавателей разных дисциплин до применения активных методов обучения, цифровых инструментов и проектных технологий. Только системный подход к проектированию интегрированных образовательных практик позволит обеспечить подготовку специалистов, способных эффективно действовать в условиях неопределённости и постоянных изменений.

Обзор исследований интеграции обучения в высшем образовании показывает, что данная тема привлекает внимание как зарубежных, так и российских исследователей. Так, в обзоре систематических исследований по междисциплинарному обучению высших учебных заведений отмечается, что к настоящему моменту накоплено лишь ограниченное теоретическое основание и эмпирические данные по условиям и механизмам формирования междисциплинарного мышления у студентов [4, с. 366]. Кроме того, исследования показывают, что интеграция обучения связана с улучшением показателей, таких как критическое мышление, мастерство освоения сложных концепций, работа в команде и коммуникационные навыки [3, с. 201]. В частности, работа, посвящённая интеграции гуманитарных и технических дисциплин в вузе, отмечает положительное влияние таких программ на успеваемость и удержание студентов [5, с. 78]. В исследовании испанских авторов "*The integrated curriculum, university teacher identity and teaching culture*" рассматривается влияние междисциплинарной деятельности на культуру преподавания, учебную среду и идентичность преподавателя [2, с. 118].

Результаты показали, что успешная организация интегрированных занятий требует соблюдения нескольких условий:

1. совместное планирование преподавателей;
2. разработка интегрированных учебных модулей;
3. использование активных методов обучения;
4. комплексное оценивание;
5. институциональная поддержка.

Подводя итоги, можно отметить, что интегрированные занятия являются мощным инструментом модернизации современного высшего образования. Они направлены на развитие у студентов ключевых компетенций XXI века – способности к междисциплинарному мышлению, работе в команде, решению комплексных задач, критическому анализу и самостоятельному обучению. Однако их внедрение требует системного подхода, включающего методическую подготовку преподавателей, совместное планирование и координацию учебного процесса, адаптацию расписания и содержания дисциплин, внедрение гибких инструментов оценивания и поддержку со стороны администрации.

Интегрированные занятия – это эффективный инструмент развития компетенций XXI века – системного мышления, коммуникации, командной работы и способности к самообучению. Они создают условия для

формирования целостной образовательной картины мира и повышают мотивацию студентов.

Для успешного внедрения интеграции требуется методическая подготовка преподавателей, гибкое планирование учебных программ, разработка критериев междисциплинарного оценивания и административная поддержка со стороны вуза.

Перспективы дальнейших исследований связаны с созданием типовых методических сценариев интегрированных курсов, разработкой инструментов оценки междисциплинарных компетенций и анализом долгосрочного влияния интегрированных форм обучения на профессиональное развитие выпускников.

Литература

1. Дьяченко Н. В. Интегрированное занятие как способ активизации познавательной деятельности в вузе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – № 2 (февраль). – 60 с.

2. Батунова И. В., Лобынева Е. И., Николаева А. Ю. Особенности интегрированного обучения содержанию и языку в российских вузах // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 2 (116).

3. Власова И. Н., Худякова М. А. Роль междисциплинарного подхода в повышении качества образовательного процесса в высших учебных заведениях // Управление образованием: теория и практика. – 2025. – Т. 15, № 2-2. – С. 286–295.

4. Халяпина Л. П., Попова Н. В., Кузнецова О. В. Междисциплинарное проектирование как средство реализации интегрированного предметно-языкового обучения в вузе // СПбГПУ / СПбПУ (Сборник). – … (год) – 100 с.

5. Жиронкина О. В., Рольгайзер А. А. Реализация междисциплинарного подхода при обучении иностранному языку в вузе // Профессиональное образование и рынок труда. – 2022. – № 3.

Cherkasova Mariya,
FSBEI HE “Donbass State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation”,
INTEGRATED CLASSES AT THE UNIVERSITY

СЕКЦИЯ 2. ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ. ПЕДАГОГИКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 321.01

ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОСНОВ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ.

Гергель Рита Михайловна,
старший преподаватель
кафедры философии и психологии,
Президентская Академия Донецкий филиал РАНХиГС

Аннотация. В статье осуществлен философский анализ исторического нарратива как ключевого инструмента конструирования и легитимации основ государственности. Доказывается, что нарратив не является пассивным отражением прошлого, но выступает активным политическим и социальным конструктом, формирующим коллективную идентичность, обосновывающим суверенитет и определяющим вектор развития государства. В рамках исследования выделены и проанализированы онтологический, инструментальный и аксиологический аспекты функционирования исторического нарратива. Сделан вывод о диалектической связи между научной истиной и политической целесообразностью в процессе нарративного строительства государственности.

Ключевые слова: *исторический нарратив, государственность, национальная идентичность, легитимность, философский анализ, коллективная память, конструктивизм, идеология.*

Abstract. The article provides a philosophical analysis of the historical narrative as a key tool for constructing and legitimizing the foundations of statehood. It argues that the narrative is not a passive reflection of the past, but rather an active political and social construct that shapes collective identity, justifies sovereignty, and determines the direction of state development. The study highlights and analyzes the ontological, instrumental, and axiological aspects of the historical narrative's functioning. The article concludes that there is a dialectical relationship between scientific truth and political expediency in the process of narrative construction of statehood.

Keywords: *historical narrative, statehood, national identity, legitimacy, philosophical analysis, collective memory, constructivism, and ideology.*

Проблема конструирования государственности является одной из центральных в социально-политической философии. В современных условиях, характеризующихся сложностью социальных систем и полицентричностью власти, особую актуальность приобретают нематериальные основы интеграции общества. Одним из наиболее эффективных инструментов такого консолидирующего воздействия выступает исторический нарратив – целостная, ценностно ориентированная версия прошлого, которая транслируется через институты образования, культуры и СМИ. Целью данного исследования является философский анализ функциональных и сущностных характеристик исторического нарратива как технологии конструирования и поддержания государственности.

Актуальность проблемы обусловлена рядом вызовов современности: ростом сепаратизма, кризисами национальной идентичности, «войнами памяти» и активным использованием истории в качестве инструмента гибридных конфликтов. Понимание механизмов, через которые исторические повествования влияют на политические процессы, является не только важной научной задачей, но и насущной практической необходимостью для прогнозирования социальной стабильности и разработки эффективной государственной политики в сфере образования, культуры и международных отношений.

Широкое употребление понятие «нарратология» начинает входить во второй половине XX века, этому способствовали новаторские работы Р. Барта, К. Бремона, А. Данто, Х. Уайта, Ж. Женнета и др. В свою очередь, именно благодаря такому пристальному теоретическому изучению понятие нарратива имеет достаточно многозначные трактовки. К примеру, А. Данто, которого считают первопроходцем в области привнесения нарратологического дискурса в сферу историографии, сводил нарративность к «нарративным предложениям» повествовательного характера прошедшего времени. Характеризуя нарратив, он говорит, что рассказ – это способ коммуникации, способ получения и передачи фактической информации. Нарратив же – это так называемый «объясняющий рассказ» [3].

Конструктивистский подход в социальных науках П. Бурдье, Э. Геллнера, Б. Андерсона доказывает, что нации и государства являются «воображаемыми сообществами», конструируемыми через общие системы символов, к числу которых принадлежит и история. Классическая работа Б. Андерсона [1] задала тон пониманию нации как продукту культурного производства.

Далее, философия истории и нарратология в работах Х. Уайта, П. Рикера [7], Ф. Анкерсмита сместили фокус с исторических фактов на формы их репрезентации. Х. Уайт [10] утверждал, что историческое

повествование подчиняется законам литературных жанров и риторических тропов, что делает его по своей природе идеологичным.

Исследования коллективной и исторической памяти в работах М. Хальбвакса, П. Нора, А. Ассмана показали, как общество активно формирует и трансформирует образы прошлого для решения задач настоящего. Концепция «мест памяти» П. Норы [6] демонстрирует процесс целенаправленного создания символических опор национальной идентичности.

Как отмечают исследователи, ключевым механизмом здесь является процесс, при котором современный политический порядок представляется не случайным явлением, а закономерным итогом многовекового исторического развития, борьбы и свершений. В связи с этим, история используется для санкционирования настоящего, наделяя его аурой неизбежности и правильности [5, с. 112].

Несмотря на значительный объем исследований, остаются нерешенными вопросы, требующие углубленного философского анализа.

С философской точки зрения, государство не может существовать лишь как совокупность институтов и правовых норм. Его устойчивость обеспечивается «метафизическим фундаментом» – разделяемым членами общества представлением о себе как о едином целом, протяженном во времени. Именно исторический нарратив обеспечивает эту темпоральную протяженность, создавая связь между «вчера», «сегодня» и «завтра».

Государственность обретает смысл не в статичном пункте, а в процессе, в «большом времени», которое конституируется повествованием. Таким образом, исторический нарратив является не просто описанием, а перформативным высказыванием: он не сообщает о существовании государства, но активно его учреждает и воспроизводит в коллективном сознании. Он отвечает на фундаментальные вопросы: «Кто мы?», «Откуда мы пришли?», «Куда мы идем?» и «Почему наше совместное существование правомерно?». Инструментализация прошлого позволяет мобилизовать население вокруг общих целей, особенно в периоды кризисов или социальных трансформаций [8, с. 78].

Философский анализ позволяет выделить несколько ключевых функций исторического нарратива в конструировании государственности: легитимирующая, идентификационная, мобилизационная, прогностическая и проективная.

Относительно легитимирующей функции нарратив обосновывает право власти на управление, апеллируя к историческому праву, божественному провидению, «естественному» ходу событий или революционному разрыву с «неправильным» прошлым. М. Л. Андреев отмечает, что прошлое, выступающее в качестве предмета эпоса и трагедии и подлежащее литературному изображению, можно разделить на три вида – мифологическое, сказочное и историческое [2]. Разделение между тем, что

действительно было, и тем, чего, скорее всего не было, относится еще к глубокой древности и является основой для первоначального, по большей части интуитивного жанрового деления. Данное разграничение подверглось теоретическому осмыслению в эпоху эллинизма, где утверждалось право на существование трехчастного деления поэтической материи – на миф, вымысел и историю. История провозглашалась правдой, миф характеризовался отсутствием правды и правдоподобия, в вымысле признавалось присутствие правдоподобие, но отсутствовала правда.

Что касается идентификационной функции, то через отбор и интерпретацию ключевых событий, а именно: побед, поражений, «золотых веков», трагедий, создается образ «Мы – группы». Этот образ всегда дихотомичен: он определяется через противопоставление «Другим» – внешним врагам или внутренним «чужакам». Нарратив устанавливает границы сообщества не в географическом, а в символическом пространстве.

Событие как ключевая категория исторического нарратива, не является самоочевидным и требует к себе внимательного отношения. Историческое событие нельзя считать законченным происшествием, ушедшим в прошлое и никак не связанным с настоящим, тем самым сводя его к событию физическому, но, в тоже время, этого нельзя и отрицать. С одной стороны, историческое событие является некоторой фактичностью, которое объективно имело свое место в мире, что подтверждается существованием источников, зафиксировавшими эту фактичность.

Как на это неоднократно обращали внимание сами историки от Геродота до А. Тойнби и Х. Уайта, история – как хранилище социальной памяти – по своей сути нарративна, повествовательна. И классический образ истории как повествования, рассказа о прошлом прошел много этапов развития от устного предания и летописи до современного изощренного анализа, реконструкции и интерпретации прошлого.

Пересмотр, переоценка представлений о прошлом необходимы – меняется ситуация, расклад политических сил, одни интересы сменяют другие. Проводятся исследования, переписываются учебники, пересматриваются образовательные программы. Переосмысляется и личный, семейный опыт. История – дело не только историков и политиков. В формировании исторического знания участвуют не только они, а практически все акторы самого исторического процесса, реализуемого как единство их воль. И само историческое знание, его осмысление и переосмысление – также часть проявления их воли. И задача осмысления этого системного контекста – дело именно философии истории, несводимой к эпистемологии истории или рассмотрению ценностного содержания культуры исключительно.

Исследования историков, за редкими исключениями исследований в рамках чисто демографической или экономической истории, не могут быть представлены в дискурсивной форме, характерной для естественных наук.

Итогом исторического исследования является построение исторического нарратива. Современный историк понимает, что историческое исследование не может быть оторвано от процесса повествования о нем в противовес распространенным, восходящим к К. Попперу представлениям о том, что, когда историк пишет книгу по истории, «он делает это как писатель, а не как историк» [6, с. 332]. Отделение собственно исторического нарратива от нарративов мифологических или вымышленных обнаруживается в эпоху развития письменных цивилизаций, оформляясь окончательно в работах древнегреческих историков. Аристотель в «Поэтике» резко противопоставил написание истории поэтическому подражанию действию. Отличием исторического нарратива от фикционального является характер референции. Фикциональный нарратив отражает систему языковых различий или структуру воображения автора, тогда как исторический нарратив предполагает репрезентацию исторической реальности.

В свою очередь мобилизационная функция представлена так: в кризисные периоды обращение к героическим или трагическим страницам прошлого служит мощным средством консолидации и мобилизации общества для достижения политических целей. Призыв «помнить прошлое» часто является императивом к действию в настоящем.

Задавая определенную логику развития (например, «тысячелетнего царства», «построения светлого будущего» или «возвращения к истокам»), нарратив проецирует себя в будущее, определяя цели и задачи государственной политики, и здесь уже проявляется прогностическая и проективная функция.

Основное противоречие в использовании исторического нарратива заключается в его двойственной природе. С одной стороны, он претендует на истинность и апеллирует к научности. С другой – его цель сугубо прагматична: укрепление государственности.

Любой нарратив основан на отборе одних событий и умолчании других. «Неудобные» факты такие как внутренние конфликты, преступления власти, часто маргинализируются или получают оправдательную интерпретацию. Трансформация исторического факта в миф, лишенный сложности и противоречий, является распространенным приемом. Миф обладает большей эмоциональной силой, но ведет к упрощенному, манихейскому восприятию истории.

В современных гетерогенных обществах существует конкуренция этнических, религиозных, региональных нарративов. Доминирование одного из них, навязываемого государством, может приводить к маргинализации меньшинств и обострению социальных конфликтов.

Таким образом, процесс нарративного конструирования государственности представляет собой постоянный поиск компромисса между научной достоверностью, политической целесообразностью и этической ответственностью.

Проведенный философский анализ позволяет утверждать, что исторический нарратив представляет собой не просто описание минувших событий, а мощный социально-политический конструкт, активно используемый для конструирования и поддержания основ государственности. Он выполняет ключевые функции по легитимации политического порядка, формированию национальной идентичности и мобилизации общества.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М. : Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2016. – 288 с.
2. Андреев М. Л. Поэтики прошлого // Феномен прошлого / отв. ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. – 67 с.
3. Данто А. Аналитическая философия истории / Пер. с англ. А. Л. Никифорова, О. В. Гавришиной. – М. : Идея-Пресс, 2002. – 290 с.
4. Миллер А. И. Историческая политика и становление государственности: философско-политический анализ / А. И. Миллер // Вопросы философии. – 2021. – № 5. – С. 110–122.
5. Нора П. и др. Франция-память / П. Нора. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – 328 с.
6. Поппер К. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук / К. Поппер. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 464 с.
7. Рикёр П. Память, история, забвение / П. Рикёр. – М. : Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.
8. Рязанов А. В. Национальная идентичность и коллективная память в цифровую эпоху: новые вызовы для государственности / А. В. Рязанов // Полис. Политические исследования. – 2023. – № 2. – С. 75–89.
9. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2-3 (40-41). – С. 8–27.
10. Уайт Х. Метаистория : Историческое воображение в Европе XIX века. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2002. – 528 с.

Gergel Rita,
PRESIDENTIAL ACADEMY Donetsk Branch of the RANEPA,

HISTORICAL NARRATIVE AS A TOOL FOR CONSTRUCTING THE FOUNDATIONS OF STATEHOOD: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS.

УДК 94(470+571)+342(075)+316.42:35(075)

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ» В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ СТРОИТЕЛЬНОГО ВУЗА

Назар Роман Николаевич,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии;
Тахтарова Мария Александровна,
старший преподаватель кафедры истории и философии
«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный университет»

Аннотация. В статье рассмотрено значение дисциплины «Основы российского государства» в профессиональной подготовке студентов строительных вузов. Проанализированы нормативно-правовые основания включения данной дисциплины в учебные планы, ее интеграция с профессиональными строительными дисциплинами и воспитательный потенциал. Особое внимание уделено формированию правовой культуры будущих инженеров-строителей и их гражданской позиции. Исследование основано на анализе федеральных государственных образовательных стандартов, учебных программ и профессиональных стандартов в строительной отрасли.

Ключевые слова: *основы российского государства, строительный вуз, правовая культура, профессиональная подготовка, гражданственность, образовательные стандарты.*

Abstract. The article examines the importance of the discipline "Fundamentals of the Russian State" in the professional training of students of construction universities. The regulatory and legal bases for the inclusion of this discipline in the curricula, its integration with professional construction disciplines and educational potential are analyzed. Special attention is paid to the formation of the legal culture of future civil engineers and their civic position. The study is based on an analysis of federal state educational standards, curricula, and professional standards in the construction industry.

Keywords: *fundamentals of the Russian state, university of civil engineering, legal culture, professional training, citizenship, educational standards.*

Современная система высшего образования в России ориентирована на подготовку специалистов, обладающих не только профессиональными компетенциями, но и сформированной гражданской позицией. Особое значение эта задача приобретает в строительном образовании, где выпускники непосредственно участвуют в создании материальной основы общества. Дисциплина «Основы российского государства» (ОРГ) занимает важное место в формировании мировоззрения будущих инженеров-строителей.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью интеграции гражданско-правового образования в профессиональную подготовку специалистов строительной отрасли.

Современный инженер-строитель должен не только владеть техническими знаниями, но и понимать правовые основы своей деятельности, осознавать социальную ответственность за результаты труда.

Цель исследования – определить роль и значение дисциплины ОРГ в учебном процессе строительного вуза. Для достижения цели решаются следующие задачи:

1. Проанализировать нормативно-правовые основания изучения ОРГ.
2. Выявить междисциплинарные связи с профессиональными дисциплинами.
3. Определить воспитательный потенциал курса.
4. Разработать практико-ориентированные подходы к преподаванию.

Материал и методы исследования включают анализ ФГОС ВО, учебных программ строительных направлений подготовки, профессиональных стандартов. Использованы методы системного анализа, сравнительного правоведения и педагогического проектирования.

Наряду с задачей подготовки высококвалифицированных кадров, способных к инновационной деятельности, перед вузами стоит не менее важная миссия – воспитание гражданина и патриота, разделяющего традиционные российские духовно-нравственные ценности, понимающего свои права и обязанности, осознающего свою сопричастность к судьбе Отечества [10].

Фундаментом для решения этой задачи являются основы конституционного строя Российской Федерации, закрепленные в первой главе Конституции РФ, такие, как народовластие, федерализм, правовое государство, социальная государственность, светскость государства, идеологическое многообразие и др. Они не являются лишь абстрактными правовыми нормами, а представляют собой ценностный каркас, на котором должно выстраиваться все образовательное пространство, включая высшую школу.

Конституция Российской Федерации (ст. 13, 14, 44 и др.) устанавливает, что носителем суверенитета и единственным источником власти в России является ее многонациональный народ. Она же закрепляет

идеологическое и политическое многообразие, но при этом указывает, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной [3]. Это создает тонкий баланс: вуз должен воспитывать лояльных граждан, не навязывая им единой идеологической доктрины, а формируя уважение к закону и общим для всех россиян ценностям.

Изучением культуры, истории, цивилизации России, её конституционного и политического строя в различные эпохи занимались Н. Я. Данилевский [2], Ю. С. Пивоваров [4], А. С. Панарин [5], Р. С. Хакимов, С. М. Шахрай, А. В. Полосин [6], Д. К. Петелин, В. Э. Багдасарян, А. Г. Дугин, Н. А. Нарочницкая, М. Ю. Мягков и др.

Включение дисциплины ОРГ в учебные планы строительных вузов имеет прочное нормативное обоснование. Согласно Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации», воспитание гражданственности и патриотизма является одной из ключевых задач высшего образования. Это положение особенно значимо для строительной отрасли, имеющей стратегическое значение для развития страны.

Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в ст. 3 определяет принципы государственной политики в области образования, среди которых – воспитание взаимоуважения, гражданственности, патриотизма, ответственности, правовой культуры. Статья 48 обязывает педагогических работников уважать честь и достоинство обучающихся, воспитывать в них патриотизм и гражданственность [9]. ФЗ «Об образовании» закладывает основу для воспитательной функции вуза, которая неотделима от учебного процесса.

Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО) нового поколения (3++) прямо включают в перечень универсальных компетенций (УК) те, что напрямую коррелируют с конституционными принципами [8]. Например:

УК-1: «Способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач». Эта компетенция формирует основу для критического осмысления социально-политических процессов, что является элементом правового и демократического сознания.

УК-2: «Способен определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения, исходя из действующих правовых норм, имеющихся ресурсов и ограничений». Прямая отсылка к правовой культуре.

УК-4: «Способен осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде». Формирует навыки, необходимые для жизни в гражданском обществе.

УК-5: «Способен воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском

контекстах». Напрямую связана с принципами федерализма и многонационального народа России.

Профессиональные стандарты в строительной отрасли также предполагают необходимость знания нормативно-правовой базы [7]. Современный специалист должен ориентироваться в градостроительном, земельном и экологическом законодательстве, что составляет важную часть содержания дисциплины ОРГ.

Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [10]. Этот документ стал системообразующим, определив перечень ценностей (жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, крепкая семья, коллективизм и др.) и задав образовательным организациям вектор на их активную защиту и продвижение.

Таким образом, вуз, а особенно строительного направления, не просто может, но обязан встраивать ценности российского государства в образовательную деятельность, что является его легитимной и законодательно закрепленной функцией.

Интеграция содержания дисциплины ОРГ с профессиональными строительными дисциплинами является ключевым условием ее эффективного изучения. Наиболее тесные связи прослеживаются со следующими дисциплинами:

1. Градостроительное право и территориальное планирование. Знание конституционных основ федерализма и местного самоуправления позволяет студентам лучше понимать систему распределения полномочий в области градостроительной деятельности.

2. Организация строительного производства. Правовые аспекты договорных отношений, трудового законодательства, требований технического регулирования непосредственно связаны с содержанием дисциплины ОРГ.

3. Безопасность в строительстве. Изучение конституционных прав граждан на благоприятную окружающую среду и безопасные условия труда формирует у студентов ответственное отношение к вопросам промышленной и экологической безопасности [1; 3; 7].

Дисциплина ОРГ обладает значительным воспитательным потенциалом, который реализуется через несколько аспектов:

1. Формирование гражданской идентичности. Изучение основ конституционного строя России способствует формированию у студентов чувства гражданской ответственности. Для будущих строителей это особенно важно, поскольку их профессиональная деятельность непосредственно влияет на развитие городов и регионов.

2. Профессиональная этика. Понимание правовых основ профессиональной деятельности формирует этические ориентиры будущих

специалистов. Знание антикоррупционного законодательства и норм профессиональной этики является неотъемлемой частью подготовки современного инженера-строителя.

3. Патриотическое воспитание. Изучение роли строительной отрасли в развитии страны, знакомство с крупнейшими строительными проектами национального значения способствует формированию патриотических чувств. Как показывает практика, это повышает мотивацию студентов к профессиональной деятельности [2; 3; 10].

Эффективность изучения дисциплины ОРГ в строительном вузе значительно повышается при использовании практико-ориентированных подходов:

1. Кейс-метод. Анализ реальных ситуаций из строительной практики позволяет студентам применять теоретические знания для решения профессиональных задач.

2. Проектная деятельность. Разработка студенческих проектов, включающих историко-культурное и правовое обоснование строительной деятельности, формирует комплексное понимание профессиональных задач, позволяет интегрировать знания из разных дисциплин.

3. Встречи с практиками. Приглашение для лекций и мастер-классов представителей строительных компаний, органов государственной власти и местного самоуправления способствует пониманию практического значения изучаемого материала.

4. Использование цифровых технологий. Применение специализированных правовых систем и цифровых образовательных ресурсов соответствует современным тенденциям цифровизации строительной отрасли.

Для оценки эффективности изучения дисциплины ОРГ в строительном вузе могут использоваться различные критерии:

1. Академическая успеваемость. Результаты промежуточной и итоговой аттестации показывают уровень усвоения теоретического материала. Этот критерий не всегда отражает практическое применение знаний.

2. Профессиональные компетенции. Способность студентов применять культурно-исторические и этико-правовые знания в профессиональном контексте может оцениваться через анализ курсовых и дипломных проектов.

3. Воспитательные результаты. Формирование гражданской позиции и профессиональной этики может оцениваться через участие студентов в общественной жизни вуза, волонтерских проектах, профессиональных конкурсах.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о значительной роли дисциплины «Основы российского государства» в учебном процессе строительного вуза. Эта дисциплина не только формирует гражданскую,

этико-правовую и культурно-историческую позиции будущих инженеров-строителей, но и способствует пониманию социальной значимости профессиональной деятельности.

Интеграция содержания дисциплины ОРГ с профессиональными строительными дисциплинами, использование практико-ориентированных подходов к преподаванию, учет особенностей строительной отрасли – все это способствует повышению эффективности учебного процесса.

Перспективы дальнейшего развития дисциплины связаны с усилением ее практической направленности, использованием цифровых образовательных технологий, более тесной интеграцией с профессиональными стандартами и потребностями строительной отрасли.

Знание основ российского государства становится неотъемлемой частью профессиональной компетентности современного инженера-строителя, способного не только качественно выполнять профессиональные задачи, но и осознавать их социальные последствия, правовые рамки и общественное значение.

Литература

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ (редакция от 24.03.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1 (часть I). – Ст. 16.

2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. – М. : Институт рус ской цивилизации, 2008. – 816 с.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – М.: Проспект, 2024. – 64 с.

4. Пивоваров, Ю. С. Русская политика в ее историческом и культурном отношениях / Ю. С. Пивоваров. – Москва : РОССПЭН, 2006. – 166, [1] с. : 17 см – (Россия. В поисках себя…).; ISBN 5-8243-0726-1 (В пер.).

5. Панарин, А. С. Православная цивилизация / Сост., предисл. В. Н. Расторгуев / Отв. ред. О. А. Платонов. – М. : Институт русской цивилизации, 2014. – 1248 с.

6. Полосин А.В., Петелин Д.В. и коллектив авторов. Материалы проекта «ДНК России». – [Электронный ресурс]. – URL: https://znanierussia.ru/cinema/collections/dnk-rossii?ysclid=mh9mq4hct2773979304 (дата обращения: 20.10.2025).

7. Профессиональный стандарт «Специалист по организации строительства» (утвержден приказом Минтруда России от 21 апреля 2022 г. N 231н). – [Электронный ресурс]. – URL: https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-professionalnykh-standartov/index.php?ELEMENT_ID=114761 (дата обращения: 20.10.2025).

8. Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС ВО 3++). – [Электронный ресурс]. – URL: https://fgosvo.ru/fgosvo/index/24?ysclid=mh9l0dmuue564419230 (дата обращения: 20.10.2025).

9. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (редакция от 24.03.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.

10. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S (дата обращения: 20.10.2025).

Nazar Roman,
Takhtarova Maria,
“Donbass National Academy of Civil Engineering and Architecture” – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”,

THE ROLE AND IMPORTANCE OF THE DISCIPLINE “FUNDAMENTALS OF RUSSIAN STATEHOOD” IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF THE UNIVERSITY OF CIVIL ENGINEERING

УДК 378.1

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА

Свиренко Жанна Сергеевна,
кандидат педагогических наук,
заведующий кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации
«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»

Аннотация. Данная статья рассматривает комплекс педагогических закономерностей, определяющих процесс формирования и развития личности в период обучения в вузе. В ней анализируются ключевые элементы этого процесса, включая социальную среду, деятельность, общение и внутреннюю активность самой личности. Особое внимание уделяется специфике студенческого возраста как центрального периода профессионального и личностного самоопределения.

Ключевые слова: *педагогические закономерности, развитие личности, студенческий возраст, профессиональное становление, учебная деятельность, педагогическое взаимодействие, саморазвитие, высшее образование.*

Abstract. This article examines a complex of pedagogical patterns that determine the process of personality formation and development during university studies. It analyzes the key elements of this process, including the social environment, activities, communication, and the internal activity of the individual. Special attention is paid to the specifics of the student age as a central period of professional and personal self-determination.

Keywords: *pedagogical patterns, personality development, student age, professional development, educational activities, pedagogical interaction, self-development, higher education.*

Студенческий возраст (примерно 17–25 лет) представляет собой один из наиболее значимых и сложных этапов в жизни человека. Это период интенсивного интеллектуального, социального и личностного развития, когда закладывается фундамент будущей профессиональной карьеры и

формируется зрелая жизненная позиция. Процесс формирования личности студента не является стихийным; он подчиняется ряду объективных, устойчивых и повторяющихся связей, которые в педагогике определяются как педагогические закономерности [1].

Выявление и учет этих закономерностей является основой для построения эффективной образовательной системы в вузе. Их игнорирование приводит к формализации обучения, снижению мотивации студентов и, в конечном счете, к выпуску специалистов, не готовых к реалиям современного мира. Таким образом, цель данной статьи – систематизировать и раскрыть основные педагогические закономерности формирования и развития личности студента, показав их взаимосвязь и практическую значимость.

Прежде чем говорить о закономерностях, необходимо понять специфику объекта воздействия. Студенчество – это не просто совокупность людей, обучающихся в вузах, а самостоятельная социально-демографическая группа с присущими ей условиями жизни, труда и быта, социальным поведением и психологией.

Основные характеристики студенческого возраста:

– интеллектуальная зрелость: достигается пик развития таких психических функций, как память, внимание, мышление (теоретическое, абстрактное, критическое). Студент способен к сложным формам анализа, синтеза и рефлексии [3].

– профессиональное самоопределение: ведущим видом деятельности становится учебно-профессиональная, направленная на приобретение конкретной специальности. Происходит активное становление профессионального самосознания [1].

– социальная активность: это время активного поиска себя, формирования мировоззрения, системы ценностей и социальных установок. Студенты активно включаются в общественную жизнь, строят новые межличностные отношения [5].

– личностное становление: происходит стабилизация характера, развитие самоконтроля, осознание своей индивидуальности и уникальности. Центральным новообразованием этого возраста становится самоидентичность.

Именно эти особенности делают процесс педагогического воздействия на студенческую личность высокоэффективным, но и чрезвычайно деликатным.

Педагогические закономерности формирования личности студента представляют собой целостную систему. Условно их можно разделить на несколько групп: общие, социально-детерминирующие, деятельностные и внутренние (психологические).

1. Общие педагогические закономерности.

Эти закономерности носят наиболее универсальный характер и проявляются в любом педагогическом процессе в виде:

а) закономерности единства обучения, воспитания и развития.

Обучение не может быть сведено лишь к передаче знаний. Эффективный образовательный процесс всегда одновременно воспитывает (формирует ценности, нормы) и развивает (интеллект, способности, личностные качества). Нельзя научить инженера расчетам, не воспитав в нем ответственности за точность, и не развив его логическое мышление.

б) закономерности социальной обусловленности целей, содержания и методов образования.

Запросы общества, состояние экономики, технологический уклад напрямую влияют на то, чему и как учат в вузе. Сегодня это проявляется в спросе на "мягкие навыки", цифровую грамотность и способность к непрерывному обучению.

2. Социально-детерминирующие закономерности.

Эта группа закономерностей подчеркивает социальную природу развития личности:

а) развитие личности студента зависит от социальной среды вуза.

Вуз – это не только аудитории и лекции. Это сложный социальный организм, включающий:

– академическую среду: качество преподавания, научные школы, традиции.

– студенческое сообщество: группы, кружки, объединения по интересам, неформальные отношения.

– внеучебную деятельность: культурные, спортивные, волонтерские мероприятия.

Личность студента формируется под мощным влиянием этой многогранной среды. Нормы академической чести, дух соревновательности или, наоборот, взаимопомощи в группе, авторитет преподавателя – все это становится мощным воспитательным фактором.

б) развитие личности происходит в деятельности и через общение.

Это одна из центральных закономерностей. Студент не пассивный получатель знаний, а активный субъект учебной деятельности. Именно через решение профессиональных задач, проведение лабораторных работ, участие в проектах и дискуссиях формируются его компетенции. Общение с преподавателями (в роли наставников), сокурсниками (в роли коллег и друзей) и старшими коллегами (на практике) является каналом передачи не только знаний, но и опыта, ценностей, моделей поведения [1, 3].

3. Деятельностные закономерности.

Эти закономерности конкретизируют, как именно деятельность влияет на развитие:

а) эффективность развития пропорциональна активности самой личности в учебно-профессиональной деятельности.

Чем выше личная заинтересованность, внутренняя мотивация и сознательное участие студента в процессе познания, тем значительнее результат. Задача педагога – не передать информацию, а создать условия, пробуждающие эту познавательную и профессиональную активность (проблемные лекции, исследовательские проекты, деловые игры) [4].

б) развитие личности происходит в единстве с формированием профессионального самосознания.

По мере освоения профессии у студента складывается образ "Я-профессионал". Он начинает оценивать свои способности в контексте будущей работы, соотносить личные качества с профессиональными требованиями. Этот процесс является мощным стимулом для саморазвития и коррекции собственных недостатков [2].

4. Внутренние (психологические) закономерности.

Эта группа касается внутренних механизмов развития:

а) развитие личности есть результат разрешения внутренних противоречий.

Для студента характерны такие противоречия, как:

– Противоречие между возросшими физическими и интеллектуальными возможностями и ограниченными рамками академической системы.

– Противоречие между стремлением к самостоятельности и необходимостью следовать учебным планам и правилам.

– Противоречие между сформировавшимся уровнем притязаний и реальными академическими результатами.

Педагогически грамотное сопровождение процесса разрешения этих противоречий (через индивидуальный подход, педагогическую поддержку, создание ситуаций успеха) ведет к личностному росту.

б) закономерность саморазвития.

Наиболее значимые изменения происходят тогда, когда внешние педагогические воздействия встречают внутренний отклик и преобразуются в цели и задачи саморазвития. Зрелая личность студента сама становится активным творцом своего «Я», работая над своими знаниями, характером, физическим и психическим состоянием.

в) взаимосвязь и практическая реализация закономерностей в образовательном процессе.

Вышеперечисленные закономерности не действуют изолированно. Они представляют собой динамическую систему. Например, социальная

среда вуза создает условия для деятельности и общения, которые, в свою очередь, стимулируют внутреннюю активность и приводят к разрешению внутренних противоречий, что при поддержке педагога перерастает в осознанное саморазвитие.

Практические результаты для высшей школы:

1. Переход от знаниевой модели образования к компетентностной. Это прямое следствие закономерности единства обучения, воспитания и развития. Нужно оценивать не объем усвоенной информации, а способность решать профессиональные и жизненные задачи.

2. Проектирование образовательной среды. Необходимо целенаправленно формировать развивающую среду вуза: способствовать созданию профессиональных студенческих клубов, развивать институт наставничества, поощрять междисциплинарные проекты.

3. Активные и интерактивные методы обучения. Лекционная система должна быть дополнена и обогащена методами, которые вовлекают студента в деятельность: проблемное обучение, командная работа, образовательные тренинги.

4. Индивидуализация образовательной траектории. Учет закона саморазвития требует предоставления студенту выбора (курсов по выбору, тем исследований, уровня сложности заданий), что повышает его ответственность и мотивацию.

5. Развитие педагогического мастерства преподавателя. Преподаватель сегодня – не транслятор знаний, а наставник, который умеет видеть личность в студенте и выстраивать с ним субъект-субъектные отношения.

Таким образом, формирование и развитие личности студента – это многомерный и динамичный процесс, управляемый комплексом педагогических закономерностей. Их понимание позволяет перевести высшее образование из плоскости простой "передачи знаний" в плоскость целостного личностно-ориентированного образования, направленного на взращивание не просто квалифицированного специалиста, но и зрелой, активной, социально ответственной и способной к постоянному саморазвитию личности.

Игнорирование этих объективных связей ведет к кризису в образовании, когда диплом становится формальностью, а выпускник оказывается не готов к вызовам современности. Следование же им открывает путь к созданию такой образовательной системы, которая не только отвечает на запросы сегодняшнего дня, но и способна формировать будущее.

Литература

1. Машиньян А. А. Педагогика высшей школы. Основы педагогического процесса / А. А. Машиньян, Н. М. Скорнякова, Н. В. Кочергина. – Санкт-Петербург : Лань, 2024. – 132 с.

2. Овсянникова О. А. Психология и педагогика высшей школы / О. А. Овсянникова. – Санкт-Петербург : Лань, 2022. – 236 с.

3. Рогов Е. И. Педагогическая психология + еПриложение : учебник для вузов / Е. И. Рогов, Г. Н. Жулина, М. В. Науменко [и др.]; под редакцией Е. И. Рогова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : КноРус, 2022. – 362 с.

4. Сковородкина И. З. Основы учебно-исследовательской деятельности студентов / И. З. Сковородкина, С. А. Герасимов, О. Б. Фомина. – М. : КноРус, 2020. – 264 с.

5. Солдатова Е. Л. Психология развития и возрастная психология. Онтогенез и дизонтогенез: учебник для вузов / Е. Л. Солдатова, Г. Н. Лаврова. – Москва : Юрайт, 2020. – 384 с.

Svirenko Zhanna,
“Donbass National Academy of Civil Engineering and Architecture” – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”,
PEDAGOGICAL PATTERNS OF STUDENT PERSONALITY FORMATION AND DEVELOPMENT

УДК 165.12

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ «ТРУДНОЙ ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ» В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Северилова Полина Вячеславовна,
кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии,
«Донбасская национальная академия строительства и архитектуры»
– филиал федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования «Национальный
исследовательский Московский государственный университет»

Аннотация. Данная статья посвящена обзору основных подходов к решению «трудной проблемы сознания», сложившихся в современной философии сознания. Дается общая характеристика физикалистских и антифизикалистских оснований существующих теорий сознания. Делается вывод о том, что на современном этапе вопрос о сущности сознания и его онтологическом статусе остается открытым.

Ключевые слова: *философия сознания, «трудная проблема сознания», физикализм, антифизикализм, бихевиоризм, когнитивизм, «теория тождества», «квалиа».*

Abstract. This article is devoted to an overview of the main approaches to solving the «difficult problem of consciousness» that have developed in modern philosophy of consciousness. A general description of the physicalist and anti-physicalist foundations of existing theories of consciousness is given. It is concluded that at the present stage the question of the essence of consciousness and its ontological status remains open.

Keywords: *philosophy of consciousness, the difficult problem of consciousness, physicalism, antiphysicalism, behaviorism, cognitivism, «theory of identity», «qualia».*

В настоящее время проблема сознания является одной из самых дискуссионных и широко обсуждаемых в науке и философии, а философию сознания называют сегодня «первой философией», окончательно оттеснившей метафизику с высшей ступени «философского Олимпа», и самым перспективным направлением современных философских исследований.

В XX веке философия сознания развивалась, в основном, в рамках англоязычной аналитической философии, в настоящее время – это область междисциплинарных исследований сознания специалистами самых разных

отраслей гуманитарного, естественнонаучного, технического знания: нейробиологии, философии, психологии, когнитивных, компьютерных и инженерных наук. Наиболее известные зарубежные ученые, предложившие тот или иной концептуальный взгляд на решение «проблемы сознания» – это, Д. Деннет, Т. Нагель, Х. Патнем, Дж. Серл, А. Тьюринг, Н. Хомский, Д. Чалмерс и многие другие. Среди отечественных авторов можно отметить работы В. В. Васильева, Д. И. Дубровского, А. В. Кузнецова и М. С. Сысоева.

Цель настоящей работы – обзор основных подходов к решению «трудной проблемы сознания», представленных в современной философии сознания.

Экстенсивный рост и совершенствование технологий ИИ, появление генеративных систем ИИ, проявляющих в своей работе некоторые специфические черты, свойственные сознанию, вновь актуализировали в науке интерес к философии сознания, включая одну из наиболее сложных ее проблем: «трудную проблему сознания».

Начало разработки проблем сознания, как правило, связывают с Аланом Тьюрингом, создавшим первые образцы компьютеров в 30-е годы XX века. Машины Тьюринга стали первыми электронно-вычислительными машинами, которые, на основе разработанных алгоритмов, могли выполнять элементарные интеллектуальные операции, например, анализ и сопоставление данных, систематизация данных и т.д..

В 50-е годы XX века А. Тьюринг создает так называемый «тест Тьюринга», с помощью которого можно было бы проверять наличие интеллекта у машин и их способность к мышлению. Суть теста состояла в том, чтобы человек, общаясь виртуально с незнакомым собеседником, на основании вопросов и ответов, мог определить, с кем он общается: с человеком или программой. Если человек не сможет ответить утвердительно, это будет означать, что машины демонстрируют высокий интеллектуальный уровень и способности к мышлению, равные способностям человека.

Можно сказать, что разработка технологий машинного интеллекта, подтолкнула науку к изучению специфики работы механизмов мышления и сознания человека как образца для создания все более совершенного и очеловеченного ИИ. С этого момента и начинаются в науке дискуссии о корреляции механизмов «машинного интеллекта» и мышления (сознания) человека, между которыми может быть обнаружено сходство свойств [1].

С одной стороны, машинный интеллект создается как подобный человеческому, с другой, – человеческий интеллект начинает трактоваться как аналог машинного. В частности, Хилари Патнем, один из наиболее авторитетных аналитических философов XX века, в одной из статей

(«Сознание и машины») прямо называет сознание аналогом компьютерных программ, и приравнивает состояния сознания к вычислительным операциям, выполняемым машинами [1].

Наряду с интересом к теории сознания в аналитической философии, в начале XX века формируется бихевиористский подход, представляющий одно из влиятельных направлений в изучении сознания с позиций психологии. Основателем бихевиоризма был Джон Уотсон**,** опубликовавший в 1913 г. программную работу «Психология с точки зрения бихевиориста». Продолжателем дела Уотсона в середине XX века становится Б. Ф. Скиннер, поставивший перед собой задачу экспериментального подтверждения бихевиористской трактовки сознания как сознательного поведения. Успех в обучении животных сложным навыкам, убедил его в справедливости бихевиоризма, то есть, в том, что сознание животных и сознание человека – не что иное, как сознательное поведение, которое может быть сформировано извне как реакции на внешне подкрепленные стимулы [1].

С точки зрения бихевиоризма, сознание как совокупность неких внутренних сознательных актов не может быть предметом научного исследования, а так как психология претендует на то, чтобы называться наукой, единственным доступным для объективного научного исследования может быть только человеческое поведение, представленное в виде корреляции: «внешний стимул – реакция». Бихевиористы фактически игнорировали возможность исследования внутренней стороны сознания и сводили его к внешнему поведению, доступному для изучения со стороны «третьего лица».

Бихевиоризм неоднократно подвергался серьезной критике и, в конце концов, не выдержал проверки временем как психологическая теория, однако, параллельно с экспериментальной психологией, к подобным идеям обращается и аналитическая философия. В частности, Гилберт Райл, в работе «Понятие сознания» (1949 г.), признанной классическим трудом по аналитической философии сознания, используя бихевиорстские установки, предлагает интерпретацию сознания в поведенческом ключе. Он призывает окончательно изгнать сознание из «машины» человеческого тела, как «призрака», порожденного дуалистической метафизикой, трактующей сознание как независимую от тела субстанцию («мыслящая субстанция» Р. Декарта) [2].

Классические подходы к сознанию как субстанции критикуются аналитическими философами как философский миф и «догма призрака в машине» (Г. Райл), взамен предлагается решение проблемы дихотомии «сознание – тело» в пользу их «отождествления». Так, с середины 50-х годов, в работах У. Плейса, Дж. Дж. С. Смарта, Д. Армстронга и других

авторов, в аналитической философии утверждается так называемая «теория тождества» (the mind/brain identity theory), согласно которой сфера ментального приравнивается к процессам, происходящим в мозге [3].

Мозг, согласно «теории тождества», выступает посредником между стимулами и реакциями, то есть, внешними факторами и ответным поведением, и это позволяет объяснять ментальные состояния, составляющие содержание внутреннего мира, без обращения к каким бы то ни было метафизическим аргументам. Аналитическая философия пошла по пути уподобления ментального физическому, и, наряду с бихевиористским подходом, в котором мозг рассматривается как посредник между «внутренним» человеком и «внешним» поведением, в ней начинается разработка различного рода когнитивистских трактовок сознания, непосредственно отождествляющих мозг и сознание.

Когнитивистский подход к интерпретации сознания, рассматривающий сознание с материалистических позиций, оказал влияние на появление различных когнитивных теорий сознания. Основой когнитивизма становится трактовка мозга как аналога сознания, а главным предметом изучения – деятельность мозга и процессы мышления, протекающие в нем.

В рамках когнитивизма формируются несколько направлений, для которых общим является физикалистская (материалистическая) и механистическая трактовка сознания, сводящая ментальные процессы к работе мозга, функционирующего как машинный автомат. Например, Бернард Баарс, представляющий когнитивистскую «теорию глобального рабочего пространства», описывает работу сознания как деятельность в мозге огромного «множества специализированных автоматических процессоров, часть которых встроены и организованы внутри других процессоров», «конкурирующих и кооперирующихся друг с другом ради получения доступа к глобальной рабочей области», которая трактуется как основа сознания [4].

Очевидно, речь идет об уподоблении человеческого мышления – работе компьютера, а мозг – центральному процессору, основной функцией которого является обработка информации. Сознание, с этой точки зрения, приравнивается к программному обеспечению, которое «определяет работу организма через мозг», и выступает «носителем данных программ» [5].

С развитием когнитивистских подходов связано и формирование во второй половине XX века новых научных направлений междисциплинарного исследования деятельности сознания в его связи с мозгом, таких, как «нейронауки» и «когнитивные науки». Предметом этих новых отраслей знания становятся проблемы исследования нейронных коррелятов сознания, соотношение сознания и языка, механизмов познания,

возможности появления «разума» у машин и многие другие [6]. Общую основу когнитивных наук составляет представление о том, что сознание – это «когнитивная архитектура – механизм обработки данных» [7].

«Нейронауки» – это совокупность самых разных дисциплин: нейробиологии, молекулярной биологии, оптогенетики, неврологии, психологии, физики, инженерных и других наук, нацеленных на исследование работы мозга и системы нейронов как ключевых элементов его деятельности. В нейронауках выделяется также когнитивная нейробиология, непосредственно изучающаяся нейронные механизмы когнитивной деятельности, взаимосвязь активности нейронов и синапсов в мозге с процессами познания, восприятия и поведения.

Когнитивные науки также представляют собой область междисциплинарных исследований процессов познания, включая данные нейронаук, а также философии (эпистемологии и методологии науки), психологии (когнитивной психологии), лингвистики, антропологии, нейрофизиологии, искусственного интеллекта, теории информации, теоретической информатики, генетики и других наук. Одна из основных проблем, поставленных в когнитивных науках – это прояснение соотношения «сознание – мозг», в контексте поиска единого коррелята сознания, в качестве которого, как правило, выступают «нейронные процессы» [8].

Нейронные сети рассматриваются в когнитивных науках как единое «нейронное рабочее пространство», внутри которого осуществляется в мозге передача всей актуальной информации, и активизируются когнитивные механизмы, использующие различные познавательные инструменты, такие, как: восприятие, память, внимание и т.д. Деятельность сознания, тем самым, отождествляется с нейронными событиями, а само сознание, как писал один из ведущих современных нейробиологов, С. Деан, может быть определено как «трансляция единого информационного потока в коре головного мозга» [9].

Очевидно, и нейронауки, и когнитивные науки, исследуют сознание с физикалистских (материалистических) позиций, утверждая научный эмпирический метод его изучения как единственно возможный. Работа нейронов – это то, что может быть зафиксировано различными приборами, подтверждено экспериментально, верифицировано и представлено как объективный процесс, происходящий в мозге, соответствующий психической деятельности разных уровней [10].

Наряду с физикализмом, в философии сознания XX века, формируются и антифизикалистские подходы к интепретации сознания. Они, как правило, связаны с «квалитативной» теорией сознания, которая начинает обсуждаться в философии с конца 20-х – 30-х годов XX века.

Концепция «квалиа» предполагает, что внутренний опыт человека представляет собой совокупность субъективных переживаний, названных «квалиа». При помощи «квалиа» может быть описана работа так называемого феноменального сознания, не сводимого ни к когнитивным функциям, ни к физическим процессам, протекающим в мозге, ни к поведению [11].

Термином «квалиа» (от лат. qualis – «какой»), введенным в науку американским аналитическим философом К. И. Льюисом, стали обозначать отдельные элементы субъективного восприятия человеком разного рода чувственного опыта. «Квалиа» – это субъективные качества индивидуального опыта, которые не сводимы к физическим процессам и не могут быть описаны в терминах физического. Классическими примерами *квалиа* являются ощущения: зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, а также внутренние переживания, связанные с чувствами боли, радости, печали т д., которые выступают в качестве содержания индивидуального сознания и оказываются доступными к описанию лишь «от первого лица».

Дэниел Деннет определяет «квалиа» как «необычный термин для обозначения самой обычной из возможных для нас вещи: того, как вещи выглядят для нас» [12]. В статье «Quining qualia» он выделяет четыре базовые характеристики «квалиа»: «невыразимость», то есть, невозможность описания и трансляции субъективных переживаний вовне; «присущесть», то есть, доступность носителю опыта, в котором они выступают как внутренние свойства, не связанные с отношениями с другими внешними объектами; «частность» (приватность) как сугубая индивидуальность и недоступность внешнему наблюдателю; прямое и непосредственное восприятие сознанием: переживание *квалиа* автоматически порождает знание о том, что ты переживаешь *квалиа*, а знать *квалиа,* – означает переживать *квалиа* [12].

Само же существование «квалиа», их неописуемость, невыразимость, непознаваемость, невозможность фиксации в качестве физических явлений, приводит к формированию представлений о том, что «квалиа» – это и есть сознание. С этой точки зрения сознание как совокупность «квалиа» оказывается своего рода «вещью в себе», а значит, как писал Д. Чалмерс, «стандартные методы нейронауки и когнитивной науки не годятся» для его исследования [13].

Собственно, «трудная проблема сознания» и была сформулирована Дэвидом Чалмерсом в работах 1994-1996 годов. Он предложил концепцию «великого разделения» всех проблем сознания на «лёгкие» и «трудные» (easy/hard problem of consciousness). «Лёгкими» он называет проблемы, которые изучаются когнитивными науками, исследующими феноменальный ментальный опыт и его реализацию в поведении, однако

объяснение сознания без учета внутреннего психологического опыта, он считает ошибочным, ведь оно не учитывает специфические «ментальные состояния как осознанно переживаемые состояния» [13].

Суть «трудной проблемы сознания» состоит в сложности объяснения существования внутреннего субъективного опыта, объяснения того, почему и как функционирование сознания сопровождается субъективными переживаниями *квалиа*, недоступными к фиксации и интерпретации при помощи эмпирических методов.

«Трудная проблема сознания» становится вызовом физикализму, утверждающему, что все, что существует в нашем мире либо является физическим, либо может быть «супервентно» физическому, то есть, соотнесено с ним. На основании ее интерпретации выстраивается современная критика физикализма такими философами, как Ф. Джексон, С. Крипке, Т. Нагель, Д. Чалмерс и многими другими. Каждый из этих авторов предлагает те или иные аргументы в подтверждение несостоятельности материалистических трактовок сознания.

Одним из самых известных становится «аргумент знания», вариант которого был предложен Томасом Нагелем в его знаменитой статье «Каково быть летучей мышью?» (1974) [14]. Суть данного аргумента состоит в том, что никакое доскональное изучение биологии и поведения летучей мыши, не даст нам возможность понять, что значит *быть* летучей мышью, что значит воспринимать и переживать мир так, как его воспринимает и переживает летучая мышь. Этот аргумент показывает, что сознание непереводимо, недоступно к объяснению «от третьего лица».

К самым известным «аргументам представимости» относится так называемый «аргумент зомби». Это своего рода мысленный эксперимент, в котором предлагается представить существование такого существа («философского зомби»), которое во всем физически идентично обычному человеку (физические параметры, поведение, реакции), но полностью лишено субъективного опыта («квалиа»). Если мы можем представить подобное существо, то, следовательно, его существование возможно. В формулировке Д. Чалмерса это звучит так: «если физически идентичный зомбийный мир логически возможен, то из этого следует, что присутствие сознания – дополнительный факт о нашем мире, не гарантируемый одними лишь физическими фактами» [13].

Все выдвинутые против физикализма аргументы не отрицают возможности научного познания мира, но они призваны показать его ограниченность в том случае, когда предметом исследования становится ментальная сфера. Даже если мы признаем факт порождения сознания мозгом, будет ли из него следовать автоматическое признание сознания физичным? Являются ли процессы, происходящие в мозге, основанием для

их отождествления с сознанием, и действительно ли нейронауки «получили «прямой» доступ к сознанию»? Может ли быть окончательно решена ключевая проблема философии сознания (проблема «сознание – тело») с позиций материализма, трактующего сознание как биологическую, нейробиологическую или когнитивную систему, предназначенную для механической обработки данных? Не ведет ли подобная интерпретация сознания к фактическому его отрицанию, как утверждают сторонники элиминационной теории или иллюзионизма, элиминирующие сознание как ментальное событие, и признающие обыденные представления о сознании ложными, если не иллюзорными?

Ответом на эти многочисленные вызовы физикализма и стала формулировка «трудной проблемы сознания» как открытого вопроса о сущности сознания, его онтологическом статусе, о его природе и неразгаданной тайне присутствия в мире материальных вещей.

Литература

1. Васильев В. В. Трудная проблема сознания / В. В. Васильев [Электронный ресурс]. – URL : https://royallib.com/book/vasilev_vadim/trudnaya_problema_soznaniya.html.

2. Гилберт Р. Понятие сознания / Р. Гилберт. – [Электронный ресурс]. – URL : https://gtmarket.ru/library/basis/3298.

3. Smart J. J. C. The mind/brain identity theory / J. J. C. Smart // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – [Электронный ресурс]. – URL : https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.e238ec96-692069cf-55958448-74722d776562/https/plato.stanford.edu/entries/mind-identity/.

4. Баарс Б. Когнитивная теория сознания. Перевод и научная редакция проф. А. А. Алексеева / Б. Баарс. – [Электронный ресурс]. – URL : https://old.herzen.spb.ru/uploads/petryarkin/files.pdf.

5. Заркуа В. Т. Понимание сознания в когнитивно-психологических и физикалистских психологических теориях / В. Т. Заркуа. – [Электронный ресурс]. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/ponimanie-soznaniya-v-kognitivnopsihologicheskih-i-fizikalistskih-psihologicheskih-teoriyah.

6. Черникова И. В., Логиновская Ю. В. Сознание в когнитивной науке / И. В. Черникова, Ю. В. Логиновская. – [Электронный ресурс]. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/soznanie-v-kognitivnoy-nauke.

7. Велихов Е. П., Котов А. А., Лекторский В. А., Величковский Б. М. Междисциплинарные исследования сознания : 30 лет спустя // Вопросы философии. – 2018. – № 12. – URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2070&Itemid=44.

8. Деан С. Сознание и мозг. Как мозг кодирует мысли / С. Деан. – [Электронный ресурс]. – URL:

https://royallib.com/book/dean_stanislas/soznanie_i_mozg_kak_mozg_kodiruet_misli.html?ysclid=mi4izx8ck3931591635.

9. Проволович Т. О. Сознание и объективные научные методы в философии и нейронауках / Т. О. Проволович. – [Электронный ресурс]. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/soznanie-i-obektivnye-nauchnye-metody-v-filosofii-i-neyronaukah.

10. Ускова Е. В. Квалиа – центральный элемент теории сознания? / Е. В. Ускова. – [Электронный ресурс]. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/kvalia-tsentralnyy-element-teorii-soznaniya.

11. Dennett D. C. «Quining qualia» / D.C. Dennett // Consciousness in Contemporary Science. – [Электронный ресурс]. – URL : https://www.academia.edu/32295373/Consciousness_in_contemporary_science.

12. Чалмерс Д. Сознающий ум. В поисках фундаментальной теории / Д. Чалмерс. – [Электронный ресурс]. – URL : https://royallib.com/read/chalmers_devid/soznayushchiy_um_v_poiskah_fundamentalnoy_teorii.html#0.

13. Nagel T. «What is it like to be a bat?» / T. Nagel // Philosophical Review. LXXXIII (4). – [Электронный ресурс]. – URL : https://puredhamma.net/wp-content/uploads/What-is-it-Like-to-be-a-Bat-Nagel-1974.pdf.

Severilova Polina,
“Donbass National Academy of Civil Engineering and Architecture” – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”,
PHILOSOPHICAL AND HISTORICAL UNDERSTANDING OF SCIENCE AND LINGUISTIC SPACE

УДК 69.002.5; 621.31

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ФОРМИРОВАНИИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ МЕХАНИЗАЦИИ ДЛЯ СТРОИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Сельская Ирина Владимировна,
кандидат химических наук, доцент,
зав. кафедрой «Автоматизация и электроснабжение в строительстве», «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный университет»

Аннотация. В настоящее время все больше используется область науки и техники, основанная на объединении узлов точной механики с электронными, электротехническими и компьютерными компонентами. А это дает реальную возможность не только проектировать, но и создавать качественно новые производственно-технологические модули, механические системы и машины с интеллектуальным управлением их функциональных движений на базе электронно-вычислительной техникой и современных цифровых технологий. Поэтому выпускнику высшего учебного заведения направления подготовки наземные транспортно-технологические комплексы необходимо иметь соответствующий уровень знаний в определенной отрасли и владеть информационными и цифровыми технологиями. Отсюда следует, и повышенные требования к качеству подготовки специалистов. Использование в учебном процессе новых современных подходов к обучению, которые максимально должны базироваться на новых технологиях способствует формированию компетентного специалиста.

Ключевые слова: *электротехника, электроника, электропривод, компетентность, транспортно- технологические комплексы*.

Abstract. Currently, the field of science and technology is increasingly being used, based on the combination of precision mechanics with electronic, electrical, and computer components. This provides a real opportunity not only to design, but also to create qualitatively new production and technological modules, mechanical systems, and machines with intelligent control of their functional movements based on electronic and computer technology and modern digital technologies. Therefore, a graduate of a higher education institution specializing

in ground-based transport and technological complexes must have an appropriate level of knowledge in a specific field and be proficient in information and digital technologies. This implies increased requirements for the quality of training specialists. The use of new modern approaches to training in the educational process, which should be based on new technologies as much as possible, contributes to the formation of a competent specialist.

Keywords: *electrical engineering, electronics, electric drive, competence, transport and technological complexes.*

В настоящее время серьезно поставлен вопрос о автоматизации и цифровизации строительного комплекса, поэтому активно внедряются информационные технологии в производственно-технологические процессы. Базовый толчок для этого дало развитие электроники, микропроцессорной техники и внедрение нано технологий в механические процессы производственно-технологического оборудования. Взаимосвязь науки и техники, позволила объединить практическую механику с электротехникой, электроникой, альтернативных источников энергии, электро-, гидро- и пневмоприводов в единый узел. Это довольно-таки сложная система устройств вышла на более высокий уровень, в котором возможно интеллектуальное управления всего агломерата. Такой подход позволил реально создавать и использовать технику, оборудование, машины, управляемые с помощью различных микроконтроллеров, персонального компьютера или других вычислительных устройств. Данное направление широко используется в современных автоматизированных производственно-технологических системах, на базе новейших цифровых технологий проектируются и создаются инновационные системы и машины, которые могут охватить не только весь производственно-технологических строительный процесс, но и отдельно взятые блоки процесса [1, 2, 3].

Для того чтобы управлять такими механизмами и техникой необходим соответствующий специалист. И поэтому выпускник высшего учебного заведения должен иметь соответствующий уровень знаний в определенной отрасли и владеть информационными и цифровыми технологиями. Отсюда следует повышенное требование к качеству подготовки специалистов и внедрению новых современных подходов к обучению, которые максимально должны базироваться на новейших направлениях науки и современных технологий [3].

Данная работа является в настоящее время актуальной, так как введение информационных и цифровых технологий в производственно-технологические процессы становится нормой жизни. Цель работы рассмотреть организацию процесса обучения для направления подготовки

«Наземные транспортно-технологические комплексы» профиль: «Подъемно-транспортные, строительные, дорожные машины и оборудование» с учетом научных достижений и с использованием интерактивных и мультимедийных технологий для дисциплин направления электротехника, электроника и электропривод по формированию компетентного специалиста [4, 5, 6, 7].

Так как в организации учебного процесса одним из главных элементов является программа дисциплины, в которой заложены теоретический и практический материал для изучения и что не мало важно определены и компетенции, которые должны быть сформированы для обучающегося при изучении данных дисциплин [8, 9, 10].

На кафедре «Автоматизация и электроснабжение в строительстве» для направления подготовки ОПОП ВО бакалавриата 23.03.02 «Наземные транспортно-технологические комплексы» профиль: «Подъемно -транспортные, строительные, дорожные машины и оборудование» читается цикл взаимосвязанных электротехнических дисциплин «Общая электротехника и электроника», «Электропривод и автоматизация машин», «Электропривод и электроавтоматика в системах управления лифтов».

Невозможно представить практическую деятельность человека без электроснабжения, которая дает возможность использование электрических приборов, устройств, электрических машин и устройств, аппаратов и электрических промышленных систем. Благодаря точности, чувствительности электрических методов контроля и управления они применяются в автоматизации производственно-технологических процессах [11, 12]. Поэтому дисциплина «Общая электротехника и электроника» входит в обязательную часть учебного плана. Также следует отметить, что электротехника является базовой дисциплиной для электроники. Эти две дисциплины изучаются последовательно и взаимосвязаны между собой.

Общая трудоёмкость дисциплины «Общая электротехника и электроника» составляет 3 зачётные единицы, 108 часов. Количество часов, выделяемых на контактную работу с преподавателем (лекции, лабораторные работы) и самостоятельную работу студента, определяется рабочим учебным планом (на основании базового учебного плана).

В результате освоения дисциплины «Общая электротехника и электроника» обучающиеся должны освоить следующие компетенции, установленные в образовательной программе:

ОПК-1: Способен применять естественнонаучные и общеинженерные знания, методы математического анализа и моделирования в профессиональной деятельности.

ОПК-2: Способен осуществлять профессиональную деятельность с учетом экономических, экологических и социальных ограничений на всех этапах жизненного цикла транспортно-технологических машин и комплексов.

ОПК-6: Способен участвовать в разработке технической документации с использованием стандартов, норм и правил, связанных с профессиональной деятельностью.

Изучение дисциплин «Электропривод и автоматизация машин», «Электропривод и электроавтоматика в системах управления лифтов» базируется на теоретическом и практическом материале дисциплины «Общая электротехника и электроника». Только знание основных законов электротехники; основных величин, характеризующих электрические и магнитные цепи и единицы их измерения; принцип устройства основных электронных приборов и микропроцессорной техники; принцип электрических измерений электротехнических величин; свойства и области применения основных электротехнических и электронных устройств, электротехническую терминологию и символику дает возможность разобраться в устройстве и применении электропривода, автоматизации машин и электроавтоматики в системах управления лифтов.

Так как автоматизация и электроавтоматика работает как на законах и явлениях электротехники, так и на законах и явлениях электроники [7, 12].

Общая трудоёмкость дисциплины «Электропривод и автоматизация машин» составляет 4 зачётные единицы, 144 часа. Количество часов, выделяемых на контактную работу с преподавателем и самостоятельную работу студента, определяется рабочим учебным планом.

В результате изучения дисциплины «Электропривод и автоматизация машин» обучающиеся должны освоить следующие компетенции:

ПК-4: Способен обеспечивать наладку, техническое обслуживание, монтаж и ремонт оборудования подъемных сооружений.

ПК-4.5: Организация и обеспечение технического обслуживания электрического оборудования подъемных сооружений.

ПК-4.6: Организация и обеспечение монтажа, наладки, ремонта, реконструкции и модернизации электрического оборудования подъемных сооружений.

Общая трудоёмкость дисциплины «Электропривод и электроавтоматика в системах управления лифтов» составляет 2 зачётные единицы, 72 часа. Количество часов, выделяемых на контактную работу с преподавателем и самостоятельную работу студента, определяется рабочим учебным планом.

В результате изучения дисциплины «Электропривод и электроавтоматика в системах управления лифтов» обучающиеся должны освоить следующие компетенции:

ПК-1: Способен проводить техническое освидетельствование вновь смонтированных или модернизированных лифтов и обследование лифтов, отработавших назначенный срок службы.

ПК-1.4: Проведение исследований (испытаний) и измерений при сертификации лифтов и устройств безопасности лифтов.

ПК-1.5: Оформление результатов исследований (испытаний) и измерений при сертификации.

ПК-4: Способен обеспечивать наладку, техническое обслуживание, монтаж и ремонт оборудования подъемных сооружений.

ПК-4.5: Организация и обеспечение технического обслуживания электрического оборудования подъемных сооружений.

ПК-4.6: Организация и обеспечение монтажа, наладки, ремонта, реконструкции и модернизации электрического оборудования подъемных сооружений.

Дисциплина «Общая электротехника и электроника» формируется на получении естественнонаучных и общеинженерных знаний, методов математического анализа и моделирования в профессиональной деятельности, на способности осуществлять профессиональную деятельность и участвовать в разработке технической документации, связанной с профессиональной деятельностью. А это все дает фундаментальную базу для реализации формирования компетенций дисциплин «Электропривод и автоматизация машин» и «Электропривод и электроавтоматика в системах управления лифтов». Видно, что компетенции, которые должны быть реализованы при изучении этих дисциплин взаимосвязаны.

Согласно учебному плану данных дисциплин учебный процесс на кафедре «Автоматизация и электроснабжение в строительстве» проходит в формате лекций и лабораторных занятий. Также выделены часы и на самостоятельную работу. Лекционный материал представлен в электронном варианте в виде конспекта лекции и мультимедийных презентациях. В методических указаниях и пособиях изложен теоретический и практический материал для лабораторных занятий и для самостоятельного обучения. Лекционный материал постоянно обновляется. Это связано с тем, что разделы электротехники, электроники, электропровод, автоматизация для наземных транспортно- технологических комплексов постоянно совершенствуются. Вводятся новые транспортные комплексы, разработанные и созданные на базе современных информационных и цифровых технологий.

ПРИМЕР. «В настоящее время все больше используется область науки и техники, основанная на объединении узлов точной механики с электронными, электротехническими и компьютерными процессами. А это дает реальную возможность не только проектировать, но и создавать качественно новые модули, механические системы и машины с интеллектуальным управлением их функциональных движений. На базе информационных и цифровых технологий идет создание качественно новых модулей движения, мехатронных модулей движения, интеллектуальных мехатронных модулей, а на их основе – движущихся интеллектуальных машин и систем [13, 14].

Если рассматривать автомобиль, то уже реальные мехатронные системы его – это бортовая система контроля и диагностирования, система электронного управления двигателем, противоблокировочная, противобуксовочная системы, система электронного управления подвеской автомобиля и другие. А это есть объединение электромеханических компонентов с силовой электроникой, которые управляются с помощью микроконтроллеров, персонального компьютера и даже возможно с мобильного телефона».

Поэтому и в учебно-методических изданиях должны отражаться, новейшие разработки в области транспортно-технологических комплексов базирующиеся на новых направлениях науки и современных технологиях.

Организация учебного процесса на кафедре построена на методических принципах интерактивного обучения. Занятия направлены на сотрудничество и взаимодействие с обучающимися. Стараемся создавать атмосферу доброжелательности и взаимной поддержки. Используя интерактивное обучение на лекциях и лабораторных занятиях, можно их направить на то, чтобы развивать познавательную активность обучающихся, способность к самостоятельному обучению, вырабатывать навыки работы в коллективе, формировать коммуникативные навыки и компетентность обучающегося.

Стремительное внедрение информационных и цифровых технологий в механические и транспортные комплексы зеркально отразилось и на формирование специалиста данного направления. Невозможно представить современное производство без производственно-технологического оборудования, которое является комплексом механики, электротехники и электроники. Поэтому мы считаем, организация учебного процесса должна совмещать новые направления педагогических технологий и обязательно информационные и цифровые технологии с использованием программного обеспечения. Такой подход способен создать условия для формирования компетентного специалиста.

Литература

1. Олещук В. А. Автоматизация производственных процессов в машиностроении : учебное пособие / В. А. Олещук. – Вологда : Инфра-Инженерия, 2023. – 152 с.

2. Евтушенко С. И. Автоматизация и роботизация строительства : учебное пособие / С. И. Евтушенко. – Южно–Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М. И. Платова ; Московский автомобильно–дорожный государственный технический университет. – Москва : Издательский Центр РИОР, 2022. – 452 с.

3. Горшкова О. О. Подготовка конкурентоспособного выпускника инженерного вуза при взаимодействии с предприятиями в отраслевом кластере : монография / О. О. Горшкова. – Вологда : Инфра-Инженерия, 2025. – 156 с.

4. Кругликов В. Н. Интерактивные образовательные технологии : учебник и практикум для вузов / В. Н. Кругликов, М. В. Оленникова. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 355 с.

5. Плаксина И. В. Интерактивные образовательные технологии : учебное пособие для вузов / И. В. Плаксина. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 151 с.

6. Сельская И. В. Реализация в учебном процессе интерактивных и мультимедийных технологий для дисциплин электротехнического цикла / И. В. Сельская. Наука и мир в языковом пространстве : сб. науч. трудов VIII Международной научной конференции. – Макеевка : ГОУ ВПО «ДОННАСА», 2022. – С. 125–132.

7. Сельская И. В. Практическое применение мультимедийных технологий в процессе преподавания электротехнических дисциплин / И. В. Сельская. – Казань, Научный Интернет-журнал КГАСУ, 2023, № 23, – С. 59–68.

8. Романова К. Е. Педагогика высшей школы : учебное пособие / К. Е. Романова, Л. А. Опарина. – 2-е изд. перераб. – Иваново : ИВГПУ, 2025. – 248 с.

9. Стародубцев М. П. Организационно-педагогическое обеспечение формирования универсальных компетенций обучающихся при освоении образовательных программ в современном техническом вузе : учебное пособие / М. П. Стародубцев, О. И. Пономарев, Т. В. Сапсаева. – Санкт-Петербург : СПбГУТ им. М. А. Бонч-Бруевича, 2024. – 167 с.

10. Курзаева Л. В. Управление качеством профессионального образования на основе компетентностного подхода : монография / Л. В. Курзаева, И. Г. Овчинникова, Д. С. Конькова. – 2-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА, 2023. – 152 с.

11. Семенова Н. Г. Электроснабжение с основами электротехники. Часть 1 : учебное пособие / Н. Г. Семенова, А. Т. Раимова. – Оренбург : Оренбургский государственный университет, 2016. – 142 с.

12. Сельская И. В. Применение интерактивных технологий для формирования компетентного специалиста строительного профиля по электроснабжению / И. В. Сельская. // Наука и мир в языковом пространстве : сб. науч. трудов X Международной научной конференции. – Макеевка, 2024. – С.108–115.

13. Веригин А. Н. Мехатроника. Инженерный подход : бакалавриат, специалитет : учебное пособие для вузов. / А. Н. Веригин, Н. А. Незамаев и др. – 2-е изд., стер. – Санкт – Петербург : Лань, 2025. – 644 с.

14. Абрамов И. В. Интеллектуальные мехатронные системы : учебное пособие / И. В. Абрамов, А. И. Абрамов, Ю. Р. Никитин, С. А. Трефилов. – Москва : Ай Пи Ар Медиа, 2025. – 185 с.

Selskaya Irina,
“Donbass National Academy of Civil Engineering and Architecture” – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Moscow State University of Civil Engineering”,
INTERCONNECTION OF ELECTRICAL ENGINEERING DISCIPLINES IN THE FORMATION OF SPECIALISTS IN THE FIELD OF MECHANIZATION FOR CONSTRUCTION PRODUCTION

УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ – УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ

1. «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры» – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет».

2. Белорусский государственный университет иностранных языков.

3. ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет».

4. Президентская Академия Донецкий филиал РАНХиГС.

5. ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции» Минюста России.

6. ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».

7. ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского».

8. ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет».

9. Республиканский архитектурно-строительный лицей-интернат ДОННАСА – филиала НИУ МГСУ.

Выражаем благодарность всем участникам конференции!
Надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество!

Оргкомитет конференции

Информация для авторов статей

Принимаются не опубликованные ранее оригинальные материалы. Авторы несут полную ответственность за точность и достоверность представленных материалов.

Перечень обязательных документов, предоставляемых для публикации статьи:

1. Статья:

первая строка – УДК (слева вверху);

через строку название статьи ПРОПИСНЫМИ буквами (по центру полужирное начертание);

через строку фамилия и инициалы автора, ученая степень, звание (справа полужирным курсивом);

полное название организации (справа полужирным курсивом);

через строку аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (5–7) на 2-х языках – русском и английском;

после пустой строки располагается текст статьи;

через строку литература;

через строку на английском языке фамилия и имя автора, полное название организации, название статьи ПРОПИСНЫМИ буквами.

Статья от 5-х до 8-ми полных страниц, формат А4, шрифт Times New Roman, 14 кегль, одинарный междустрочный интервал, поля по 25 мм со всех сторон, абзацный отступ 1,25 см, выравнивание по ширине.

Текст статьи должен содержать следующие структурные элементы:

- постановка проблемы в общем виде и её связь с важными научными или практическими задачами;
- анализ последних исследований и публикаций, в которых исследуется данная проблема и на которые опирается автор, выделение нерешённых вопросов, которым посвящена статья;
- формулировка целей статьи;
- изложение основного материала исследования с обоснованием полученных научных результатов;
- выводы проведенного исследования и перспективы последующего развития в данном направлении.

В конце – список литературы (от 3-х позиций), оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008. Ссылки в тексте на соответствующий источник из списка литературы оформляются в квадратных скобках. Например: [5, с. 10].

Текст предоставляется в виде файла MS Word.

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

«ДОНБАССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И АРХИТЕКТУРЫ» ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

XI Международной научной конференции

«НАУКА И МИР В ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ»

18 ноября 2025 г.

г. Макеевка

Ответственный за издание: *Р. Н. Назар*

Авторы научных статей несут ответственность за оригинальность текстов, а также достоверность изложенных фактов и положений.

Электронный ресурс. – URL: http://donnasa.ru